

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

О жизни и творчестве художника Карла Брюллова
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Мирные военнопленные 4
<i>Юрий Осипов</i>	Этот очень странный Даниил Хармс 82

Это интересно

<i>Денис Логинов</i>	Как пересаживать сердца, или жизнь и дело Владимира Демихова 16
----------------------	--

Забывтые усадьбы

<i>Дмитрий Зелов</i>	Казино Монте-Карло на московской окраине?! 27
----------------------	--

Документальная повесть

<i>Николай Черкашин</i>	Брестские ворота 34
-------------------------	----------------------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Карл Брюллов. «Всадница» 66
---------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Дарья Терехова: «Я влюбилась в оперу в первый же год» обучения в ГИТИСе» 75
<i>Иван Переверзин</i>	Мой Глазунов 101

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Актриса и призрак 120
--------------------------	------------------------------------

Детектив

<i>Наталья Солдатова</i>	Химера 128
--------------------------	-------------------------

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Солистка Московского академического
театра им. Станиславского
и Немировича-Данченко
Дарья Терехова (фото из личного архива)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24,
стр. 4, э7, пом I ком 49
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.05.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Он не прославил свое имя ни на поле брани, ни на дипломатическом поприще, ни в делах управления государством. Сын от первой, нелюбимой жены Петра I царицы Евдокии мало что унаследовал от своего великого отца. Тот считал себя слугою государства, в то время как Алексей готов был довольствоваться пассивной ролью «помазанника Божьего», не обременяя себя трудами и ратными подвигами. Судьба сына или судьба страны — таков был выбор Петра, и он его сделал...

Алла **Зубкова** «Царевич Алексей»

« Замечательный советский писатель Евгений Шварц был в своем роде «многостаночником». Писать умел все: сказки, пьесы, стихи, фельетоны, смешные рассказы и новеллы, киносценарии, балетные либретто, цирковые репризы...

Человеком он был закрытым, однако мог рассмешить до слез даже таких искушенных в юмористике собратьев по перу, как Зощенко и Хармс. Прожил он немного — всего 62 года. В свое время Бунин писал о Чехове: «До самой смерти росла его душа». То же самое можно сказать и о Шварце. Он словно чувствовал, что ему осталось недолго, стал под конец жизни задумчивым, молчаливым, мало общался с людьми. Своему другу, писателю Л.Пантелееву, он говорил со смущенной и чуть виноватой улыбкой: «Испытываю судьбу: подписался на тридцатитомное собрание Диккенса. Интересно, на каком томе это случится...» Это случилось задолго до выхода последнего тома — 15 января 1958 года.

Юрий **Осипов** «Добрый волшебник Евгений Шварц»

« На западе Московской области есть небольшой, но уютный в своем неспешном очаровании городок Руза. А в самом его центре, в старинном купеческом особняке, расположился краеведческий музей. Вроде бы музей как музей, подобных очагов культуры по всей нашей стране — сотни. Но это не совсем так: Рузский музей — старейший в Подмосковье, ему уже более века, и ведет он свою историю аж с 1906 года.

Дмитрий **Зелов** «Старейший музей Подмосковья»

« В русском православном календаре давным-давно есть праздничная дата — 8 июля, когда отмечается день святых Петра и Февронии, покровителей супружеской жизни. Петр и Феврония жили в XII–XIII веке, а канонизированы были в XVI-м, когда слава о них разнеслась уже по всей русской земле, а Русь, наконец, окончательно стала полноценным сильным царством, объединив собой десятки прежних небольших княжеств..

Светлана **Бестужева-Лада** «День любви и верности»

« Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Химера»

Светлана
Бестужева-Лада

МИРНЫЕ

22 июня исполняется 78 лет со дня начала Великой Отечественной войны — самой, пожалуй, страшной в истории России. О ней написаны тысячи книг, десятки тысяч статей, снято множество фильмов. Но во всем этом огромном массиве информации практически невозможно отыскать сведения о тех советских гражданах, которые оказались в этот трагический день во враждебном государстве, бесконечно далеко от линии фронта. Советские сотрудники посольства, приехавшие в командировку специалисты, члены их семей... Даже число их достоверно неизвестно. Имеющиеся источники — как советские, так и западные — содержат противоречивые и несовпадающие оценки, и никто, в сущности, не попытался свести их воедино, сопоставить и проанализировать.

Почему? На этот вопрос нет однозначного ответа. Ведь речь идет не о миллионах и даже не о сотнях тысяч человеческих судеб, а всего лишь о нескольких тысячах. Капля в океане страшной трагедии.

И капля в капле — судьба старшего сына Сталина Якова, непосредственно связанная с судьбой интернированных советских граждан.

История — большая мастерица на такие сюжетные хитросплетения...

Сказать, что атмосфера в столице Третьего рейха перед самым началом войны была гнетуще-удушливой, значит, приукрасить положение. Официальные лица Германии избегали каких-либо контактов с советскими сотрудниками посольства. А глухие слухи о неизбежном и близком начале войны — 6 апреля, 20 апреля, 18 мая, — не позволяли расслабиться ни на минуту.

На Заявление ТАСС от 14 июня, что, «по данным СССР, в Германии также неуклонно соблюдают условия советско-германского пакта о ненападении...», с немецкой стороны реакцией было полное и абсолютное молчание. Ни одна немецкая газета о нем даже не упомянула, по радио звучали браваурные марши и речи высокопоставленных лиц — о чем угодно, только не об СССР.

Но раз Берлин спокоен, значит, все это — лишь злокозненные слухи? И советское посольство, и торгпредство продолжали работать в обычном режиме. Удивительно, но даже жен и детей никто из сотрудников не попытался отправить домой. Хотя... если бы даже попытались, получили бы обвинение в провокационных действиях, со всеми вытекающими последствиями.

Ну и, конечно, знаменитое русское «авось». Авось все «устаканится», ведь есть же пакт о ненападении.

Правда, 21 июня советское посольство получило из Москвы предписание сделать германскому правительству еще одно чрезвычайное

заявление, в котором предлагалось немедленно обсудить состояние советско-германских отношений. Но, как уже говорилось, немцы упорно сохраняли «режим молчания». Весь день, через каждые полчаса, из посольства звонили в германский МИД, но... Риббентроп, другие ответственные лица отсутствовали. Секретарь МИДа пару раз вяло ответил, что рейхсминистр на важном совещании у Гитлера. Но это было в первой половине дня, потом на телефонные звонки вообще никто не реагировал.

Аналогичную попытку хоть как-то прояснить обстановку уже в девять часов вечера предпринял в Москве и Молотов, пригласив к себе посла Шуленбурга. Тот не посмел проигнорировать приглашение, но ничего конкретного не сказал, отделяясь общими фразами и ссылками на пресловутый пакт.

Поразительное хладнокровие! Ведь Шуленбург прекрасно знал, что через несколько часов на СССР посыплются бомбы, и у него не могло быть уверенности в том, что одна из них случайно не угодит в немецкое посольство. Единственное, в чем он был уверен — это в скорой эвакуации посольства, но... Но ведь русские вполне могли этого не допустить и, в лучшем для немцев случае, отправить их за решетку. Дипломатическая неприкосновенность — понятие весьма и весьма относительное, особенно во время войны.

В Берлине же события начали развиваться совершенно неожиданно.

данным образом. Внезапно, около 5 утра по московскому времени, в посольство позвонили из МИДа и пригласили посла Деканозова приехать к Риббентропу. Там, у входа в здание министерства, уже толпилось множество журналистов.

Едва увидев Риббентропа, советский посол попытался начать зачитывать ему советское заявление, но министр отмахнулся и очень невнятно, словно пьяный, забормотал, что советские военнослужащие не раз нарушали границу и вторгались на германскую территорию. Правительство рейха рассматривает это как угрозу... терпение фюрера не безгранично... решено принять кардинальные меры для безопасности немецкой нации... решение фюрера окончательное... час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза, и фюрер поручил ему, Риббентропу, официально объявить об этом.

И это все — через час после фактического начала войны и после нескольких недель уклонения от каких-либо переговоров вообще!

Перед уходом Деканозов успел сказать Риббентропу:

— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеее, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...

И тут Риббентроп неожиданно повернулся и бросился вслед Деканозову, произнеся быстрым шепотом:

— Я лично был против этого решения фюрера, даже отговаривал его от нападения на Советский Союз. Я лично считаю это безумием. Но... все напрасно. Передайте в Москве, что я был против.

Большое утешение!

Тем более что в это самое время советское посольство уже было окружено эсэсовцами, а связь с внешним миром — оборвана. Ни позвонить, ни послать телеграмму не было возможности. Работал только радиоприемник, но радости от этого было мало: по нему передавали зарядку, «Пионерскую зорьку», вести с полей и новости о достижениях передовиков.

Только в 12 часов дня сотрудники посольства услышали глуховатый голос Молотова:

«Сегодня, в 4 часа утра... Без объявления войны... Напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...»

Но до победы было еще долгих 1418 дней...

В посольстве сразу же были приняты меры к немедленному уничтожению секретной документации. Консульские работники занялись уточнением списков советских граждан, находившихся как в самой Германии, так и на оккупированных ею территориях. Но через очень недолгое время в здание ворвались эсэсовцы и захватили архивы.

В 14 часов в посольство позвонили из МИДа и потребовали выделить одного советского дипломати-

ческого представителя для связи с ними, пока какая-либо страна не возьмет на себя защиту интересов Советского Союза. Всем остальным категорически запретили покидать территорию посольства. Телефонная связь стала работать, но только с немецкой стороны.

К вечеру 22 июня двор посольства стал походить на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства, торгпредства и других советских учреждений, их семьи. Было много

одиночные камеры. Десять дней держали там без еды, били, пытались выведать секретную информацию. Но потом вернули к остальным пленным в небольшой концлагерь, спешно сооруженный недалеко от Берлина. Туда же свезли и тех, кто не успел укрыться в посольстве, не позволив взять с собой ничего из вещей.

По очень приблизительным подсчетам (ибо документов почти не сохранилось), к началу войны в Германии и на оккупированных ею территориях Европы находилось около тыся-

К вечеру 22 июня двор посольства стал походить на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства, торгпредства и других советских учреждений и их семьи. Было много детей — от грудничков до школьников. Размещались, кто где мог, под неусыпной охраной эсэсовцев

детей — от грудных до школьников. Мест всем не хватало. Размещались, кто где мог, под неусыпной охраной эсэсовцев.

С торгпредством же так не получилось. Четверо его сотрудников, забаррикадировавшись на верхнем этаже, жгли документы. Вломившиеся, наконец, эсэсовцы увидели лишь груды пепла на сильно обгоревшем полу комнаты, а из окна валил черный дым.

Всех четверых смельчаков схватили, повезли в гестапо и бросили в

чи советских граждан — специалисты, посланные в различные командировки, сотрудники посольств и торгпредств и члены их семей. Все они были интернированы, причем подавляющее большинство так и осталось в концентрационных лагерях, и об их судьбах практически ничего неизвестно — никаких воспоминаний нет.

Больше «повезло» сотрудникам советских посольства и торгпредства в Берлине: они были нужны Германии для обмена на соответствующих должностных немецких лиц

Деканозов В.Г.

в России. Но на родину дипломаты и их семьи добирались долгим и мучительным путем, по причинам, известным только руководству рейха.

Не сразу, но была достигнута договоренность, что обязанность защиты советских интересов в Германии берет на себя Швеция, а Болгария, соответственно, защищает интересы немцев в СССР. Но тех оказалось всего 120 человек. Первоначально Германия заявила, что вернет на родину только 120 человек — «по справедливости». Но СССР встал намертво, не желая жертвовать ни одним человеком, и немцы, в конце концов, согласились менять «всех на всех».

Это можно считать убедительной дипломатической победой совет-

ского руководства. Но пока это была победа только на словах. Предстояло реализовать ее на деле, что было очень и очень непросто.

Германия со скрежетом зубным приняла составленный советским посольством список советских работников и членов их семей, обязавшись доставить всех их в Берлин — не только с территории Германии, но и из оккупированных Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Финляндии, Франции. Первоначально планировали сделать это в течение двух дней, но на деле времени понадобилось больше.

Всех интернированных определили в концентрационный лагерь на окраине Берлина, но некоторые все еще находились в берлинской тюрьме. Правда, к советским гражданам допустили советского консула в сопровождении шведского представителя.

2 июля, наконец, их поместили в два поезда. В первый — наших дипломатов и работников других берлинских учреждений, укрывшихся на территории советского посольства. В нем были спальные вагоны с мягкими двухместными купе. Во втором — только тесные сидячие вагоны. В них ехали бывшие заключенные концлагеря и тюрьмы, причем ехали в тяжелейших условиях, со скудным питанием, без теплой одежды.

Оба состава направились к пунктам обмена пленными: по договоренности это должен был быть город Свиленград на турецко-болгар-

ской границе. Двинулись через Прагу, Вену, Белград в Софию. Немцев же было решено доставить на советско-турецкую границу близ города Ленинанкан, чтобы впоследствии транспортировать и тех, и других на родину через Турцию под наблюдением посредников.

Но уже в пути, на территории Югославии, возникли проблемы: поскольку состав с немецкими гражданами еще не прибыл на советско-турецкую границу, то оба состава с советскими людьми возвратили обратно, в югославский город Ниш. Там первый состав загнали на запасной путь и всем запретили выходить из вагонов, а тех, кто был во втором, переправили в местный концентрационный лагерь, где условия содержания были соответствующими. Для нескольких человек это место оказалось последним пристанищем на земле — они умерли от голода и болезней.

Спустя неделю все-таки состоялся обмен на болгаро-турецкой границе. В турецком городе Эдирне, где их встретили представители советского посольства в Турции и консульства в Стамбуле. Всех пересадили в новые железнодорожные составы и отправили в Анкару. Но перед этим местный губернатор устроил прием в честь советских дипломатов.

На специальном военном самолете из Анкары добрались до Москвы. Их невероятная эпопея закончилась, но...

Но осталась без ответа масса вопросов. Хотя бы такой: как почти тысячу человек переправили из Анкары в Москву? С дипломатами все понятно, а остальные?

Остальных, как можно понять из разрозненных сведений, вывезли в августе 1941 года на теплоходе «Сванетия» из Стамбула в Батуми. Судно шло строго вдоль самого турецкого берега, по специальной договоренности не выходя в нейтральные воды, так как там оно могло быть атаковано германской авиацией или флотом. Эта операция завершилась благополучно.

Вообще, этот обмен интернированными гражданами — сплошная загадка. Неизвестны точные дата и место обмена, не опубликовано ни единого документа, подтверждающего этот обмен. Нет ни единой фотографии, подтверждающей этот процесс. Несмотря на огромное число участвовавших в этом обмене людей (140 человек с немецкой стороны; больше 1000 — с советской), в мемуарах участников этой акции отсутствуют ее описания. Глухое молчание с обеих сторон.

Возможно, причиной этого было нежелание обеих сторон показать, что они, сцепившиеся в смертельной схватке на фронтах, способны и на вполне цивилизованное поведение по отношению друг к другу. Возможно, Германия не желала сознаваться в том, что совершила «невыгодный обмен»: нарушила общепринятую в таких случаях мировую практику

обмена при начале войны с равным количеством дипломатов и граждан противоборствующих стран, уступив СССР, практически, по всем позициям.

Причина этой уступки неясна и сегодня.

Но Германия совершила еще один нелогичный поступок: декларируя неполноценность русских и необходимость их физического уничтожения, не тронула представителей «первой волны русской эмиграции»,

выдав себя за «белоэмигранта» (думаю, не без помощи самих эмигрантов).

Между прочим, удалось относительно благополучно покинуть Германию и оказавшимся там советским морякам. 22 июня в Штеттине и Данциге стояло шесть советских судов из Ленинграда. Утром все команды были сняты с судов, отправлены в концлагерь Бланкенфельд под Берлином, и в скором времени большая часть из них была присоединена к со-

Наконец 2 июля всех интернированных поместили в два поезда, и оба состава направились к пунктам обмена пленными: по договоренности, это должен был быть город Свиленград на турецко-болгарской границе. Спустя неделю обмен состоялся. На специальном военном самолете советские дипломаты из Анкары добрались до Москвы. Их невероятная эпопея закончилась, но... осталась без ответа масса вопросов

бежавших из Советской России после революции и гражданской войны. Их общественные организации были распущены — и только. Не то, чтобы уничтожать, арестовывать никого не стали.

И снова — ни документов, ни мемуаров, ни свидетельств очевидцев. Простая констатация фактов, вопросы без ответов. Известно только из случайных высказываний, что некоторым советским гражданам удалось избежать концлагеря,

советским гражданам, которых обменивали на немцев.

Многие обстоятельства и детали этого важного события Великой Отечественной войны стали проясняться лишь после опубликования воспоминаний личного переводчика Сталина, Молотова и Деканозова В. Бережкова, а также экономического советника посольства Германии в Москве (коммуниста и агента советской разведки) Герхарда Кегеля.

Бережков в трех своих книгах фрагментарно описал процесс обмена: без точных дат и указания места главного события. Кегель же не просто написал воспоминания о том, как вывозили из Москвы германское посольство, но еще и привел в них текст официального посольского дневника. Но и он не назвал даты обмена посольств, хотя в других случаях по-немецки скрупулезно приводит едва ли не часы и минуты того или иного события. А вот в период с 14 по 23 июля не приводит ни одной даты.

Существует, правда, еще один серьезный источник: воспоминания о вывозе посольства из Москвы советника посла Германии Хильгера, где он пишет:

«Поездка из Костромы до Лени-накана была куда менее утомительной, чем последующая стоянка у границы, где поезд в течение семи дней находился под палящим солнцем». Значит, обмен был произведен 20–21 июля (по сведениям немецкой стороны).

Конкретную дату обмена, то есть одновременного перехода на территорию Турции групп советских и немецких дипломатов и граждан, Бережков не назвал, однако намекнул на нее историкам, сообщив, что прилетел в Москву в день, в конце которого немецкие самолеты начали сильную бомбежку столицы. В период с 20 по 30 июля Москву бомбили по ночам 21, 22, 23, 25, 26 и 30 июля. Он написал также, что на следую-

щее же утро по прилете в Москву его вызвали на работу в НКВД, несмотря на то, что это было воскресенье. А воскресенье в эти дни было лишь одно — 27 июля. Следовательно, обмененные дипломаты вернулись в Москву 26-го, а сам обмен был произведен 19 или 20 июля 1941 года.

Однако в газете «Правда» за 20 июля 1941 года было опубликовано сообщение, состоящее лишь из одной строчки:

«Бывший посол СССР в Германии Деканозов вернулся в Москву 19 июля 1941 года».

Когда же тогда прилетели в Москву бывшие дипломаты? Внятного ответа на этот вопрос найти не удалось. Получается, что и русские, и немцы, писавшие впоследствии об обмене посольств, или искажали, или скрывали его дату.

Почему?

Можно предположить, что дата столь тщательно скрывалась из-за того, что 19 июля 1941 года, кроме указанного обмена, произошло еще одно важное событие: в этот день Сталин получил записку от своего сына Якова Джугашвили, находившегося в немецком плену:

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша».

После перестройки в нескольких российских газетах была опубликована немецкая листовка, содержащая факсимильный текст этой запи-

ски с допечаткой, указывающей, что это «письмо» было доставлено Сталину «дипломатическим путем».

Через Деканозова? Если да, то становится понятным таинственность дат обмена и сознательное создание путаницы в источниках.

Но в Москве уже знали о пленении Якова Джугашвили: первое документально зафиксированное сообщение ТАСС руководству страны об этом появилось в тот же самый день, когда он написал записку отцу, а Деканозов доставил ее в Москву.

Опять концы с концами не сходятся, а путаница только усугубляется.

Идем дальше, точнее, возвращаемся к загадочным датам. В июле, именно в тот самый день, когда Яков написал записку отцу, французское

агентство Гавас (находившееся на оккупированной немцами территории) впервые сообщило о его пленении. Заметьте, не немецкая пресса, а французское информационное агентство. Скорее всего, это была инсценировка утечки информации через Францию.

Причиной этого вполне могло быть наличие в условиях обмена советской колонии в Германии на немецкие посольство и консульства в СССР пункта о сокрытии факта попадания в плен сына Сталина. Или даже неопределенного намерения отпустить сына советского вождя вместе с советскими дипломатами на родину, чтобы «не усугублять». По-видимому, именно его приезда ждали составы на турецко-болгарской границе, где он и передал Деканозову записку.

Но в СССР Яков не вернулся. Сам отказался, или руководство вермахта передумало, рассудив, что сын Сталина в плену — куда более сильный козырь, чем его возвращение, неизвестно.

Отдельные историки и исследователи до сих пор утверждают, что записка Якова отцу — фальшивка. И это возможно. По странному стечению обстоятельств, первое сообщение берлинского радио о пленении сына Сталина было передано в 12.30 по московскому времени 22 июля 1941 года, через два дня после получения Сталиным весточки от сына и через 7 часов по оконча-

нии первой бомбежки Москвы, которая велась всю ночь на 22 июля.

Очевидно, что оба эти события могли произойти только после обмена — ведь сообщение о пленении Якова прерывало все варианты цивилизованного общения СССР и Германии даже через посредников, а бомбежки Москвы немцы могли начать лишь тогда, когда они уже не представляли угрозы жизни сотрудникам немецкого посольства.

Значит, скорее всего, именно поэтому дата обмена и была засекречена, поскольку она подтверждает факт написания этого письма Яковом.

*Яков Сталин
в немецком
плену*

Вопреки распространенной версии, Яков Джугашвили не сдался в плен и не был захвачен в бессознательном состоянии 16 июля, а был интернирован утром 22 июня 1941 года в поезде, в котором пересек советско-германскую границу, направляясь в служебную командировку. Не исключено, что он находился там под чужим именем, поэтому, разыскивая его, советская сторона потребовала при обмене дипломатов передачи ей всех советских граждан, командированных в Германию, и добилась этого.

Однако не исключено, что именно эта настойчивость и насторожила немецкие спецслужбы, а кто-то из соотечественников опознал сына Сталина и сообщил об этом немцам. По неизвестной причине на большинстве первых снимков Якова Джугашвили в плену он окружен офицерами и унтер-офицерами люфтваффе. Это перечеркивает официальную версию о том, что *«он был... солдатами захвачен в плен к востоку от Витебска...»*

Считается, что сын Сталина воевал с первых дней войны. Но Яков Джугашвили ни минуты не провел в действующей армии, о чем чистосердечно поведал на первом допросе, который проводился в штабе авиации 4-й люфтваффе (заметьте, не в гестапо). Причиной выбора такого странного места для этого, возможно, была необходимость срочной доставки Якова Джугашвили

самолетом в день обмена в Свиленград для предъявления его Деканозову.

В качестве живого «вещественного доказательства», по-видимому.

Немцы готовились к тому, чтобы развернуть вокруг пленения Якова Джугашвили крупнейшую пропагандистскую кампанию, и понимали, что советские спецслужбы и пропаганда сделают все, доказывая, что все их заявления и публикации о пленении сына советского вождя — фальшивка.

Вот и предъявили реального человека со вполне реальной запиской отцу.

Во время этой встречи Якову могли сообщить о выявлении его истинного имени и решении исключить его из обмена и отправить в «лагерь для офицеров». Если бы он был захвачен в плен на фронте, в этой информации не было бы никакого смысла.

Есть еще одно важнейшее событие, происшедшее в роковой день 19 июля 1941 года — в этот день Сталин был назначен наркомом обороны. Сталин ли решил взять всю полноту власти на себя, получив записку Якова и поняв, что оказался на крючке у Гитлера, или Гитлер, узнав о таком его решении, нанес ответный удар, объявив, что сын советского вождя и наркома обороны сдался в плен, считая, что сопротивление бессмысленно? Однозначно ответить на этот вопрос вряд ли удастся.

Так или иначе, сын Сталина оказался в немецком плену, но сенсации из этого не сделала ни та, ни другая сторона. После якобы ответа Сталина на предложение обменять сына на захваченного в плен фельдмаршала Паулюса («Я фельдмаршалов на солдат не меняю»), ценность пленника для немцев свелась к нулю. И его просто убрали, инсценировав самоубийство — бросок на проволоку с током высокого напряжения.

Вопросов много, ответов значительно меньше. Всех свидетелей и участников обмена интернированными русскими и немцами постарались заставить замолчать, сменив им имя и местожительство. До 1980 года было невозможно найти никого из них, они словно растворились на просторах СССР. Ни участниками, ни жертвами войны их не признавали.

Даже после смены государственного строя ничего не изменилось.

Всех свидетелей и участников обмена интернированными русскими и немцами постарались заставить замолчать, сменив им имя и местожительство. До 1980-го года было невозможно найти никого из них, они словно растворились на просторах СССР. Военная тайна, которую кто-то не желает открывать и сегодня. Остается уповать на то, что «нет ничего тайного, что не стало бы явным»

Пунктуально сделанный немцами протокол вскрытия Джугашвили фиксирует пулевое ранение в голову и не содержит ни слова о повреждениях, вызванных электроожогом. Что интересно, в протоколе не зафиксирован и шрам от операции, сделанной Якову несколько лет назад после неудачной попытки самоубийства. А операция была тяжелой, и шрам остался внушительным — в нескольких сантиметрах от сердца.

Родственникам, пытающимся добиться признания бывших интернированных пострадавшими от военных действий, приходят стандартные письменные ответы: «В архивах Министерства обороны и МИД такие сведения отсутствуют».

Военная тайна, которую кто-то не желает открывать и сегодня.

Остается уповать на то, что «нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Вопрос только — когда?.. □

КАК ПЕРЕСАЖИВАТЬ

СЕРДЦА,

ИЛИ ЖИЗНЬ И ДЕЛО

Владимира Демихова

Осенью 1996 года президент России Борис Ельцин был в очень плохом состоянии. Отказывало сердце. Все понимали: срочно нужна операция — медлить больше нельзя. Было решено создать группу консультантов, а возглавить ее пригласили известного кардиохирурга американца Майкла Дебейки, автора множества статей и книг, по которым

учатся кардиологи всего мира. (Сегодня его имя носит Кардиологический центр в Хьюстоне и Международное хирургическое общество.) И вот Майкл Дебейки прибыл в Москву. После приветственных обязательных слов он вдруг спросил у встречавших его сотрудников президентской администрации, как бы ему увидаться с академиком Демиховым. Никто не смог ответить американцу — фамилия «Демихов» важным господам из правительства была совершенно незнакома. А ведь операцию шунтирования, которую планировали сделать Ельцину, еще в 1952–1953 годах разработал именно он, выдающийся русский ученый Владимир Петрович Демихов. И это было далеко не единственным его достижением. Своими невероятными экспериментами он положил начало отечественной, да и вообще мировой трансплантологии. Жизнь его в науке была, несомненно, успешна, только вот материального достатка и славы испытать ему не пришлось...

Владимир Петрович Демихов родился 18 июля 1916 года в деревне Кулини, недалеко от Камышина. Его отец, Петр Яковлевич, погиб в 1919 году. В семье росло трое детей, и их матери, Доминике Александровне, пришлось одной их воспитывать и кормить. Удивительное дело — простая крестьянка, она понимала: чтобы достичь чего-нибудь в жизни, необходимо хорошее образование, и все ее дети окончили высшие учебные заведения.

Володя с детства отличался способностями и желанием учиться — ему хотелось узнать, как устроены живые организмы, как, к примеру, работает сердце, а его учителям в школе было непросто найти ответы на довольно сложные вопросы, интересовавшие их подопечного. В об-

щем, было ясно — этому мальчику не суждено стать колхозником, ему нужно продолжать учебу, и Володю отправили в Сталинград, в фабрично-заводское училище. Получив специальность слесаря и работу на Сталинградском тракторном заводе, он задумал сделать стальное сердце, но при этом понимал, что знаний ему не хватает, и поступил в Воронежский университет. Решено — он будет физиологом. Там, в Воронежском университете, Демихов сделал свое первое искусственное сердце — правда, оно не помещалось в грудную клетку человека, зато исправно качало кровь. Владимир чувствовал, что Воронежский университет не сможет дать ему всего, о чем он мечтал, и он, всеми правдами и неправдами, перевелся в Мо-

сковский университет — на биологический факультет. Окончил его весьма успешно, прямо перед войной. А когда она началась, попал на фронт. Демихов прошел всю войну — служил патологоанатомом в полевых госпиталях. Уже тогда было ясно, что он хирург от Бога, однако операции Владимир делать не мог, поскольку у него не было медицинского диплома. Можно представить, сколько горя он повидал, сколько страшных мучений, искалеченных судеб... А ведь если бы пересадить умирающему от раны в сердце живое сердце от только что погибшего однополчанина или пересадить уцелевшую ногу тому, у кого ее оторвало... Тогда Демихов и придумал это слово — «трансплантация», тогда, наверное, у него и зародилась мечта о банке органов, готовых к пересадке, а еще о специальном госпитале для ветеранов войны...

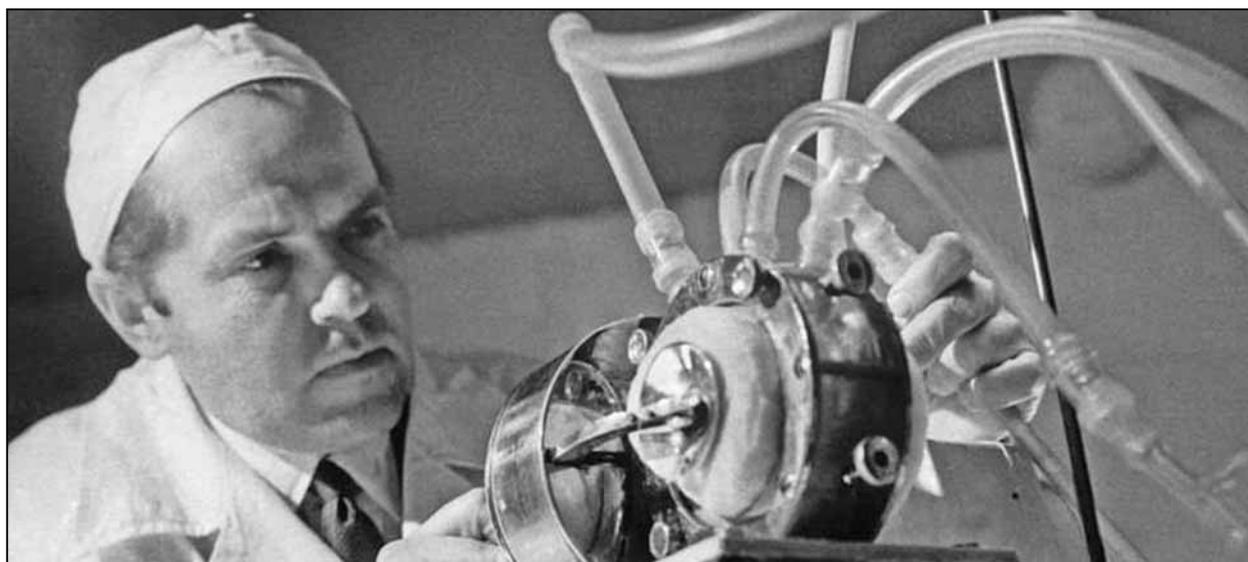
Победу Демихов встретил в Маньчжурии, в звании старшего лейтенанта. Теперь надо было как-то устраиваться в мирной жизни. И Демихов, вернувшись в Москву, стал преподавать физиологию в Пушном институте. А самое главное, ему дали помещение, где он мог экспериментировать!

Как-то Владимир встретил своего давнего друга, с которым учился в университете, — Арона Гурвича. Тот добыл для приятеля морфин для анестезии и поймал в Нескучном саду пару щенков. И вот 23 февраля 1946 года сердце одного щенка было пересажено другому, и этот дру-

гой щенок прожил с двумя сердцами целых 15 минут! Позже Демихов пересадил собаке не только сердце, но и легкие, и подопытное животное прожилось уже 6 дней. Это был успех, но администрация Пушного института его не оценила и выгнала Демихова с работы.

И тогда Владимир пошел к главному хирургу страны — Александру Васильевичу Вишневскому (тому самому, чье имя носит мазь, хранящаяся сегодня почти в каждом доме). Вишневский поверил в Демихова и дал ему возможность работать в своем Институте хирургии. Он не ошибся — в 1951 году Демихов пересадил сердце, а через два года провел операцию коронарного шунтирования псу по кличке Злой. Операция была проведена невероятно быстро — артерии сшили за две минуты, и Злой после того знаменательного дня прожил 7 лет!

Демихов пересаживал собакам печень, сердце вместе с легкими, одно легкое, без сердца, и одно сердце без легких. У него постоянно рождались совершенно революционные идеи — ему очень хотелось, чтобы с помощью пересадки органов врачи смогли продлевать людям жизнь. В 1951 году он впервые заменил собаке сердце на донорское. А 1955-м на XXVI Всесоюзном съезде хирургов в Институте клинической и экспериментальной хирургии имени Вишневского продемонстрировал собаку, на шею которой пересадил голову щенка. Проснувшись после наркоза, пересаженная

голова-щенок так же, как и собака-реципиент, смотрела на мир, пила воду, облизывалась при виде еды и выделяла слюну. Правда, жили двуглавые собаки не больше шести суток.

Профессора и академики реагировали на успехи Демихова вполне ожидаемо — да кто он такой, что о себе возомнил? Какой-то недоучка еще будет учить их оперировать! И тогда Демихов проявил себя как блестящий промоутер. Он стал лектором общества «Знание» и принялся ездить по стране, рассказывая о своих опытах и показывая фотографии переживших трансплантацию животных. Публике особенно нравились знаменитые фотографии собаки с двумя головами — они производили невероятное впечатление! И хотя многие ученые и врачи полагали, что в этих опытах и в самой идее трансплантации органов есть нечто неправильное, даже безнравственное, смелость мысли Демихова, мастерство его рук не могли не восхищать всех, кто знако-

мился с результатами его исследований.

Но тут Демихова снова уволили — чиновники из Минздрава воспринимали его опыты как настоящее шарлатанство. И снова ему помогли — ректор Первого медицинского института В.В. Кованов, казалось бы, ярый противник трансплантации, вдруг — в 1955 году — предложил ему место в своем институте. А потом даже включил в состав советской делегации, отправлявшейся на конференцию в Мюнхен. По-видимому, работы Демихова и на него произвели сильное впечатление.

Доклад Демихова на конференции имел невероятный успех. Представители самых крупных медицинских центров принялись наперебой приглашать его поработать, обещали предоставить все условия, лучшее оборудование... И тогда руководители советской делегации страшно испугались. Срочно организовали партсобрание — понятное дело, беспартийного Демихова на него не при-

Операция по пересадке собаке головы щенка

гласили, — на котором было сказано, что Демихов собирается остаться, а задача верных партийцев — этого не допустить. Был разработан специальный план. Демихова обманом выманили из гостиничного номера и, силой усадив в посольскую машину, отправили на родину. Конечно, под бдительным присмотром чекистов.

Ему тогда реально грозила тюрьма — как коварному изменнику, потенциальному невозвращенцу. И спасло его чудо — а именно, заступничество двоюродного брата генерала Сергея Штеменко. Он был важным человеком — служил в Генштабе, во время войны был близок к Сталину, а до 1957 года возглавлял ГРУ.

Так Демихову удалось уцелеть. Но он навсегда стал «невыездным»,

больше за границу его не выпускали. А он не отчаивался, у него оставалась его наука и работа. Кроме того, уже накопилось так много потрясающих результатов, что он стал писать диссертацию и готовиться к защите. Однако директор института Кованов всячески препятствовал защите — ему очень хотелось быть соавтором открытий Демихова, а тот, независимый и неподкупный, не понимал, почему в авторах его статей должно стоять имя директора. Итог был прогнозируемый — Кованов стал врагом Демихова, и тому пришлось в очередной раз уйти.

Он нашел место в Институте скорой помощи Склифосовского, где ему «милостиво позволили» создать лабораторию по пересадке жизненно важных органов. Называлась ла-

боратория громко, а на самом деле это была жалкая комнатенка в 15 квадратных метров в подвале. Там было холодно, сыро и темно. Ученики Демихова вспоминали, как они ходили по настилу из досок, а под ними стояла вода, как проводили операции при свете обычной лампочки. Понятное дело, и аппаратура была довольно бедненькой: вместо компрессора — старый пылесос, сделанный собственными руками аппарат искусственного дыхания, а еще старый, часто ломавшийся кардиограф. (В таких экстремальных условиях лаборатория просуществовала до 1986 года.) Никаких возможностей для содержания животных не было, а потому Демихов частенько брал их выхаживать после операций к себе домой. Наконец сотрудникам лаборатории выделили еще одно помещение, уже на первом этаже дома. Никто и никогда не создавал ученому хотя бы просто нормальных условий для исследований, но ничто не могло помешать ему продолжать свои уникальные опыты.

Демихов и его коллеги разрабатывали различные методики пересадки конечностей, головы, печени, надпочечников с почкой, результаты проводимых экспериментов описывались в статьях, которые публиковались в ведущих научных журналах. К середине 1960-х годов Демихов уже владел техникой — и мог научить других! — пересадки почти всех органов. Только вот делать операции людям ему не разрешали — ведь у него так и не было медицин-

Собака с двумя головами

ского образования. Но он не отчаивался и продолжал работать, оставаясь скромным младшим научным сотрудником с окладом 98 рублей.

В 1960 году Демихов написал блестящую книгу «Пересадка жизненно важных органов в эксперименте», которая через два года была переведена и издана в Нью-Йорке, Берлине и Мадриде. О русском ученом и его поразительных результатах узнал весь мир.

Узнал о нем и Кристиан Барнард (тот самый, который в 1968 году сделал первую пересадку сердца от человека человеку), и отправился в Москву, учиться у советского хирурга. Барнард побывал у Демихова дважды — в 1960 и 1963 годах, даже ассистировал ему, а потом попросил разрешения называть его своим учите-

лем... Считал Демихова своим учителем и прославленный американский кардиохирург Дебейки.

Операции Демихова производили огромное впечатление на всех, кто их видел. Вот и академик В.П. Бураковский в своей книге «Первые шаги — записки кардиохирурга» писал: «Еще в 50-х годах Владимир Петрович Демихов внес неоценимый вклад в проблему трансплантации. Обладая виртуозными способностями хирурга и недюжинным умом исследователя, он разработал технику пересадки сердца, пересадки сердца вместе с легким, пересадки головы, почек. Мне довелось встречаться с ним, и я любил смотреть, с какой скоростью движутся руки замечательного хирурга, манипулирующие сосудосшивающими аппаратами, как он прерывает кровообращение в головном мозге донора всего на 3 минуты, с тем, чтобы восстано-

вить проходимость сосудов, питающих головной мозг».

Во всем мире хирурги пытались пересаживать органы, и конечно, несмотря на официальное неприятие трансплантологии, среди советских хирургов тоже были такие, которые мечтали овладеть этим методом. Главный хирург Советской армии А. Вишневский, получив разрешение министра обороны А.А. Гречко, 4 ноября 1968 года впервые в СССР сделал пересадку сердца человеку. Но, несмотря на то, что, казалось, все возможное, да и невозможное было сделано, через 33 часа после операции пересаженное сердце остановилось. Позже в Советском Союзе было сделано еще пять пересадок, однако все они закончились неудачей — чужое сердце отторгалось организмом. И тогда было принято решение: операции, связанные с пересадкой сердца, запре-

тить. В мире в те годы тоже операций по пересадке органов стало меньше — проблема иммунитета казалась непреодолимой. И только когда в 1972 году в лаборатории швейцарской фармацевтической фирмы «Сандоз» был разработан мощный препарат для подавления иммунитета — циклоспорин, пересадка сердца и других органов снова вошла в жизнь медицинских центров. Первую успешную пересадку сердца в СССР, операцию, которую так тщательно проработал еще в 1950-е годы Демихов, в 1987 году, спустя 20 лет после первой операции Барнарда, выполнил выдающийся хирург В.И. Шумаков.

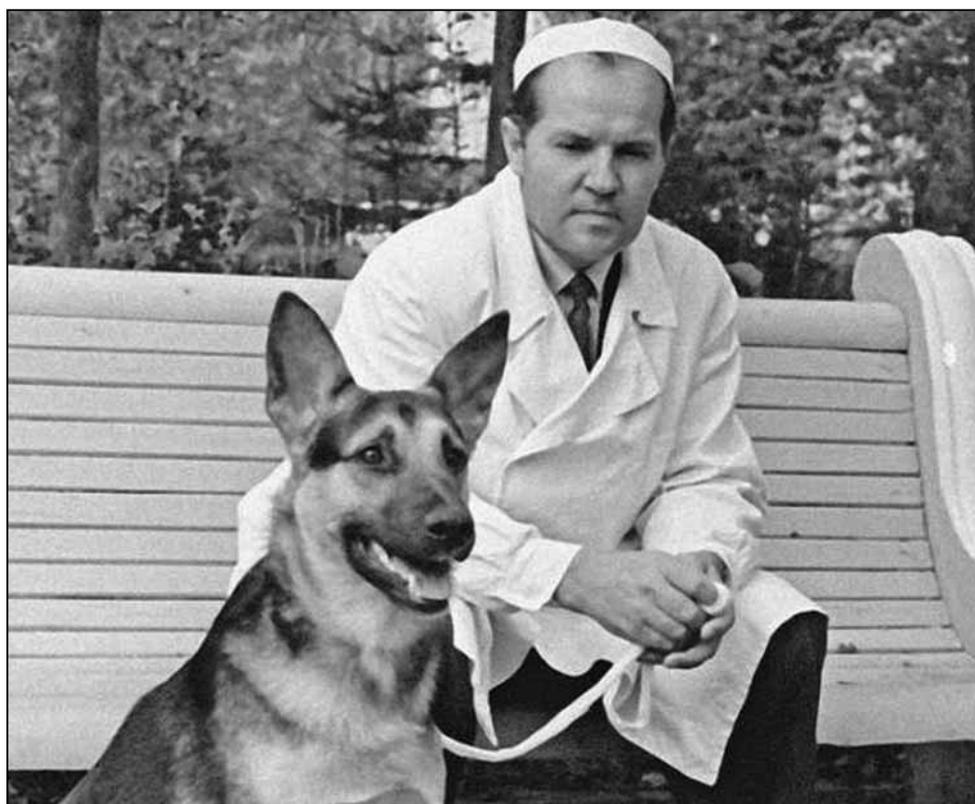
А вот Демихова, несмотря на все его достижения, в медицинском мире не очень-то признавали. Да и как его

можно было уважать — беспартийный, не идет ни на какие компромиссы, не берет в соавторы заслуженных академиков. Сколько раз собирались различные комиссии, целью которых было рассмотрение его работы, дабы признать ее ненужной и закрыть лабораторию. А однажды кто-то пробрался туда и убил пса Гришку, собаку, жившую с двумя сердцами — своим и чужим, подсаженным в ее грудную клетку.

Правда, среди ученых были и такие, кто поддерживал Демихова, понимал ценность и новизну его потрясающих экспериментов. Академик В.И. Бураковский вспоминал: «Меня, тогда молодого специалиста, вызвали в министерство и предложили возглавить комиссию по проверке работы В.П. Демихова. Я ответил,

Слева:

Собака с трансплантированной головой щенка

что этот ученый для меня огромный авторитет, неоценимо много внесший в разработку проблемы трансплантологии, поэтому я согласен быть председателем комиссии лишь в одном случае — если нашей задачей станет поддержка всей его работы. Комиссия высоко оценила деятельность лаборатории, руководимой Демиховым, и предложила представить к защите на докторскую степень совокупность его трудов. А он тогда даже не был кандидатом наук».

И защита состоялась! В МГУ. В 1963 году. Невероятная защита, потому что в истории советской науки таких, наверное, больше не было — в один день Демихов защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации — «ввиду исключительной значимости работы».

1960-е годы были лучшими в жизни ученого. Ему удавалось все, за что он брался, в частности, был разработан физиологический метод оживления и сохранения жизненно важных органов — сердца, сердечно-легочного комплекса и других в рабочем состоянии путем подключения их к кровеносной системе организма: Демихов подключал к одному животному до 4 сердечно-легочных комплексов и сохранял их в функционирующем состоянии до 7 суток! Легко представить, какое значение имело это открытие для трансплантологии — впервые был создан банк живых органов, и это сделал он, Владимир Петрович Демихов!

Трансплантология тогда только зарождалась, и многое пока было

не ясно. Когда можно забирать орган у человека? А когда регистрировать смерть? Ведь всегда считалось, что, пока сердце бьется, человек жив. Представление о смерти как о смерти мозга пробивалось нелегко и не сразу. Только в 1992 году в СССР был принят закон о трансплантации органов, определяющий необратимую гибель головного мозга как гибель всего организма. (В Америке аналогичный закон был принят в 1980 году.) А как хранить органы для пересадки? В специально созданном хранилище? Да еще использовать для этого животных?

Тогда эти идеи Демихова вызвали мощное неприятие. В 1965 году, после того как он рассказал на одной из конференций о банке органов, возмущение собравшихся в зале было столь велико, что Демихова предложили лишить ученой степени! Его называли шарлатаном, его предложения — полной ахинеей, требовали закрыть его лабораторию. И хотя в зале были и такие, кто поддержал Демихова и назвал происходившее настоящим судилищем над выдающимся ученым, тот день, как вспоминала жена ученого Лия Николаевна, «был одним из самых страшных, самых черных дней в нашей жизни».

А этот несгибаемый человек продолжал работать, несмотря на критику коллег, несмотря на откровенную вражду, часто вызванную откровенной завистью, — ведь то, что умел он, другим и не снилось. Вся эта гнусная возня вокруг его экспе-

*Владимир
Петрович
Демихов*

риментов была ему не внове, он уже почти привык к истеричным крикам, клевете, нежеланию вникнуть, понять его результаты. А между тем к нему пришла настоящая мировая слава. Он стал почетным доктором медицины Лейпцигского университета, почетным членом Королевского научного общества Швеции, а так-

же Ганноверского университета, американской клиники Мейо. И только на родине его работы по-прежнему вызывали непонимание, а порой и полное неприятие. Все это не могло не сказаться на здоровье Владимира Петровича. Он никогда не купался в роскоши — долгие годы семейство Демиховых жило в комму-

нальной квартире, и лишь в конце жизни ученому выделили маленькую квартирку на окраине Москвы. Рассказывали, что участковый врач, навещавшая Демихова, была потрясена, увидев, в какой бедности жил этот доктор биологических наук. В 1968 году у него случился первый инсульт. Уже не было сил трудиться с прежним энтузиазмом. Ученый постепенно терял память. Уходя из дома, не мог вспомнить, где живет. Как-то утром он отправился погулять, а вечером его привели домой добрые люди, нашедшие в его кармане бумажку, на которой дочь Ольга на всякий случай написала адрес. После этого родственники уже не разрешали ему одному выходить на улицу.

В России нужно жить долго... Демихов получил признание, но тогда, когда его это уже мало волновало. В 1988 году Владимир Петрович был удостоен Государственной премии СССР «За достижения в области кардиохирургии». В 1998 году — уже в год смерти — был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, стал лауреатом Государственной премии РФ «За разработку проблемы пересадки сердца». Он получил множество почетных дипломов научных организаций разных стран мира, а в 2003 году (уже посмертно) был удостоен Международной премии «Золотой Гиппократ».

Владимир Петрович Демихов умер 22 ноября 1998 года. Похоро-

нили его на Ваганьковском кладбище. На скромном памятнике начертано: «Основоположник трансплантации жизненно важных органов».

«Доктор Демихов — один из величайших экспериментаторов мира, технологиями которого до сегодняшнего дня пользуются все клиники мира, занимающиеся пересадками сердца, печени, почек, легких» — так сказал о Владимире Петровиче Демихове знаменитый российский хирург Ренат Акчурин, оперировавший Бориса Ельцина.

В 2016 году, в год столетия со дня рождения ученого, возле нового здания НИИ трансплантологии и искусственных органов имени Шумакова был установлен памятник Демихову (работа скульптора Дениса Стритовича). В том же году состоялся VIII Всероссийский съезд транспантологов, также посвященный 100-летию со дня рождения ученого. Сегодня во всем мире производятся десятки тысяч операций по пересадке самых разных органов. Ныне вклад Демихова в медицину оценен во всем мире, и на родине тоже...

Все свои опыты Демихов проводил на животных, его, искусного хирурга, к пациентам не подпускали, ведь у него не было медицинского диплома, но все, что он делал в жизни, было предназначено для людей, для того, чтобы, заменив тот или иной орган, дать человеку новую жизнь... Владимир Петрович Демихов был гением, а, как правило, гении обгоняют свое время, вот и он жил в будущем и для будущего... □

Дмитрий Зелов

КАЗИНО

Монте-Карло

НА МОСКОВСКОЙ ОКРАИНЕ?!

Столичный район Ховрино — один из типичных спальных районов Москвы, казалось бы, ну что может быть тут интересного, не стандартные же панельные дома, в самом

деле! Все так, если бы в Ховрино не было самого, что ни на есть, настоящего казино Монте-Карло! Нет, конечно, никакого игорного заведения в этом отдаленном от центра

*Внутреннее
убранство*

*Львы
и кариатиды
на входе в дом*

столичном районе нет, но бывший особняк, в котором ныне разместились ведомственная лечебница, очень уж напоминает знаменитый игорный дворец на Лазурном побережье. Как такое могло получиться — мы и попробуем разобраться.

Свое название район получил по прозвищу Григория Степановича, сына выходца из Сурожа (современный Судак в Крыму) Стефана (Степана) Васильевича, который в конце XIV столетия приехал в гости к великому московскому князю Дмитрию Донскому. Григорий остался в летописях благодаря активному участию в делах возвышения Московского государства и строительстве самой столицы. Так, тцаниями Григория был построен каменный храм в Симоновом монастыре (1379–1405). Будучи

богатым и состоятельным человеком, он обзавелся подмосковным имением, расположенным на речке Лихоборке. Места здесь тогда были от Москвы отдаленные и глухие, запоздавших путников в береговых зарослях поджидали «лихие люди» — разбойники, благодаря чему речка и получила такое название.

В те времена русского средневековья, когда фамилий еще не существовало, их заменяли прозвища, становившиеся затем как фамилиями, так и наименованиями тех мест, где великий князь жаловал своим приближенным за труды и ратную службу земли и имения. Ровно такой случай произошел и с нынешним московским районом Ховрино. Сейчас уже мало кто знает, что первоначальный смысл этого прозвища совсем не благо-

звучный и тем более не благородный, ведь «ховра» — это свинья или грязный, нечистоплотный, неопрятный человек. В современном русском языке это древнее слово практически вышло из употребления, сохранившись разве что в народной сказке «Крошечка-Хаврошечка». Так звали бедную крестьянскую девочку, которая в раннем возрасте осталась круглой сиротой, и потому вынуждена была одеваться в самую, что ни на есть, плохонькую, рваную и грязную одежонку. Нам остается только гадать, за что получил столь обидное прозвище сын выходца с крымских берегов. Впрочем, это всего лишь версия происхождения фамилии из родового прозвища. Другая же версия выводит фамилию Ховрины как переименованную на русский слух и лад византийскую аристократическую и императорскую династию Комнины. С падением Константинополя в 1453 году и фактическим исчезновением Византии как государства ее знатные и не очень представители были вынуждены или покориться воле турок-завоевателей, приняв новую веру, язык и культуру, или бежать из своих теперь уже бывших земель в поисках новой родины. То, что прибывшие в московские земли представители рода Комниных-Комриных-Ховриных были выходцами из крымского Судака (Сурожа), имевшего давние связи как с Византией и бывшего к тому же значительный промежуток времени ее колонией, так и с Московской Русью, косвенно

свидетельствует в пользу этой версии. В этом случае Стефан Васильевич ехал в конце XIV столетия (после падения в 1475 году в Крыму последнего оплота православия княжества Феодоро) в Московское государство с той же верой и во многом культурой, выходцем из которой был он сам. Вариант этой версии выводит представителей Ховриных как последних правителей православного княжества Феодоро (Готия), уничтоженного турками-османами.

Обосновавшийся в Москве род постепенно укреплял свое финансовое и политическое положение: так, во второй половине XV столетия у Ховриных был двор в Кремле и каменные палаты, что являлось большой редкостью по тем временам.

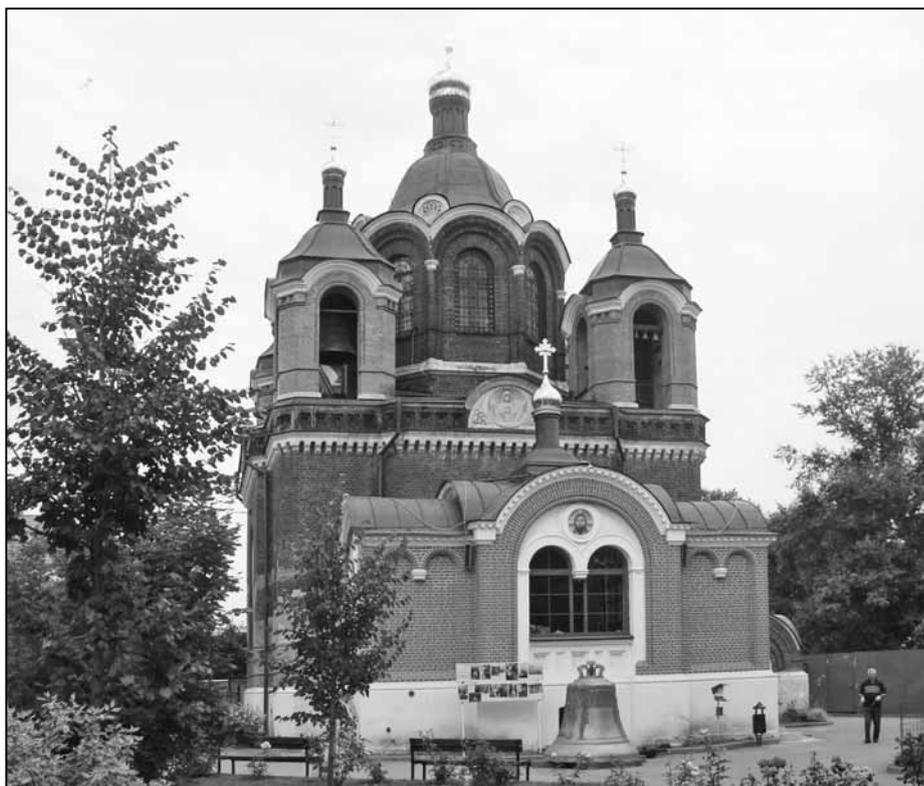

Внук выходца из Крыма, Владимир Ховрин, уже был великокняжеским казначеем. Его праправнучка Дарья (Варвара) вышла замуж за боярина Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, отца патриарха Филарета и шурина Иоанна Грозного (Никита был братом его первой и любимой жены Анастасии), и, таким образом, приходилась бабушкой Михаилу Романову — первому царю из новой династии после окончания Смуты в начале XVII столетия. Вот так причудливо переплелись судьбы выходцев с крымских берегов и правителей Московии...

Затем Ховрино неоднократно меняло своих владельцев: ее хозяевами были Третьяковы, Шереметевы, Оболенские, Головины. Последние, приходившиеся, кстати, потомками Ховриных, владели усадьбой

в 1700–1758 годах. При Головиных в середине восемнадцатого столетия усадебный парк был распланирован: в центре стоял господский дом, были высажены липовый и плодовый сады, а через речку Лихоборку перекинули живописный мостик. В 1812 году, во время нашествия Наполеона на Москву, усадьба была разорена. Так как у князя Оболенского не было ни сил, ни средств восстановить ее, в 1818 году усадьбу приобрела небогатая помещица Наталья Столыпина, сестра Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, любимой бабушки М.Ю. Лермонтова. В 1820–1830-х годах протекавшую рядом речку Лихоборку запрудили, образовав перед усадебным домом роскошный пруд.

В середине XIX столетия, после прохождения рядом с усадьбой Нико-

*Знаменская
церковь*

лаевской железной дороги и открытиям вскоре станции Ховрино, район стал популярной дачной местностью. Однако усадьбе счастливо удалось избежать участи чеховского «вишневого сада»: в середине позапрошлого века Ховрино приобрел миллионер, фабрикант Е.В. Молчанов, при котором на территории усадебного комплекса были возведены новые постройки, а по берегам пруда разбит прекрасный пейзажный парк. После смерти Молчанова в 1869 году его вдова продала Ховрино купцу С.Е. Панову, этакому «дикому барину», разбогатевшему на махинациях с железнодорожными подрядами, который так сильно притеснял местных крестьян, что они, доведенные до отчаянья, подожгли барский дом.

Когда Панов умер, сгоревшую и весьма обветшавшую усадьбу приобрел успешный московский купец, текстильный фабрикант Митрофан Семенович Грачев. Разбогатев, он

вложил в тихое и уютное местечко вдалеке от шумной и пыльной Первопрестольной. Новый хозяин решил кардинально перестроить усадьбу, а заодно — удивить и поразить всех своих будущих гостей необычным видом главного дома. Для разработки проекта был приглашен модный архитектор эпохи модерна Лев Кекушев, а за образец было взято казино в знаменитом Монте-Карло. Строил же усадьбу уже другой мастер — Георгий Кайзер. В итоге, зодчие создали на рубеже веков, конечно же, не копию легендарного игорного дома, а творчески переработали пожелания заказчика. Главный усадебный дом отличает богатая лепнина, суровые львы при входе, грациозные кариатиды. А сама усадьба своим силуэтом и плавностью линий напоминает застывшую морскую волну. Но все равно новый дом, выстроенный в стиле эклектики, получился очень похожим и узнаваемым в срав-

нении со своим заграничным прототипом. И уже вскоре по Москве поползли слухи о том, что нынешний хозяин приобрел свое состояние в далеком заграничном казино за столом рулетки. И хотя это всего лишь слухи и досужая фантазия обывателей, но слухи — они на то и слухи, чтобы быть чрезвычайно живучими, несмотря ни на какие доводы. Так что байку о том, как якобы Грачев выиграл свои миллионы в Монте-Карло за рулеткой, можно частенько слышать до сих пор.

При новом хозяине усадьба, ставшая называться по фамилии владельца Грачевкой, превратилась в своего рода литературный клуб-салон, посещением которого отметились бытописатель Москвы Владимир Гиляровский, писатель Алексей Толстой, композитор Петр Чайковский, художник Кирилл Лемнох, поэт Валерий Брюсов. Для Брюсова усадьба Грачевка вообще была знаковым местом: в 1897 году поэт обвенчался в местном Знаменском храме с Иоанной Рунт, после чего, как признавался он сам в одном из своих писем, началось его «возрождение». Старинная Знаменская церковь в Ховрино, пережившая в советское время десятилетия полного забвения и запустения и едва не снесенная, ныне заново возрождена. Восстанавливалась она по образцу последней своей перестройки, выполненной еще до революции архитектором Михаилом Быковским, автором таких известных построек, как собор Иоанновского монастыря на Ивановской гор-

ке в Москве, подмосковная усадьба Марфино, Владимирский собор Спасо-Бородинского монастыря и других. Несмотря на свои небольшие размеры, храм не совсем похож на обычную сельскую церковь. В его облике причудливо переплелись черты московского барокко, итальянского ренессанса, византийского орнамента — так архитектор воплощал в жизнь свою мечту о синтезе архитектурных стилей разных эпох.

Сам хозяин усадьбы Грачев умер в 1899 году, успев, впрочем, увидеть свой причудливый замысел почти законченным. Вплоть до революции 1917 года хозяйкой усадьбы оставалась его вдова, Варвара Николаевна. Затем по всей стране подули новые ветры, и вскоре потомков Грачева попросили съехать из усадьбы, а на ее территории разместился рабфак Петровской сельскохозяйственной академии.

С конца 1920-х годов в бывшей усадьбе располагался подмосковный санаторий, в сороковом — к усадебному дому была пристроена больница, а с началом Великой Отечественной войны, когда враг подошел совсем близко к столице, усадьба стала госпиталем. Вначале для раненых бойцов Панфиловской стрелковой дивизии (многие из которых были и захоронены здесь же, в окрестном парке); затем, по мере того, как с наступлением Красной армии война откатывалась от стен столицы на запад, для других советских бойцов-защитников Родины. С той поры усадебный дом и продолжает исполнять

лечебные функции, ныне в нем находится больница — Московский областной клинический центр восстановительной медицины и реабилитации.

В 1960 году Ховрино вошло в состав Москвы, и с этого же времени на территории района началось массовое жилищное строительство. В 1980-х рядом с усадебным парком начали строить огромное многоэтажное здание Ховринской больницы. Однако вскоре стройка была приостановлена, а затем и вовсе заброшена. В девяностые и нулевые гигантский «недострой» стал прибежищем для разного рода асоциальных элементов. Одно из граффити на стенах «недостроя» красноречиво свидетельствовало: «Больница эта — край чудес, зашел в нее и там исчез». Это было действительно так: не в меру любопытные граждане, решившие поглазеть на заброшенное многоэ-

тажное здание, нередко подвергались нападениям и даже просто пропадали в хитросплетениях ее надземных и подземных лабиринтов.

За советский период от былой роскоши усадебного парка, с его каскадными прудами, благоухающими липовыми и хвойными аллеями, мало что, к сожалению, осталось... Несмотря на это, мы все-таки имеем памятник архитектуры пусть не первой величины, но такой необычный, со своей весьма примечательной историей, что его можно было бы в обозримой перспективе включить в перечень туристических маршрутов по Москве. Ну а пока всем добравшимся до творчески переработанной копии дворца в Монте-Карло остается довольствоваться лишь его внешним осмотром, да неизменным нынче селфи на фоне московского дворца-больницы... □

*Казино
в Монте-
Карло*

Николай Черкашин

БРЕСЛАВСКИЕ ВОРОТА

---

*Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.
Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц — и не больше —
Кончится война.*

Геннадий Шпаликов

Часть вторая. Огненная побудка

Костер, пылавший на бывшем польском берегу, был хорошо виден со стороны Тереспольских ворот. Именно сюда в глухой ночной час пришли четверо красноармейцев во главе со старшим лейтенантом. На рукавах алели повязки с надписью «Патруль». Петрофф в хорошо пригнанной советской форме нажал кнопку звонка.

— Кто? — спросил из-за железной двери электростанции дежурный электрик.

Окончание. Начало в №5, 2019.

— Свои! Приказано взять объект под усиленную охрану.

Дверь открылась, и в ту же минуту дежурный рухнул от ножевого удара в сердце. Старший лейтенант рванул рубильник, его напарник замкнул шину, и во всей крепости погас свет. Дежурные по ротам зажгли керосиновые лампы...

Майор Петров возвращался домой. В кустах сирени на Командирской улице мелькнул силуэт красноармейца.

— Товарищ боец, ко мне! — скомандовал Петров. Но «самовольщик» метнулся в кусты.

— Стой, стрелять буду! — пригрозил майор.

Стрелять он не собирался, но кобуру расстегнул. Вместо бойца из кустов вышел старший лейтенант с повязкой патрульного.

— Товарищ майор, в связи с обострением положения на границе, в крепости введено усиленное патрулирование.

Лейтенант Петрофф сунул руку в планшетку, еще секунда, и майор Петров упал бы с перерезанным горлом. Но тут распахнулось окно, и раздался радостный голос Заны:

— Папа, иди скорей! Мы вернулись!

Проводив недобрым взглядом ускользнувшую добычу, старший лейтенант кивнул своим, и «усиленный патруль» направился к столовой командирского состава. Дверь в нее тоже оказалась запертой. Петрофф осторожно постучал, а потом ласково попросил:

— Хозяюшка, дайте попить, а то так есть хочется, что и переночевать не с кем.

Дверь открыла еврейка-буфетчица, она с удивлением разглядывала незнакомого офицера и незнакомых солдат. В столовой оказалась и повариха Рая со своим 12-летним сыном, тем самым, что провожал Иванова к штабу корпуса.

— Ого! — воскликнул старший лейтенант, разглядывая полку с винными бутылками. — Какой выбор! А дай-ка нам, сударушка, бутылку шампанского!

Пока буфетчица возилась с бутылкой, «патрульные» установили в окне ручной пулемет. Один из «красноармейцев» развернул ранцевую рацию. Старший лейтенант щедро расплатился за шампанское, открутил проводочки на горловине и стал чего-то ждать, поглядывая на часы.

Ночью Иванов, натянув галифе и сапоги, спустился в одной майке во двор. И сразу увидел завораживающее зрелище: по ночному небу с нарастающим гулом двигались караваны красно-зеленых огоньков. Они пересекли линию границы и двинулись на восток. Это были самолеты, воздушные

эскадры бомбардировщиков шли в сторону Минска, через головы войск прикрытия границы.

Ахнуло так, что полнеба полыхнуло адским огнем. Иванов присел, но в следующую секунду его сбила с ног тугая воздушная волна, ударившая со стороны Белого дворца. Там с неистовой силой рвануло нечто. Десятки других взрывов — помельче, обрушились на казармы и строения цитадели. В одну секунду запылали крыши, автопарки, коновязи. Истошный визг раненых лошадей накрыл Центральный остров. Десятки коней стояли под открытым небом, и теперь все они были обречены на заклятие.

В офицерской столовой «старший лейтенант» Петрофф, вторя первому удару, хлопнул пробкой шампанского. Отпил пенный напиток прямо из горла, передал бутылку своим солдатам и провозгласил:

— За великое начало! За огненное очищение!

И повторил все это на немецком языке, осенив себя крестным знаменем.

— Мам, это немцы! — шепнул мальчик поварихе.

— И без тебя вижу!

— Я ж тебе говорил, пошли домой, пошли домой...

— Ты лучше подумай, где сейчас наш папка!

— А где ему в субботу быть? Дома дрыхнет...

Радист настроил рацию и стал координировать огонь артиллерии.

Петрофф заметил, как во все глаза, с ужасом смотрят на них буфетчица и повариха с сыном.

— Вниз! — ткнул он пистолетом в крышку погреба. — Все вниз!

Женщины послушно спустились в укрытие.

Снаряд сверхмощной мортиры разорвался и на Командирской улице, оставив после себя огромную воронку. Вылетевшие стекла засыпали осколками супружеское ложе Петровых. Майор спросонья пробормотал привставшей Анне Кондратьевне:

— Не вставай, ноги порежешь, я сейчас тапочки принесу...

Из пустого оконного проема тянуло резкой химической гарью, которую пока еще перебивал аромат жасмина. Но вскоре все забила густая кирпичная пыль. Он быстро натянул сапоги, не забыв вытряхнуть из них вездесущую стеклянную крошку, и, просовывая руки в гимнастерку, обескуражено повторял:

— Ну, говорил же я вам — уезжайте! Говорил... Война на носу! Дождались, мать-перемать!.. Говорил же!

Анна Кондратьевна виновато молчала, застыв с прижатым к груди одеялом.

Ударная волна второго взрыва впечатала Петрова в дверь комнаты и вынесла в коридор...

Манасян видел сон: у Брестских ворот его встречает дед. Он ставит дембельский чемоданчик на землю и обнимает деда. Дед достает из хурджина кувшин с вином:

— С возвращением тебя, Леон!

И тут как потрянет! Землетрясение! Кувшин в руках лопнул, и красная жидкость потекла по ладоням...

В казарме, где ночевал Манасян, от близкого взрыва рухнули четырехэтажные нары. Люди копошились в огромной груде обломков, матрасов, тел, окровавленных простыней — в криках, столах, ругательствах... Ошалелый дневальный запоздало заорал:

— Рота, подъем!

Манасян попытался взломать замок на запертой ружейной комнате.

— Сюда нельзя! Что ты делаешь! — крикнул ему дежурный по роте сержант. — Дверь опечатана!

— Уйди, дурак, война началась!

В коридоре кто-то орал «Рота, в ружье!», кто-то истошно выл от нестерпимой боли. Где-то близко ударила пушка — гулко и жарко встрепетнулся воздух.

Стрельба то разгоралась огненной россыпью, то затихала до редких одиночных выстрелов, и снова переходила в бешеную, беспорядочную трескотню.

И во дворе тюрьмы «Бригидтки» тоже рвались снаряды. С каждым сполохом тень решетки прыгала по стене камеры. Ванда молилась, глядя на окно, где бушевало стихийное бедствие.

Петров с трудом пришел в себя. Анна Кондратьевна, склонившись над мужем, массировала ему виски, Зана стояла рядом, держа в руках кувшинчик с водой.

— Папочка, ты живой?

— Живой!

Он вскочил, подбежал к разбитому окну и, выглянув наружу, увидел цепь немецких автоматчиков, окружавших соседний дом. Оттуда раздавались выстрелы. Там жили семьи артиллерийского полка. Петров достал наган и принялся методично всаживать пули в серо-зеленые спины. Огонь тут же перекинулся и на его этаж.

— Анна, Занка — на пол!

Но женщины не спешили выполнять его приказ. Анна сняла со стены шашку, а Зана принесла наградной маузер.

— Куда ты его?! — закричал отец. — К нему патронов нет!

— Да есть! Я давно уже достала!

— Ох, и проказа же ты, Занка! Давай маузер сюда, держи наган... Анна, ложись на пол! Кому говорю!

— Не лягу, пока вы с Занкой не ляжете!

Но муж и дочь ее не слышали, они стреляли из окон гостиной в немецких солдат, которых становилось все больше и больше...

В этой кровавой неразберихе Иванов положил себе одно — он должен быть со своим полком во что бы то ни стало. Но где он? Полк располагался в юго-западной части кольцевых казарм, значит, надо пробираться именно туда.

В предутренней мгле, в пылевой завесе мелькали в клубах дыма полуодетые бойцы — кто в майках, кто в нательных рубашках, кто в гимнастерках... С оружием и без толпа полураздетых красноармейцев бежала к призывно белеющим Брестским воротам. Общий поток подхватил и Иванова. Поодаль рванул снаряд, и взрывная волна швырнула его на груды битых кирпичей. Он с трудом поднялся и, прихрамывая, побежал дальше. Все три и без того нешироких прохода были плотно забиты людьми. Казалось, все живое пыталось выскочить из огненного кольца горячей цитадели, но легче было протащить трех верблюдов через три игольных ушка, чем эту толпу обезумевших от внезапно налетевшей смерти людей пропустить через три арки массивных кирпичных ворот, всех, кого застигла в крепости роковая ночь. Почти каждый немецкий снаряд, каждая мина без промаха находили свои жертвы. Осколки и пули впивались в спины, в плечи, головы, и мертвые мешали бежать живым. Вопили раненые от невыносимой боли, отчаянно матерились застрявшие в проходах, прижатые к стенам натиском толпы.

Иванов все же выбрался из этого ада и бросился искать своих.

Но туда же устремились и немцы, вошедшие на Центральный остров через Тереспольские ворота. Они передвигались перебежками — крадучись, пригибаясь, хотя никто по ним не стрелял, разве что изредка постреливали.

Шел второй час войны. Немцы были уверены, что ракетно-артиллерийский огневой шквал сделал свое дело, и отбиваться продолжают только одиночки — но и они скоро выйдут с поднятыми руками. К величайшему их изумлению, а потом и к смятению, из дверей кольцевой казармы выбежало человек сорок полуодетых бойцов. В руках у них были винтовки с примкнутыми штыками, и вел их черноволосый молодой старшина

с искаженным от ярости лицом. Это был Манасян. С наганом в руке он выскочил из казармы в грохот, в трескучую пальбу, в удушливый дым, густую кирпичную пыль. За ним ринулись остальные — все, кто успел схватить в ружейной комнате винтовки.

Под натиском этой отчаянной контратаки автоматчики дрогнули: меньшая часть повернула назад — к Тереспольским воротам, а остальные попытались прорваться дальше — к берегу Мухавца. Рукопашная под русское «Ура!» была жестока, кровопролитна и длилась недолго. Тут выплеснулось все: и обида за подлость ночного внезапного удара, за втянутые в плечи головы, на которые сыпались со сводов кирпичи, и месть за погибших товарищей... Все это слилось в один поток ненависти и ярости.

Иванов выбежал навстречу этому бешеному валу, тут же влился в него и повернул вместе с ним преследовать тех, кто побежал к реке. Их было не менее полуроты, они вдвое превосходили атакующих, и теперь, оправившись после первого ошеломления, залегли в цепь, торопливо отстреливаясь.

— Молодчага, Леон! — приобнял комсорга Иванов, и оба впервые за эту кошмарную ночь улыбнулись.

— Все в Белый дворец!

Трехэтажное здание, обнесенное каменной оградой, как нельзя лучше подходило для круговой обороны. В его глубоких подвалах можно было укрыть раненых, и их уже заносили туда.

Перед дворцом стояли танкетки и броневики дивизионного разведбата. За их броней пытались найти убежище приписные, призванные из запаса, совершенно безоружные узбеки, чеченцы, казахи.

— Абдрахман! — позвал Иванов старого знакомца, который знал четыре команды. — Стрелять умеешь?

— Умею.

— Здесь сейчас жарко будет. Бери своих земляков, и бегите в казарму, где боксы разведбата. Будете их охранять.

— Якши!

— Да не «якши», а «есть»!

— Есть, якши!

— Подушку зачем привязал?

К животу Абдрахмана и некоторых других были подвязаны подушки.

— Говорят, пуля пера боится.

— Ага, а сверху еще одеяло! Давай, вперед! Ты старший!

— Есть, якши!

Петров выцеливал из окна автоматчиков. Шальная пуля сорвала оранжевый абажур. Окно прострочила длинная пулеметная очередь, и Анна Кондратьевна упала, раскинув руки.

— Мама! — вскрикнула Зана, бросаясь на грудь матери. Майор тоже кинулся к жене, стал искать пульс на холодеющем запястье.

— Отошла, голубушка... — В горле всхлипнуло сдавленное рыдание. — Ну, гады, держитесь!

Ошалевший от горя, Петров выскочил на улицу, держа маузер в одной руке, шашку в другой. Он бежал к Брестским воротам против потока тех, кому удалось вырваться из цитадели. Его остановил особист капитан Соловьев.

— Куда вы?! Мост под тройным обстрелом! Большая часть полка уже здесь!

Петров остановился...

Соловьев ошибался. Большая часть 84-го стрелкового полка оставалась в своем расположении — в кольцевых казармах близ Холмских ворот, а также в районе Белого дворца, где Иванов с Манасяном пытались создать круговую оборону.

Танкисты-разведчики прогревали моторы своих машин. Увы, плавающие танки Т-38 были вооружены вовсе не пушками, а пулеметами. Но и их крупнокалиберные пулеметы были сейчас хорошим подспорьем. Броневозд быстро отогнал поднявшихся в контратаку немцев и снова загнал их на берег Муховца.

К Иванову подбежал окровавленный капитан — тот самый, что задавал на лекции острые вопросы.

— Товарищ комиссар, надо отбить у немцев Брестские ворота, иначе никто отсюда не выйдет!

— Мост отобьем, но наша позиция здесь. Мы должны продержаться здесь до подхода основных сил.

— А они подойдут?

— Куда ж они денутся?! Тут в одном Бресте три дивизии, включая танковую.

Тюрьма «Бригидтки» сотрясалась от внешних взрывов и от ударов в двери камер. Здесь содержались почти три тысячи арестантов. Разломав нары, они били брусьями в двери. Некоторым удалось вырваться, и в коридорах тюрьмы закипел свой бой — с надзирателями и конвоирами. Ванда с ужасом смотрела на это побоище, высматривая в общей сутолоке отца. Вон он! Она бросилась ему на шею, невзирая на пальбу и потасовки:

— Татусь, ты жив?!

— Все хорошо, Вандуся! Как ты здесь оказалась?

— Бежим отсюда!

Но далеко убежать не удалось. Едва они выбрались на берег Мухавца — к полуразобранному мосту, — как над ними с ревом пролетела тройка «мессершмиттов», поливая всех бегущих свинцом. Подполковник Павловский рухнул как подкошенный. Ванда пыталась оттащить его поближе к воде, но отец не подавал признаков жизни.

— Всего пять минут на свободе! — горестно запричитала она. — Всего пять минут... Матка Боска, я — сирота! Прими душу отца моего Казимира...

Пулеметные очереди скашивали всех, кто рискнул появиться в районе офицерской столовой. Петрофф докладывал по рации в Тересполь:

— Электростанцию вывели из строя... Объект «номер один» захвачен... Двор западной части цитадели держим под контролем...

На другом конце связи майор Скорцени руководил действиями зондер-группы:

— Переходите к «объекту два»! Завершайте свой «гастрономический тур»... Никого не подпускать к Брестским воротам!

В погребе кухни женщины и Серега с тоской прислушивались к переговорам по рации. Серега встал на ступеньку лестницы.

— Куда полез?! — строго окликнула его мать.

— Я сейчас. По нужде...

Паренек наполовину высунулся из подвального люка. Немцев было трое: один корпел над рацией, двое других не отрывались от пулемета. В плите все еще горел огонь, на котором должен был готовиться завтрак для командиров. Но котел был сдвинут. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, лежали две немецкие гранаты с длинными деревянными ручками. Серега не знал, как устроена немецкая граната, поэтому взял ее и бросил в печку. И тут же нырнул вниз.

— Что ты там делал? — спросила мать.

Ответом ей был оглушительный взрыв. Стенки плиты сдержали силу взрыва, но бак с кипятком ошпарил пулеметчиков, они так и не поняли, что гроыхнуло и почему...

Майор Петров вместе с остатками разрозненных подразделений своего полка и других частей укрылся в Восточном форту. Это небольшая крепость в крепости, некогда хорошо обвалованная и казематированная, использовалась как конюшня, артпарк зенитного дивизиона и под различные склады. Под ее траверсы стекались бойцы из разных рот и батарей. Сюда же прибежали спасаться офицерские жены и дети с Командирской улицы. Те из красноармейцев, кто примчался в одних трусах и майках, находили на складах Восточного форта обмундирование. Но самое главное,

здесь стояли противотанковые пушки и зенитные счетверенные пулеметы, установленные в кузовах «полуторок». Забыв про свое горе, майор Петров, как старший по званию и должности, провел боевой расчет и распределил новым взводам участки обороны.

Белый дворец стал от копоти черным. Здесь укрывались остатки петровского полка. Иванов слышал, как судачили бойцы, потягивая свернутые наспех сигарки:

— Затянулась, однако, провокация...

— Какая, на хрен, провокация! — возмущался другой голос. — Война это самая настоящая!

— Ну, ничего, наши к вечеру вернутся, покажут им кузькину мать!

Иванов подозвал командира танкового взвода, рыжего паренька в черном комбинезоне:

— Ставлю тебе боевую задачу. Постарайся прорваться через Брестские ворота в город и установи связь со штабом корпуса. Обратное можешь не возвращаться. Главное — поставь в известность командование: у нас около сотни раненых и боеприпасы на исходе.

— Есть! Понял!

— Действуй!

Три пулеметные танкетки рванули от Белого дворца к Брестским воротам. По броне барабанил град пуль и осколков, но танкеткам удалось проскочить мост через Мухавец. Под их прикрытием проскочили мост и двадцатка красноармейцев. Немецкие пулеметчики били по мосту с трех позиций, сметая бегущих в воду. Танкетки же вырвались на дорогу, ведущую к главному перекрестку Северного острова. Но здесь их встретил огонь немецких противотанковых пушек. Вспыхнула головная машина, завертелась на уцелевшей гусенице другая, съехала в кювет, зияя пробоиной в борту, третья. Рыжеволосый лейтенант сбивал пламя с брони сорванным с головы шлемом, пока сам не свалился рядом с машиной.

Обходя казематы Восточного форта, майор Петров вдруг увидел Зану среди жавшихся под кирпичными сводами женщин и детей.

— Ты что здесь делаешь?!

— То же, что и ты. Я хочу отомстить им за маму!

— За маму отомщу я. Но если и с тобой что-нибудь случится, мне и во все не жить. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Живо в подвал!

Зана подхватила трехлетнего мальчика, оглушенного пальбой, и вместе с его мамой скрылась в подвале темного сырого каземата. Кто-то зажег свечу, где-то плясал лучик фонарика... Желтое пятно выхватывало лица испуганных измученных женщин, прижимавших к себе детей. Наверху, не утихая, гремели взрывы...

Стоя за спиной радиста, майор Петров мрачно вопрошал, быть может, в сотый раз:

— Ну, что там? Молчат?

— Молчат, как рыба об лед, — сокрушенно отвечал радист и снова бубнил в микрофон: Я — Крепость! Я — Крепость... Веду бой... Я — Крепость...

В штабной каземат врывается лейтенант:

— Товарищ майор, посмотрите на перекресток!

Петров выбрался наружу и стал рассматривать в бинокль перекресток главных дорог Северного острова: большая группа немецких офицеров и солдат изучали Восточный форт, как на экскурсии. До них метров двести.

— Вот сволочи! От наглости страх потеряли. А ну, — кивнул он лейтенанту, — выкатывайте «счетверенку».

Полуторка со счетверенными «максимами» — зенитная установка — выкатилась из каземата на позицию. 30-секундная работа четырех пулеметов уложила всю группу наземь, никто и отползти не сумел.

— Это вам за Анюту! — хищно улыбнулся майор.

А из дымящихся Тереспольских ворот ринулись в атаку автоматчики. Они бежали к костелу, намереваясь захватить господствующую высоту цитадели. И почти тут же от стен Белого дворца Иванов с Манасяном повели своих бойцов в штыковую контратаку. Уклоняясь от рукопашной, немцы ворвались в храм и взяли под свой огневой контроль большую часть территории Центрального острова. Никому головы не поднять. Били прицельно, не выпуская красноармейцев из казарм.

Иванов и Манасян залегли в воронке от тяжелого снаряда.

— У нас еще есть два броневика. Может, я в штаб дивизии прорвусь? Проясню им ситуацию, — предложил Манасян.

— Попробуй! В этом сейчас все наше спасение! Едва ли сможем до вечера продержаться... Слушай, а нос-то у товарища Сталина ты все-таки уменьши.

И оба захохотали до слез. Лежали в воронке и корчились от смеха. Смех очищал их души от страха и тоски.

Броневики стояли в боксах, встроенных в кольцевую казарму. Манасян распахнул дверцу БА-20. За рулем, положив голову на баранку и обхватив ее руками, дремал механик-водитель, красноармеец Малышев.

— О, Христосик! Ты чего здесь прячешься?

— Я не прячусь, я на боевом посту, согласно расписанию.

— Молодец! Давай заводи! В город поедem. Лимонаду попьем...

Малышев завел двигатель, Манасян занял место башенного стрелка. Следом за его машиной выехал и второй броневик.

Объезжая трупы солдат и лошадей, куски рваного кровельного железа, обе машины двинулись к Брестским воротам. Немецкие автоматчики били по смотровым щелям. У самых ворот Малышев вскрикнул и схватился за глаза, сквозь пальцы потекла кровь.

— Христосик, ты что, ранен?

— Я ослеп... Ничего не вижу... Вот оно, божие наказание...

— Садись в башню, я поведу.

Они поменялись местами, и Манасян повел броневик в среднюю арку ворот. Однако прорыв не удался. Броневик нарвался на противотанковое орудие, и снаряд угодил точно в двигатель. Машина мгновенно вспыхнула. Манасян распахнул бронедверцу и потащил за собой Малышева. Тот, как заведенный, повторял молитву: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас!» Под градом пуль оба забрались во второй броневик и направились к Белому дворцу.

— Святой Боже, Святой крепкий...

Месть за расстрел офицеров на перекрестке была ужасной. Немцы перебросили к Восточному форту огнеметную роту, и солдаты с ранцевыми огнеметами поливали с валов казематные амбразуры. В некоторых казематах стояли кони, у них вспыхивали гривы, истошное конское ржание несло отовсюду. Зана вместе с другими женщинами сбивала с лошадей пламя попонами.

— Воды бы!

Но воды не было даже для раненых. Они открывали пересохшие рты в надежде, что с холодных сводов упадет хотя бы капля конденсата.

На перекресток перед фортом выехала радиомашинa. Ее рупоры были направлены на валы форта, которые еще дымилась после атаки огнеметчиков. Лейтенант Петрофф, все еще в форме советского командира, держал в руках микрофон. Он говорил по-русски четко, без акцента:

— Советские солдаты! Мы ценим ваше мужество. Но оно не имеет смысла. Германские войска окружают Минск. Помощь к вам не придет. Вы обречены на мучительную гибель.

Один из бойцов, прицелившись в него из оконца конюшни, выстрелил, но промахнулся.

— Эх, ты, мазила! — Зана отобрала у незадачливого стрелка винтовку и тщательно прицелилась.

— Мы знаем, что вместе с вами находятся женщины и дети! — продолжал Петрофф. — Пожалейте их. Не губите их. Вы сделали свой выбор, но не предрешайте их судьбу. Выпустите их! Мы отправим их в город!

Зана плавно нажала на спусковой крючок. Офицер рухнул, выронив микрофон...

Через минуту на форт обрушился новый шквал артиллерийского огня.

Увидев возвращающийся броневик, Иванов понял, что надежд связаться со штабом дивизии больше нет. Он помог экипажу выбраться из машины. Башенный стрелок разорвал индивидуальный пакет из бортовой аптечки и забинтовал Малышеву глаза.

— Терпи, казак!..

— Я не казак... Я из Вологды.

— Ну да, мы псковские... Все равно терпи!

— Христос терпел и нам велел... Святой Боже, Святой крепкий...

— Не горюй, Христосик! — утешал его Манасян. — Мы еще на твоей свадьбе спляшем!

— Спляшем, — устало подтвердил Иванов. — Расскажи, что видел?

— Немцы захватили три опорных пункта: храм, офицерскую столовую и кухню возле Брестских ворот. Самый главный из них — храм... Виноват, наш любимый полковой клуб. С его верхотуры все на прострел. Сами знаете...

— Надо брать клуб... Поведем атаку с трех направлений. Мы ударим со стороны алтарной части.

— Там у Арсенала стоит полковое орудие, оно поддержит. Надо только с пушками связаться, чтобы одновременно навалиться... Разом!

Управление штурмом Брестской крепости шло из Тересполья. По иронии судьбы, штаб 45-й дивизии, которой была поставлена задача взять крепость в первые же сутки войны, располагался в одном из пороховых погребов, входивших в систему обороны крепости. Именно здесь майор Отто Скорцени, командир диверсионных групп, заброшенных в Брест, докладывал об их действиях, сидя на ящике с песком:

— Мои люди держат под контролем Южный остров, а также большую часть Северного, за исключением Восточного форта. Мы контролируем большую часть Центрального острова. К сожалению, по нему пока нельзя

вести артогонь, поскольку в храме вот уже более суток находятся наши люди — двадцать два человека.

— Что вы предлагаете? — спросил генерал Шлиппер, командир 45-й дивизии.

— Первое — деблокировать гарнизон храма. И второе — нанести мощный авиаудар по Восточному фронту.

— Разумно, — согласился Шлиппер и снял телефонную трубку: — Дайте мне штаб авиации.

Во дворе Восточного форта собрались жены командиров. Из куска простыни для них сделали белый флаг. Майор Петров отозвал Зану в сторону:

— Я очень тебя прошу уйти вместе с ними!

— Нет, папа!

— Я не приказываю... Я очень тебя прошу... Сделай это ради мамы. Ты должна выжить и жить, продолжая маму и меня. Только ты можешь нас с ней спасти. Понимаешь?

— Понимаю.

— Иди!

— Папочка, а я тебя больше не увижу?

— Увидишь. Если не будешь плакать... Иди уже, а то я сам заплачу.

Женщины с белым флагом вышли из форта. Некоторые вели за собой детей, несли на руках младенцев. Маленькая девочка спрашивала маму:

— А немцы нас убьют?

— Нет.

— А почему все плакают?

— Потому что мы были в темном подвале, а теперь много солнца.

Кто-то громко зарыдал, и одна из женщин крикнула:

— Прекратить скулеж! На нас немцы смотрят!

И лица у всех сделались каменными. Немцы молча повели колонну мимо дымящихся руин домов на Командирской улице. Еще три дня назад в них кипела жизнь. Их жизнь...

Зана шла в хвосте колонны. Шальной снаряд разорвался неподалеку, и все попадали наземь, она тоже упала. Потом все поднялись и продолжили движение, а она осталась лежать, затаившись в кювете. Немцы поспешно уводили женщин в сторону Северо-Западных ворот. Дождавшись, когда колонна удалилась, Зана выпрямилась во весь рост и направилась в сторону крепости.

Штурм храма начался по сигналу зеленой ракеты — единственной, которую Иванов обнаружил в ракетнице. Сразу же по костелу ударила пол-

ковая пушка со стороны Арсенала. Ударила раз, другой, третий... И с трех сторон поднялись в атаку бойцы. По ним били с верхотуры костела и — в спины — из пулемета в офицерской столовой.

Иванов и Манасян в три броска оказались в «мертвой зоне» храма. Они даже успели вбежать в притвор костела, но пройти дальше не удалось — немецкие автоматчики стреляли с хоров. Храм так и остался захваченным наполовину: внизу, в притворе, — красноармейцы, наверху — немцы.

Мерный угрожающий гул тяжелого бомбардировщика накрывал крепость. Немецкие солдаты забрались на гребни валов и предвкушали небывалое зрелище. Им сообщили, что на Восточный вал будет сброшена сверхмощная бомба весом в 1800 килограммов. Наконец появился самолет. Он сделал широкий круг над Восточным фортом и получил подтверждение белой трехзвездной ракетой, пущенной немецким офицером. Убедившись, что цель опознана правильно, летчики легли на боевой курс. И вот отделилась черная точка...

Зрители легли наземь, некоторые закрыли уши, но продолжали смотреть во все глаза.

Бомба летела недолго. Чудовищный взрыв сотряс не только крепость, но и город. Даже в Тересполе, за несколько километров, задрожали стекла.

Огромный черный столб поднялся над фортом и как бы завис в воздухе, не желая оседать. Над ним взметнулось грибовидное облако пыли... Зрители поднялись на ноги и зааплодировали.

В казематах удар бомбы отозвался сильной встряской и воздушным ударом, от которого одни теряли сознание, другие хватались за уши, пытаясь остановить кровь. Оглушенный радист по-прежнему твердил в микрофон: «Я — крепость... Веду бой...» Но бой после удара с воздуха прекратился сам собой.

В каземат вбежал лейтенант, командир зенитного взвода:

— Товарищ майор, товарищ майор!.. Они пошли сдаваться!

— Кто? Немцы? — мрачно пошутил Петров.

— Наши! Собираются во дворе с белой тряпкой.

— Я им больше не командир. Каждый сделал свой выбор. Я тоже. Идите к ним!

Лейтенант убежал. Петров перекрестился и поднес к виску ствол наградного маузера. Нажал на спуск.

Осечка!

Он осмотрел пистолет, усмехнулся:

— Значит, еще не время... Спасибо, друг! — и поцеловал маузер.

Своды костела были пробиты в нескольких местах, и из них косо падали солнечные снопы, насыщенные кирпичной пылью. При каждом взрыве ручной гранаты недорисованный Манасяном портрет Сталина взлетал в воздух и порхал по залу. Гранаты бросали с хоров, но их осколки не доставали тех, кто укрывался в притворе.

— Положеньице — и не туды и не сюды! — покачал головой Манасян.

— Это, как в русской поговорке, — усмехнулся Иванов. — «Тять, я медведя поймал... — Так тащи его сюда!.. — Не могу, медведь не пускает».

— Может, выкурить этого медведя? — предложил один из бойцов. — Пожарчик бы тут развести.

— А сами куда денемся?

— Бабушка моя говорила, кто в храме помрет, тот сразу в рай попадет...

— А кого в полковом клубе пристрелят, тот напрямиком в ад, — мрачно изрек ефрейтор-артиллерист с перевязанной обрывком нательной рубахи шеей. — Клуб это, а не храм. Был храм, да весь вышел...

При очередном взрыве гранаты лист с портретом Сталина подлетел к притвору и лег под ноги Манасяна.

— Смотри, Иосиф Виссарионович сам к тебе пришел, — толкнул в бок комсорга Иванов, — просит, чтобы ты исправил ему армянский нос.

И они опять захохотали, как бы дико ни звучал их смех под этими скорбными сводами.

— Тихо! — поднял руку Иванов и прислушался: голос немецкого радииста звучал вполне различимо — акустика в храме была отменная. — Они запрашивают подкрепление. Просят, чтобы их деблокировали со стороны входа... Надо держать под прицелом входы в оба придела.

Он сложил ладони рупором и громко крикнул на хоры:

— Немецкие солдаты! Ваше положение безнадежно! Мы готовы обменять ваши жизни на ваши автоматы. Бросайте их вниз и спускайтесь по одному без оружия!

В ответ полетели гранаты и грязные ругательства.

— Что они кричат? — спросил Манасян.

— Они кричат, что я выродок, который предал немецкий народ.

— Забавно... Они вас за немца держат.

— Значит, хорошо учил «дойче».

Иванов еще раз прокричал в сложенные ладони:

— Внимание! С вами говорит офицер! Я приказываю прекратить стрельбу и немедленно спуститься вниз! Не стрелять! Это приказ!

На хорах притихли.

— Что вы им сейчас сказали? — снова спросил Манасян.

— Приказал спуститься вниз и не стрелять.

— Послушаются?

— У немцев сильный рефлекс подчинения. Может, сработает.

И Иванов опять повторил свой приказ в резкой категоричной форме. Голос его звучал уверенно и требовательно, будто он и в самом деле орал на своих подчиненных. Рефлекс подчинения сработал только у двоих. Но они спустились не с хоров, а вышли снизу — из подклета, и чрезвычайно удивились, увидев русского командира, который так хорошо говорил на их родном языке. В драной прожженной телогрейке, наброшенной на голое тело, он даже на русского офицера не походил.

— Как вы там оказались? — начал допрашивать их Иванов. — И сколько вас там?

Солдаты угрюмо молчали; они не могли поверить, что оказались в русском плену. Лишь один из них неохотно буркнул:

— Когда вы пошли на штурм, и ударила пушка, десять человек спустились в подвал, а остальные поднялись наверх.

— Значит, в подвале остались еще восемь человек?

— Так точно.

Иванов с Манасяном переглянулись:

— Хорошенький сюрприз: немцы сверху, немцы снизу, и мы посередине!

— Кто кого захватил...

— А что с этими пленными будем делать? Куда их? Расстрелять?

— В Красной армии пленных не расстреливают, — заметил Иванов. Он подобрал лист бумаги с портретом Сталина и угольком написал на обороте «Гитлер капут!», затем засунул лист под наспинные ремни пленного автоматчика и скомандовал по-немецки: — Идите вперед! Встаньте лицом к алтарю, и не оглядываться. Шаг в сторону — стреляю!

Пленные покорно зашагали к алтарю и встали, как им было указано.

— Эй, вы, наверху! — закричал Иванов на хоры. — Перед вами ваши камарады. Мы дадим им возможность уйти живыми, если сверху спустятся двое и сдадут свое оружие.

Наступила напряженная тишина. Слышны были лишь редкие выстрелы в районе Брестских ворот да шорох сыплющейся сверху кирпичной крошки.

— Мне повторить условие?! Или вы все поняли?!

Вместо ответа вдруг раздались хриплые, но распевные звуки органа. «Бах, — отметил про себя Иванов. — Месса».

Играл явно не профессионал, но музыка звучала величественно — торжественно и грозно. Казалось, она лилась из проломов в сводах храма.

Устроители полкового клуба в 39-м году не стали ломать старый костельный орган, а попытались использовать его для нужд художествен-

ной самодеятельности. Манасян помнил, как однажды кто-то из командиров, игравших на фортепиано, попытался сыграть на нем гимн Советского Союза. Прозвучало столь внушительно, что решили поискать профессионала. Но старик-органист покинул Брест сразу же после сентябрьских событий и теперь жил в Тересполе.

Сейчас играл кто-то из солдат, и непонятно было, то ли это реквием по тем камарадам, которые должны были быть расстреляны у всех на виду, то ли это молитвенная просьба о помиловании... Музыка оборвалась столь же неожиданно, как и началась. На каменной узенькой лестнице, ведущей на хоры и звонницу, послышались громкие шаги кованых немецких сапог.

— Не стреляйте! — крикнули с лестницы. — Нас двое.

К ногам Иванова упали автоматы. Он осмотрел магазины — пустые. Понятно, что все патроны они оставили своим. Ну, спасибо и на этом.

— Вы свободны! Уходите через окна! — крикнул майор тем, кто стоял у алтаря.

Пленники не заставили себя долго ждать и тут же исчезли в разбитых проемах. Теперь их места заняла новая пара.

— Эх, жаль отпускать сволочей! — вздохнул Манасян.

— Далеко без оружия они не уйдут. А так мы хоть храм освободим.

Немцы, похоже, сообразили, что западня приоткрылась, и ее можно покинуть. Сверху спускались уже не двое, а трое солдат. Иванов приготовился принимать новые автоматы, как вдруг из узкого лестничного проема в притвор полетели гранаты.

Взрыв! Взрыв! Взрыв!

Те, кто уцелели в притворе, открыли стрельбу по лестнице. Но Иванов этого уже не слышал...

Очнулся он в подвале Белого дворца среди множества других раненых — хрипящих, стонущих, матерящихся, задыхающихся, отходящих... Кто-то приоткрыл его запекшиеся губы солдатской ложкой и влил глоток животворной влаги. Иванов приоткрыл глаза и увидел лицо склонившейся над ним Заны.

— Зана?! — не поверил он своим глазам. — Какими судьбами?

— Я пришла брать уроки немецкого.

— Гут! Гебен зи мир айне лефель вассер. (Хорошо! Дайте мне одну ложку воды — нем.)

— Битте шен! (Пожалуйста! — нем.) И Зана протянула ему ложку с водой.

— Данке шен! (Спасибо! — нем.)

— Нет, нет! — запротестовала она. — Хватит немецкого! Это язык убийц! Ненавижу!

Иванов потрогал грубую самодельную повязку на голове.

— Кажется, я ничего не понимаю ни в немецком, ни в немцах, ни в женщинах... Куда я ранен?

— В затылок.

Ночью майор Петров выбрался из-под трупа убитого коня, под которым прятался от солдат, зачищавших Восточный форт, и побрел в сторону Командирской улицы, к обгорелым руинам своего дома; дома, который стал и могилой, и крематорием для его Анны. Добравшись до места, прижался щекой к уцелевшему косяку входных дверей и простоял так несколько минут. Потом нащупал в кармане ключи и бросил их в проем.

Был дом, была семья, было будущее... Теперь все это враз исчезло. Осознать это, понять было невозможно.

В кромешной мгле безлунной ночи Петров вышел на берег Мухавца, припал к воде, утоляя жажду. Одной рукой он опирался на песок, другой отталкивал труп утонувшего или убитого красноармейца. Пил шумно и долго, как запаленный конь. Вдруг за его спиной раздался громкий оклик:

— Хальт! Штейн ауф!

Петров резко поднял голову и увидел троих немцев, наставивших на него автоматы. Откуда они взялись?!

— Штейн ауф! Лос!

Один из них выстрелил в воду, разом взмутив ее. Петров медленно поднялся. Один против троих. А лица у них довольные, как у охотников, которым удалось подстеречь дичь на водопойной тропе.

— Хенде хох!

Майор сделал непонятный жест — то ли поднимал руки, то ли засучивал рукав гимнастерки. Обер-ефрейтор протянул руку к кобуре с маузером, и тут же получил сокрушительный удар коленом в пах, а рука от сильного захвата хрустнула в суставе с такой болью, что он аж взвыл. Схватив и прижав ефрейтора к себе, Петров прикрылся им и сделал шаг назад — в реку. Остальные двое замялись под наставленным маузером — всего на несколько секунд, но и этого было достаточно, чтобы войти в воду, а затем, прижимая к себе живой щит, опрокинуться спиной в Мухавец. Цепко держа своего покалеченного противника, он поплыл на спине, почти полностью скрывшись под водой. Ефрейтор, потерявший сознание от болевого шока, даже не вырывался, к тому же он изрядно нахлебался воды. Немцы, оставшиеся на берегу, закричали, подзывая помощь. И тут из прибрежного ивняка ударил винтовочный выстрел, затем второй, и крики прекратились. А к Петрову подплыл какой-то человек в матросской тельняшке и молча помог ему немного «притопить» пленника. Быстро, как будто давно сговорились, они сняли с него автомат, подсумки, ремень

с фляжкой, и бросились к своей казарме. Вбежали в пустынный коридор, отдышались.

— Спасибо, браток, спас ты меня... — поблагодарил майор. — Откуда у нас тут моряки взялись?

— С Пинской флотилии я. Прислали к вашим погранцам учить их на катерах ходить... Шестеро нас было. Теперь я один остался.

Они шли по коридору, поглядывая в окна.

— Ну, в общем, получается, — стал размышлять вслух Петров, — что немцев сейчас тут под каждым кустом, как собак нерезаных. Они, конечно, уйдут, снимут дозоры, сократят патрулей. Вот тогда можно будет и двигаться. Как тебя звать, сынок?

— Краснофлотец Кошкин.

— Ого! Почти матрос Кошка! У тебя воротник весь в крови.

— Барбет пробил — в шею ранен. Главное, что «башню» не снесло...

В эту ночь напряженная коварная тишина простерлась над всеми четырьмя островами крепости. Нигде не стреляли, но выстрелы могли раздаться в любую минуту, в любом месте. Захваченные немцами прожекторы настороженно щупали своими лучами то Брестские ворота, то мост через Мухавец, то исклеванные кирпичные стены кольцевых казарм... В ночной воде реки вспыхивали ослепительные блики. Время от времени повисали над цитаделью осветительные ракеты, заливая все вокруг мертвенным химическим светом. Оживали лишь тени, которые быстро перемещались по мере падения горячей ракеты.

Майор Петров в мокрой, плохо отжатой одежде содрогался в приступах кашля. В ночном холоде застарелый — «финский» — бронхит ожил совсем некстати. Кашель гулко отдавался под кирпичными сводами. Зажимая рот рукавом, майор брел по темным коридорам второго этажа, стараясь держаться поближе к окнам. Худо-бедно, но какой-то свет они проливали на захлапленные, заваленные всякой рухлядью казарменные полы. За ним следовал матрос Кошкин с трехлинейкой на плече и трофейным автоматом в руках, готовый к любой неожиданности. Он осторожно перешагивал через трупы, сорванные рамы, искореженное железо... Так они набрели на спортзал, с турником, сломанными брусьями, помостом для штанги, стеганым брезентовым матом...

— Вот здесь и заляжем, — кивнул матросу Петров.

Светало по-летнему быстро, и надо было скрытно переждать день. Они оттащили мат в угол комнаты, предварительно забросав его обломками помоста и табуретками. Расположились под матом, как в палатке, положив в головах оружие. Но уснуть так и не удалось, на холодном каменном полу приступы кашля у Петрова возобновились с неукротимой силой.

Вдоль кольцевых казарм курсировали немецкие патрули. Один из них приближался к распахнутым окнам спортзала. Майор корчился под матом, не в силах остановить душивший его кашель. Шаги немецких солдат становились все громче и громче. Кошкин взял автомат, выбрался из укрытия и встал в простенке между окнами.

— Слышишь? Там кто-то есть, — сказал кто-то из патрульных.

— Не стоит лезть в темноту, — ответил ему другой, вытащил из-за голенища «колотушку» и швырнул в окно. Граната с длинной деревянной ручкой влетела в комнату и завертелась волчком. Кошкин схватил ее и выбросил в окно. «Колотушка» взорвалась в воздухе, сразив обоих патрульных. Один из них, видимо, раненый, заорал, призывая на помощь, но матрос добил его автоматной очередью. На взрыв, стрельбу и крики поспешил другой патруль, шедший навстречу.

— Лежите здесь, я их уведу! — прошептал лихой краснофлотец.

Он влез по водосточной трубе, как по мачте, на плоскую крышу, разбойно свистнул в два пальца, заорал во всю горло «Полундра!» — и бросился бежать, петляя по крыше от края к краю. По нему стреляли, но он, казалось, был неуязвим... Уведя патруль за Холмские ворота, Кошкин прыгнул в пролом посреди крыши и скрылся...

Ванда, спасаясь от обстрела, юркнула в какой-то подвал и оказалась в подземном госпитале. Собственно, никакого госпиталя здесь не было, это было укрытие для людей, которые зависли между жизнью и смертью, обескровленные, потерявшие возможность ходить, бежать, ползти... Еще вчера они были полны сил и желания победить, теперь, изувеченные, стонали, хрипели, и все как один просили воды. Воды, которой в подвале не было. Над ними хлопотал полковой врач в полном бессилии преуменьшить муки своих пациентов. Ему помогали Зана и Ванда. Девушки обходили раненых с котелком и фляжкой, в которых плескались остатки воды, и скупно смачивали пересохшие рты. Врач подозвал их к себе:

— В нашей казарме на втором этаже была полковая аптека, сбегайте, посмотрите, все, что найдете, — тащите сюда!

Когда мертвых в подвале стало больше, чем живых, врач распорядился перенести раненых в конюшню разведбата. В первую очередь вынесли батальонного комиссара Иванова и еще четверых. Но едва бойцы спустились за новой партией, как в Белый дворец угодил фугасный снаряд сверхмощной мортиры, бившей из Тересполя. Здание окуталось дымом, известковой пылью... Толстые стены выдержали удар, но все перекрытия рухнули. Все, кто находился в подвале, оказались погребенными заживо. Они пытались выбраться, но многотонная груда обломков была им не под силу.

Манасян, приложив ухо к стене, уходящей вниз, услышал глухой стук не то кирки, не то лома.

Полуживой боец, обреченный на скорую смерть в заваленном подвале, выцарапывал на стене слова: «Умираем, не срамя...»

Девушки отыскивали полковую аптеку на втором этаже кольцевой казармы. Там царил полный разгром. Все лекарства были разбросаны и раздавлены сапогами. Они ползали по полу, пытаясь отыскать то, что может пригодиться врачу. Среди раскрошенных таблеток поблескивали капельки ртути из разбитых градусников. Вдруг снизу — с первого этажа — послышались отрывистые немецкие команды. Зана выглянула в лестничный проем и увидела, как немцы выгоняют на улицу ходячих и легко раненых. Тех, кто не смог подняться, расстреливали без колебаний.

С искаженными от ужаса лицами девушки буквально вжимались в стенку каземата. Еще минута, и немцы поднимутся к ним. Но они не поднялись. Им и так уже хватало пленных, которых они строили в колонну по три. А потом повели их к Тереспольским воротам. Среди прочих пленных шаггал и батальонный комиссар Иванов. Его, с трудом передвигающего ноги, поддерживал Леон Манасян.

— Вот и все... — мрачно произнесла Зана, глядя вслед уходящей колонне. Она еще надеялась увидеть там отца.

— Нам нужно идти по домам, — повернувшись к ней, проговорила Ванда.

— У меня теперь дома нет. И мамы нет. — Зана только сейчас четко осознала это и впервые за эти жуткие дни заплакала.

— А у меня больше нет отца, — обняла подругу по несчастью Ванда. — Но у меня хоть дом остался. Пошли ко мне...

— Отсюда еще выбраться надо, — ответила Зана, вытирая слезы куском ненужного уже бинта. — Тут фрицев на каждом шагу.

Они выглянули во двор цитадели. Стрельба в крепости стихла. Кое-где дымилась еще руины казарм, груды того, что до недавнего времени было домами, хозяйственными постройками. Но самый густой дым валил из расстрелянных из орудий домов на Командирской улице. Повсюду шныряли немецкие зондеркоманды, которые зачищали подвалы. Нещадно палило солнце. Согнанные в крепость мужчины-евреи и группы военнопленных собирали разлагающиеся трупы и сбрасывали их в глубокие воронки от снарядов «Карла».

— Ты плавать умеешь? — спросила Зана.

— Спрашиваешь! Я была «живой торпедой»!

— Давай уплывем отсюда по реке. В воде к нам никто не пристанет.

— А если будут стрелять? — озадачилась Ванда.

— А мы распустим волосы и поплывем, как русалки! В русалок никто не стреляет.

Ванда задумалась, а Зана продолжала стоять на своем:

— Я серьезно. Сейчас жарко. Плынут две девушки. Сразу видно, что не солдаты. Ну? Лето же в разгаре, и двум дурочкам захотелось поплавать.

— Я купальник дома забыла, — усмехнулась Ванда.

— А мы в платьях поплывем, — ответила Зана и первой вошла в воду Мухавца.

Ванда тоже распустила прекрасные светло-русые волосы и, придерживая юбку, погрузилась в речные струи. Они поплыли мимо берегов, на которых уже отгремели самые жестокие бои. Впервые за все эти дни на их лицах появилось подобие улыбок. Вода! Она возвращала им после всего пережитого радость жизни. Поначалу они держались ближе к берегу, но в прибрежных зарослях плавали трупы красноармейцев. Тогда девушки отгребли почти к самой стремнине, но тут их заметили немцы. Солдаты загорали на песчаной косе, что-то пили, крутили трофейный патефон и наслаждались жизнью. Прекрасная мелодия старинного русского вальса разносилась далеко над рекой... Завидев девушек, солдаты замахали руками, зазывая прекрасных ундин. Один из них бросился в воду и поплыл вдогонку. Зана уже выходила на берег, как ей казалось, в безопасном месте, когда назойливый солдат доплыл до нее. Вот где пригодились уроки немецкого!

— Приходи вечером к нам в гости вместе с товарищем, — сказала она по-немецки. — Запиши адрес.

— Мне нечем записать, — улыбнулся молодой австриец.

— Тогда запомни: Командирская улица, восемь... Это недалеко.

— Я, я! Командиренштрассе, ахт!

— Придете?

— Натюрлих! — снова улыбнулся парень и, бросившись в воду, поплыл к своим.

— Зачем ты дала ему адрес? — спросила Ванда, отжимая волосы и подол платья.

— Пусть приходят, пусть посмотрят, во что они превратили наш дом...

Немцы вели пленных на сборный пункт в бывшую тюрьму «Бригидтки». Манасян плелся последним, опираясь на сломанный пополам пожарный багор. Опирались на крюк было очень удобно. Комсорг намеренно хромал, чтобы все время отставать. Поравнявшись с окном первого этажа, где находился полковой зубоврачебный кабинет, он ловко зацепился крюком багра за торчавшую арматуру и заскочил внутрь. Запоздалая очередь ударила ему вслед, а двое охранников бросились за ним в погоню.

Но Манасян лучше знал расположение коридоров, он взбежал по лестнице на второй этаж, потом помчался дальше, пока не спрыгнул в большую снарядную дыру в полу и оказался в боксе, где стояли машины разведбата.

— Сытой, кто идот?! — раздался гортанный восточный окрик. — Сытой, сытрылят буду!

— Стою!

— Сытрыляю!

— Э, постой, мы так не договаривались!.. Абдрахман, ты, что ли? — взгляделся в сумрак бокса Манасян.

— Я, Абдрахман!

— Открывай ворота и давай в машину!

Броневик выехал прямо из-под носа запыхавшихся охранников. Под градом пуль машина вывернула к пустынным Брестским воротам и проскочила мост через Мухавец. Никто не ожидал, что из крепости, казалось, раз и навсегда затихшей, вдруг выскочит боевая машина.

Манасян гнал, приговаривая, как заклинание: «Ереван — джан, джан, Ереван — джан, джан...»

Он глянул в боевое отделение: Абдрахман сидел в башне за пулеметом.

— Абдрахман, дорогой, жив?

— Живой. Трисет шибко.

— Держись крепче!

За виадуком через железнодорожную ветку бахнул пушечный выстрел, затем еще один... Манасян не понял, откуда стреляют, и стал бросать машину вправо-влево, чтобы сбить наводку. Еще один метко пущенный снаряд сорвал с броневика башню, которая улетела вместе со стрелком. От Абдрахмана осталась только подушка, из которой полетели перья. Броневик уткнулся носом в ограду городского парка. Оглушенный Манасян выскочил из завалившейся машины, держа в руках заводную рукоять. Какое-никакое, а все оружие! Не долго думая, он бросился в хорошо знакомые аллеи, теперь совершенно обезлюдившие. Недалеко от рестораника «У озера» ровными рядами шли холмики свежих солдатских могил. На березовых крестах зловеще отливали на солнце немецкие каски, и Манасян в ярости принялся сбивать их заводной рукоятью. На его счастье, военное кладбище, устроенное немцами в парке, было, как и сам парк, совершенно пустынным. Война пощадила его, вековые деревья печально покачивали кронами. Ноги сами собой вынесли бойца к дому Ванды, стоявшему у калитки запасного выхода из парка. Гимнастерка его была забрызгана кровью Абдрахмана и машинным маслом. Он стащил ее, оставшись в зеленой футболке. Затем наломал черемухи, жасмина и постучался в дверь Ванды...

Майор Петров, тяжело пошатываясь, тоже заглянул в полковую аптеку, надеясь найти что-нибудь от кашля. Подобрал с пола, усыпанного облатками, стеклами и стреляными гильзами, какие-то таблетки, но запить их было нечем. В соседнем каземате стоял на столе перед окном «Максим» с пробитым кожухом и весь в пустых лентах. Однако в кожухе еще оставалось немного воды, и Петров запил таблетки, приложившись к пробоине в кожухе. Из аптеки он прошел в свой кабинет. Здесь кто-то изрядно похозяйничал — стол был перевернут, портреты военных вождей сброшены на пол. Личный сейф, к его удивлению, оказался цел. Возможно, потому, что был вмурован в стену и прикрыт оконной шторой, которая, как ни странно, тоже осталась висеть. Порывшись в кармане, Петров достал цепочку со служебными ключами и бронзовой печаткой, открыл железный ящик. Извлек некогда секретный «красный пакет», где предписывалось, куда должен выдвинуться его полк и какие позиции занять, разорвал его и бросил в окно, где догорали какие-то деревянные обломки. Туда же полетела и полковая гербовая печать.

Майор тяжело дышал, крупные капли испарины заливали лоб, покрывшийся за эти дни сетью глубоких, почти старческих морщин.

На подоконник выбитого окна прилетел ворон и стал расхаживать по нему, поглядывая одним глазом на разбросанные по полу таблетки, а другим на человека, который явно мешал умной птице порыться в аптечном добре. Петров усмехнулся и спросил:

— Ну что, много наших-то расклевал, а?

Ворон наклонил голову, как будто пытался понять смысл вопроса.

— Или ты по мою душу прилетел? Персонально, так сказать...

Ворон не улетал.

— Но ты добычи не дождешься, — проговорил майор и, для пущей убедительности, хриплым голосом чуть слышно пропел:

Черный ворон я не твой...

Ой, да ты не вейся, черный ворон,

Над моею головою...

Ворон все понял, тяжело взмахнул крыльями и улетел.

Петров подобрал затоптанное солдатское одеяло и унес его на свое лежбище в спортзале, закутался в него и уснул тревожным лихорадочным сном тяжело больного человека.

Снилась ему Анна Кондратьевна, которая, как всегда в таких случаях, потрогала его лоб и охнула: «Боже, да ты весь горишь! Дай-ка я тебе морсику сварю!»

«Отставить морс! — распорядился генерал, который приезжал с внезапной проверкой. — Пусть он сначала на парткомиссии ответит!..»

«Да какая может быть комиссия, — вступилась за него Анна Кондратьевна, — когда у человека на фоне хронического бронхита двустороннее воспаление легких?!»

«Отставить пневмонию! — настаивал на своем генерал. — Пусть он сначала перед трибуналом ответит — где его полк? Почему он полк потерял? Вверенный ему родиной полк?»

Тут Петров вздрагивал, просыпался и тревожно метался, рискуя выдать себя стонами сквозь тесно сжатые зубы...

И снова Анна Кондратьевна защищала его и спорила с «обвинителем»...

Как ни терзала Петрова горячка, собачий лай он все же расслышал. Немцы прочесывали цитадель с овчарками. Майор проверил маузер и дослал в ствол последний патрон — для себя. Но патрули с собаками прошли только по первому этажу.

Солдаты 45-й пехотной дивизии, сформированной в Линце, готовились к визиту своего знаменитого земляка — Адольфа Гитлера. Чтобы не огорчать вождя, на могильные кресты немецких солдат были наброшены маскировочные сети.

Если бы фюреру показывали трупы убитых советских солдат, то и те бы выложили по ранжиру. Но трупы ему не показывали. Показывали пленных, отобранных с умыслом. Из десяти «экспонатов» девять были с азиатскими лицами — надо было показать фюреру и всей Германии, что арийцам противостоят азиатские орды. Лишь один имел славянскую внешность — это был Иванов, которого взяли в качестве переводчика для пленных. Прежде чем представить их фюреру, всех привели в относительный порядок. И чтобы не создавалось впечатление, что защитники крепости воевали так долго, что успели обрасти густой щетиной, из города привезли парикмахера. Это был уже знакомый Иванову Натан Наумович Майстерман. Он тоже узнал своего бывшего клиента.

— У меня хорошая память на лица, которые я брил... Извините, брить буду без мыла. Не дали взять. Все быстро, быстро, быстро. Как говорил мой дедушка-закройщик: «Вам быстро, или чтобы рукава были одинаковыми?»... У вас хороший волос, легко срезается, — похвалил он Иванова. — Но прошлый раз вы сами себя порезали бритвой, а теперь вас разделали просто под орех...

— Ахтунг!!!

С Западного острова — по мосту через Буг — проскочил черный лакированный открытый «хорьх» с немецкими бонзами. Рядом с Гитлером сидел Муссолини. «Хорьх» остановился у Тереспольских ворот, где была устроена выставка трофейной советской техники. В сопровождении плотной охраны из салона вылезли фюрер, Муссолини, генерал фон Бок...

Приняв положенный рапорт, Гитлер повел дуче показывать взятую «доблестными германскими войсками большевистскую твердыню». Переводчик не умолкал ни на минуту:

— Эту старую крепость большевики обороняли с яростью фанатиков. Но не было и нет такой силы, которая могла бы устоять перед мощью германского оружия!

Дуче рассеянно кивал, разглядывая густо выщербленные стены, взорванный барбакан и наполовину рухнувшую надвратную башню. На вершине ее развевался нацистский флаг с черной свастикой в белом круге.

За окном раздавались командные возгласы, громкие пояснения гда-офицера, торопливая итальянская речь переводчика... Петров осторожно выглянул в амбразуру. Ему показалось, что он снова бредит: в сорока шагах от него стоял ...Гитлер, такой щуплый рядом с массивным дуче. Бред это или явь, майору было все равно, он достал маузер с единственным патроном, оставленным для себя. Тщательно прицелился и, затаив дыхание, нажал на спуск... Боек сухо щелкнул по капсулю. Осечка!

«Предатель!» — сказал Петров своему именному маузеру и швырнул его в груды хлама.

Снайпер из охраны фюрера заметил, как в амбразуре кольцевой казармы что-то мелькнуло, и тут же взял ее на мушку. Но цель больше не появилась. Тогда он сообщил офицеру, и тот тут же вместе с пятью автоматчиками ринулся в подозрительную казарму. Когда они тщательно осматривали казематы, один из солдат наткнулся на Петрова. Тот стоял в простенке, вжимаясь спиной в кирпичную кладку.

— Хенде хох! — заорал немец молодым петушиным голосом. Его почти мальчишеское лицо исказил испуг при виде обросшего, изможденного человека с лихорадочным блеском в глазах.

— Сначала сопли утри! — устало, но спокойно ответил ему по-русски майор. — Разбежался я тебе руки поднимать!

— Хенде хох!! — уже истерично выкрикнул немец.

— Да ладно, так стреляй... Буду я тебе позориться... — тихо хмыкнул Петров.

Солдат пустил очередь в окно, и, когда пули просвистели прямо над ухом майора, он перекрестился.

— Хенде хох!!!

— Да не тужься ты так, — насмешливо бросил Петров, — пупок развяжется.

На звук выстрелов прибежали остальные. Офицер бегло осмотрел майора, подобрал с пола выброшенный маузер, внимательно вчитался в наградную табличку.

— Господин Петрофф? Где-то я уже слышал эту фамилию, — произнес он по-немецки и добавил: — Ком цу мир! (Подойдите ко мне! — нем.)

Петров шагнул к нему, не поднимая рук, и так же, не поднимая рук, отправился в плен.

Его привели в группу «показательных пленных», изнывающих под солнцем у Тереспольских ворот. Иванов, увидев командира, вполголоса окликнул его:

— Товарищ командир, батальонный комиссар Иванов прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Они обнялись, и на заросшем лице Петрова впервые с начала войны появилась улыбка.

— Вот и навоевались мы, дорогой товарищ...

— Ничего, мы еще повоюем!

Их повели через город. Шли мимо церкви, на погосте которой немцы устроили еще одно военное кладбище. Крестов, увенчанных касками, было много.

— Ну, вот и мы дров наломали, — усмехнулся Иванов, поглядывая на ровные ряды свежих сосновых крестов...

Вместо послесловия

Летом 1945 года следователь фильтрационного пункта № 457 допрашивал освобожденного из лагеря бывшего батальонного комиссара Иванова. Трудно было в нем узнать того лощеного моложавого офицера, каким прибыл он в Брест. Истонченная кожа обтягивала его лицо с такой силой, что проступали черепные швы. Он был в застиранной и заношенной гимнастерке образца 1941 года. Голубые глаза давно утратили свою голубизну и стали серыми. Но следователю было не до цвета глаз очередного — какого по огромному счету? — проверяемого. Он привычно задавал стандартные вопросы:

— Расскажите, как и при каких обстоятельствах вы сдались в плен.

— В плен я не сдавался. В плен меня взяли. После тяжелого ранения.

— Ну, это вы все так говорите... Миллионы в бессознательном состоянии в плен попали. Ладно. Это мы еще выясним. Как вы оказались в американской зоне оккупации?

— Я бы с удовольствием оказался в советской зоне оккупации, но почему-то Красная армия туда не пришла. Как не пришла она в крепость, чтобы нас деблокировать.

— Ну да, во всем виновата Красная армия. Правда, теперь она называется Советская. Прошу учесть.

— В моей судьбе и в судьбах многих других военнопленных виновата не Красная, точнее не Советская армия, а ее конкретные начальники.

— Вы можете назвать их фамилии?

— Да. Один из них мой отец — генерал-лейтенант Иванов.

— Ну, теперь он генерал-полковник... Вы понимаете, что с такими заявлениями вы никогда не восстановитесь ни в армии, ни в партии?

— А я и не хочу восстанавливаться.

— Что же вы хотите?

— Я хочу восстановить свою душу, восстановить себя.

— Чистейшей воды идеализм!

— Возможно. Но материалистом я уже побывал... У меня к вам одна просьба — сообщите генерал-полковнику Иванову, что я, его сын, жив и здоров. Он вам будет чрезвычайно признателен.

Генерал-полковник Иванов лежал в госпитале с безнадежным диагнозом. Он с трудом приподнялся при виде вошедшего в палату сына:

— Лешенька...

— Папа!

— Лешенька, ты ли это? Вот уж не чаял! Дай, обниму!.. Возвращение блудного сына... Счастлив, что ты жив... Но вот седины мои своим пленом опозорил! И ничего не говори! Я тебе когда еще говорил: не дергайся, не ищи приключений на свою голову. Служил бы в Разведупре, был бы уже полковником. Нет, на подвиги потянуло!.. Ладно, не слушай старого ворчуна! Рассказывай лучше, как ты выбрался из этой передраги!

— Сначала ты мне объясни, как я в нее попал? И не только я, сотни тысяч бойцов угодили в этот ад... Почему никто не пришел деблокировать крепость?

— А никто и не знал, что крепость держится... По всем планам прикрытия все войска из нее должны были быть выведенными в первые часы войны. Для обороны предназначался лишь один батальон... Ты представить не можешь, какой бардак творился в штабах: связи нет, разведки нет, кто куда движется — сплошная неизвестность. Состояние слепоглухонемого идиота, которого бьют со всех сторон. Как мы удержались, сам понять не могу. Так что некому было идти деблокировать вас. Минск сдали за пять дней... Плесни водички, в горле все пересохло...

Я рад, что ты нашелся... Мне отсюда уже не выйти. Это факт. Возьми ключи у соседки, у Клавдии Ивановны, и живи... Живи! Ты меня понял?!

— Понял...

Майора Петрова допрашивал в другом блоке другой следователь. Командир полка был так же страшно худ, как и Иванов, и в таких же обносках. В широко посаженных глазах таилось скрытое презрение к старшему лейтенанту неизвестно каких войск.

— Где и при каких обстоятельствах вы сдались в плен?

— Был взят в плен в состоянии болезни.

— Болезни? Вы даже ранены не были?

— Да, заработал на Финской войне хронический бронхит — более суток пролежал на льду под обстрелом...

— Я вас не про Финскую войну спрашиваю.

— Отвечаю на ваш вопрос: мой финский хронический бронхит перерос в двустороннюю пневмонию.

— Ладно, в этом пусть врачи разбираются... Оружие при вас было?

— Был наградной маузер. Но расстрелял все патроны. Даже на Гитлера не осталось.

— На Гитлера? Вы что, видели Гитлера?!

— Да. Чуть дальше, чем вас.

— Ну, это понятно. В бреду чего только не померещится... Чем вы занимались в плену?

— Готовился к послевоенному восстановлению народного хозяйства, копил силы и здоровье.

— Хороший ответ... — довольно хмыкнул старший лейтенант. — Как вы оказались в зоне американской оккупации?

— Это не я там оказался. Это весь наш лагерь там оказался. Хаммельбург освободили союзники.

Следователь полистал бумажки из разных папок.

— Ну, могу вас поздравить: ничего предосудительного в вашем поведении в плену не установлено.

— Я могу быть свободным?

— Не совсем... Поскольку вы всю войну отсиживались в плену, повоюйте-ка немного с японцами. Поедете на Дальний Восток. В прежнем же звании... Но больше батальона вам, наверняка, не дадут. И на счет восстановления в партии... Дело решится после первых боев. Желаю удачи!

С той поры прошло семьдесят четыре года...

Имя Брестской крепости воссияло в истории Великой Отечественной войны, оно стало символом трагического героизма 41-года. Сняты художественные фильмы, написаны книги, живописные полотна, изваяны монументальные скульптуры.

Через двадцать лет после окончания войны было принято правительственное решение о сооружении на территории Брестской крепости мемориала. Главным разработчиком стал народный художник СССР Александр Кибальников, автор памятника Маяковскому в центре Москвы.

Именно он приглашал в свою мастерскую выживших защитников Брестской крепости. И первым, с кого он начал делать главную фигуру мемориала — «Непокоренный» — был майор Петров, который приехал по его приглашению из Новочеркасска. Черты лица изрядно постаревшего, потрепанного жизнью человека все же сохранили непреклонную командирскую волю, великое человеческое мужество. Скульптор с большим почтением, если не сказать благоговением, переносил портрет Петрова сначала в глину, а потом в бетон... Петров сидел в кресле молча и неподвижно.

— Постарайтесь что-нибудь вспомнить, Михаил Васильевич! — просил Кибальников в поисках нужного выражения лица.

И Петров вспоминал, уйдя с головой, душой и сердцем в тот роковой июнь сорок первого года... Перед его глазами вставал их двухэтажный краснокирпичный домик фигурной кладки — с сиреневым палисадником, под сенью старых лип, кленов, грабов, ясеней... Анна Кондратьевна... По раскрытым настежь комнатам гуляет летний ветерок... Петров в белой нательной рубашке сидит за столом и ждет, когда Анна положит на тарелку свежее испеченный блин, а маленькая дочь перехватывает его и делает дыры для глаз и рта — маску. Анна Кондратьевна строго назидает:

— Занка, не балуйся! Еда — не игрушка. Ешь, как положено!

Скульптор Кибальников был недоволен выражением лица своего гостя.

— Михаил Васильевич, вы улыбаетесь... Вспомните что-нибудь суровое, чтобы лицо стало таким, каким было тогда, в Бресте.

Таким, как было в Бресте? Когда упала навзничь Анна Кондратьевна от пули, влетевшей в окно? Или тогда, когда в Восточном форту лейтенант доложил ему, что бойцы строятся для ухода в плен? Или тогда, когда на него орал этот недоросток с автоматом, требуя, чтобы он, русский офицер, советский майор, поднял руки?

— Вот-вот-вот! Замечательно! Вот такое лицо мне и нужно!

Именно с таким лицом Петров и застынет потом в гигантском монументе посреди цитадели — настороженно-суровым, решительным, преисполненным отчаянного мужества...

В мастерскую Кибальникова вошел человек в черном монашеском подряснике и застенчиво представился:

— Иванов Алексей Павлович.

— Алексей Павлович, садитесь в кресло. Вот так... У меня к вам огромная просьба: не могли бы вы переодеться в военную форму... У меня тут гимнастерочка есть, совершенно новая. Давайте переоденемся, а то мне ваять вас несподручно будет.

Иванов переоблачился в гимнастерку, сел в кресло. Длинные волосы раздражали скульптора, но ему нравилось его лицо — худощавое, выразительное, с правильными чертами...

— Пожалуйста, вспомните что-нибудь из своей брестской жизни!

И Иванов начал мысленно перебирать воспоминания...

Зана, мчащая его на мотоцикле через ночной город... Трио аккордеонисток в ресторане «У озера»... Зловещие разноцветные огоньки, плывущие в ночном небе — бортовые огни немецких бомбардировщиков... Контратака у Холмских ворот... Неожиданная органная месса в бывшем костеле-полковом клубе... Манасян, с неудачным портретом Сталина... Их дикий смех в воронке...

— Я прошу вас не улыбаться... Пожестче, пожалуйста... Вспомните, как вам хотелось пить...

О, да! Как же тогда хотелось пить, когда он лежал в подвале с запекшимися губами! И Зана, вливающая капельки воды из солдатской алюминиевой ложки...

— Вот, вот, вот! Замрите так, не меняйте, пожалуйста, выражение лица... Да, да, да! Моя композиция будет называться «Жажда». Боец с каской в руке тянется, чтобы зачерпнуть из реки воды...

Работа была почти завершена. Иванов, снова надевший монашеский подрясник, осенил скульптуру крестным знаменем и проговорил:

— Так все и было! Так все и было! Храни вас Господь!

В Брестской цитадели всего две фигуры, у которых лица реальных защитников — майора Петрова и его боевого соратника Иванова. Они навечно остались в крепости, став ее камнями... А вот Брестские ворота исчезли. Их разобрали после войны на кирпичи.

Но каждый год 22 июня сюда приходит множество людей...

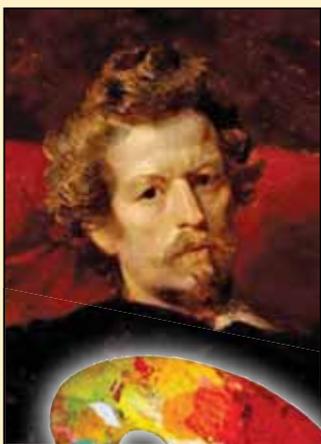
22 июня, утром, из года в год
Враз по сигналу горниста
В крепости полк встает.
По тополинному пуху
Тихо — жители спят —
Вступает в город поутру
Полк Неизвестных Солдат.

И если это мерещится,
Пусть в руку окажется сон:
Во фляжке у каждого плещется
Прохладный березовый сок.
И каждый девчонку — рука в руке,
Едва лишь рассыплется полк,
Сведет по откосу к зеленой реке,
К которой он сам под огнем не смог
Пробраться, припасть и напиться всласть,
Не смог охладить раскаленную сталь,
Не смог даже просто вздохнуть и привстать...

22 июня, утром, из года в год,
По пограничному Бугу
Фуражка, качаясь, плывет.
Плакучие ивы ее приберут
Руками своих ветвей...
А утром снова сюда приведут
Иные девчата — иных парней.
Никто не вздрогнет, не сдвинется с мест
В Полку Неизвестных Солдат.
Пустые глазницы в бойницы глядят
На Брест, на город невест... □

КАРЛ БРЮЛЛОВ

Ирина Опимах

Карл Брюллов (1799–1852), замечательный русский живописец, настоящий мастер портрета. Отличающиеся глубоким психологизмом, его работы в этом непростом жанре украшают музеи всего мира. Сегодня благодаря Брюллову мы представляем себе не только облик, но и характер его знаменитых (Жуковского, Крылова, Щедрина) и менее знаменитых современников. Но среди всех этих шедевров есть картины, обладающие каким-то удивительным обаянием, от них исходит тепло, радость бытия... И это прежде всего «Всадница», жемчужина собрания Третьяковской галереи, картина, написанная по заказу Юлии Павловны Самойловой.

«Всадница»

Они, художник и его любимая модель, познакомились в 1827 году в Риме, в салоне княгини Зинаиды Волконской. Это было очень известное место — здесь по четвергам собирался весь цвет артистического Рима того времени — художники и поэты, композиторы и скульпторы. Среди гостей княгини бывали Торвальдсен и Канова, Доницетти и Стендаль, Вальтер Скотт, Кипренский, Щедрин... А однажды в этом салоне пересеклись пути художника Карла Брюллова и другой княгини — Юлии Самойловой.

Брюллову тогда было 28 лет. Молодой, талантливый, он уже успел ярко заявить о себе и в Италию приехал как пенсионер Общества поощрения художников, члены которого заметили его дар и дали ему возможность развивать его на земле великих мастеров Возрождения.

И Юлия Самойлова (1803–1875) тоже была известной особой: последняя представительница рода Скавронских по женской линии — родственников Екатерины I, дочь генерала от кавалерии П.П. Палена. Родственные узы связывали ее с князем

«Всадница». Воспитанницы графини Самойловой — Джованнина Бертолотти и Амацilia Пачини

*Графиня
Юлия
Самойлова
с воспитан-
ницей
Амацилией
Пачини*

Справа:
*«Бахчиса-
райский
фонтан»*

Потемкиным и итальянскими семействами Литта и Висконти. Родители Юлии рано развелись, и воспитывалась она в семье бабушки Екатерины Васильевны и ее мужа графа Джулио Ренато Литта-Висконти-Арезе. В России этого господина звали почему-то Юлием Помпеевичем Литтой. Граф был весьма богатым человеком, к тому же инте-

ресовался искусством. В результате Юлия, унаследовав его состояние, оказалась владелицей весьма неплохой коллекции русской и зарубежной живописи. В частности, в этом собрании была знаменитая «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи. (К счастью, ее удалось сохранить и не продать в какое-нибудь зарубежное собрание, как произошло со

многими шедеврами старого Эрмитажа.)

В 1825 году Юлия, хорошенькая, богатая, но весьма взбалмошная, капризная, избалованная богатством особа, вышла замуж. Ее мужем стал капитан лейб-гвардии Преображенского полка граф Николай Самойлов. (В свете поговаривали, что Юлия была любовницей царя, а после нескольких лет отношений и аборта он решил выдать ее замуж за приличного человека, как было принято в те времена, и остановил свой выбор на Николае Самойлове. Тот особо нежных чувств к невесте, скорее всего, не питал, но это было

решение государя, которому следовало подчиниться. И все же семья у Самойловых не сложилась, и через год после свадьбы, поняв, что они, в сущности, чужие друг другу люди, Николай и Юлия развелись. Молодая графиня уехала в Италию — может, сыграла роль итальянская кровь, текшая в ее жилах, а может, ей просто нравился климат этой чудесной страны. В 1828 году она купила особняк в Милане на улице Борго Нуово. Деньги у нее были, и она могла ни в чем себе не отказывать. Ее дом отличался невероятной роскошью. Кроме уникальной мебели, его украшали настоящие

шедевры русской и западноевропейской живописи, а также скульптуры выдающихся мастеров. У графини Юлии начали собираться представители артистического мира — здесь они находили интересное общество, прекрасные произведения искусства и возможность обзавестись нужными связями, что во все времена вещь очень полезная. Ее салон стал столь знаменит, что саму Юлию называли «царицей салонов».

Про нее, эту свободную и не в чем себя не ограничивающую красавицу, говорили многое и разное. К примеру, что она обладала невероятным темпераментом и любила любовь, что из-за нее застрелился корнет Эммануил Сен Пре, что она весьма опасна. Так, князь Гагарин предупреждал Брюллова: «Бойтесь ее, Карл! Эта женщина не похожа на других. Она меняет не только привязанности, но и дворцы, в которых живет. Не имея своих детей, она объявляет чужих своими. Но я согласен, и согласитесь вы, что от нее можно сойти с ума». А вот как описывал Юлию Гоголь: «Она — не женщина Рафаэля, с тонкими, ангельскими чертами, она — женщина страстная, сверкающая, южная, итальянская во всей красоте полудня, мощная, крепкая, пылающая всей роскошью страсти, всем могуществом красоты...»

Лучшие поэты России посвящали ей свои стихи. Вот, к примеру, как о ней писал Евгений Баратынский:

*Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской*

*Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит,
Не записных ли волокит,
Не новичков ли милovidных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?*

А это уже Пушкин:
*Ей нет соперниц, нет подруг,
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает...*

Она была действительно чертовски хороша, обладала стройной фигурой и чувственной грацией, вот почему устоять перед ее победительным женским обаянием было практически невозможно. Не устоял и Карл Брюллов. При этом он и сам был вполне достоин внимания графини, которая любила покровительствовать молодым талантам, к тому же был хорош собой и пылок. Долгие годы их связывали теплые, нежные отношения. Сохранились фрагменты их переписки. Прекрасная Юлия, искренняя, ничего не стеснявшаяся, писала художнику: «Мой дружка, Бришка! Люблю тебя более, чем изъяснить умею, обнимаю тебя и до гроба буду душевно тебе привержена». И еще: «Люблю тебя, обожаю, я тебе предана, и рекомендую себя твоей дружбе. Она для меня — самая драгоценная вещь на свете».

Живя в Милане, нельзя не любить оперу. В доме графини часто бывал Джованни Пачини, автор оперы

«Последний день Помпеи»

«Последний день Помпеи», премьера которой состоялась осенью 1824 года в миланском театре Сан-Карло. Брюллов побывал на спектакле, а потом посетил Помпеи. Тогда и зародился у него замысел написать большое полотно, посвященное трагедии уничтоженного Везувием города. (На нем он трижды изобразил Юлию — в виде римлянки в центре, в образе матери, обнимающей дочь, и в образе девушки с кувшином.)

Во время работы над этим полотном Карл одновременно, по просьбе Юлии, писал картину «Всадница». Героинями ее стали воспитанницы Самойловой — на переднем плане

старшая, Джованнина, а на втором плане — младшая, Амацилия.

У графини своих детей не было (скорее всего, причиной тому был ранний аборт), но были деньги и возможности, поэтому в ее доме жили две девочки-сироты. Старшую звали Джованнина Кармина Бертолотти. По-видимому, она была племянницей второго мужа Самойловой, оперного певца Перри. (Юлия вышла за красавца-тенора в 1846 году. Он был моложе ее на 20 лет, однако через год после свадьбы умер от туберкулеза). А вот вторая девочка была дочерью Пачини, того самого композитора, написавшего оперу

«Последний день Помпеи» и близко дружившего с Самойловой. Жена Пачини умерла при родах, и он решил отдать дочь на воспитание графине.

Судьбы воспитанниц Самойловой сложились по-разному. Когда Джованнина подросла, ее выдали замуж за австрийца, капитана гусарского полка Людвиг Ашбаха, который увез ее в Прагу. Больше о ней ничего не известно, но хочется думать, что жизнь подарила ей счастье. Про Амацилию известно чуть больше. Она выходила замуж дважды, и каждый раз неудачно. Последние годы жизни она провела в Милане, в монастырском доме для престарелых. Там же и

умерла перед самым началом Первой мировой войны.

Но все это случилось гораздо позже, а тогда, в начале 1830-х годов, воспитанницы Самойловой были еще юны и счастливы. И на картине Брюллова — чудесный солнечный мир, где царит молодость и красота. Очаровательная девушка верхом на коне подъезжает к террасе итальянской виллы. Натянув поводья, она останавливает ретивого коня, поднявшегося на дыбы. Горделивая, но при этом изящная поза, прекрасная головка... Она поистине пленительна, эта юная наездница в модном элегантном костюме для верховой

Слева:
*«Сон
девушки
перед
рассветом»*

*«Итальян-
ский
полдень»*

езды. Неудивительно, что вторая героиня картины, маленькая, но по своему очаровательная Амацилия, с таким восторгом смотрит на смелую амазонку Джованнину. Эта наполненная светом, юностью, радостью бытия картина действительно производила сильнейшее впечатление.

Брюллов закончил «Всадницу» в 1832 году. Почти сразу картину показали в галерее миланской Академии искусств Брера. Это полотно открыло итальянцам гениального рус-

ского мастера. Его сравнивали с Рубенсом и Ван Дейком, критики писали, что никогда ранее не видели конный портрет, написанный с таким мастерством.

«Конь ... прекрасно нарисованный и поставленный, движется, горячится, фыркает, ржет. Девушка, сидящая на нем, — это летящий ангелочек. Художник преодолел все трудности как подлинный мастер. Его кисть скользит свободно, плавно, без запинок, без напряжения, умело,

с пониманием большого художника, как распределять свет, он знает, как его ослабить или усилить. Этот портрет выявляет в нем... живописца, отмеченного гением», — писал обозреватель журнала «Нуово Рикольиторе». Понравилась картина и заказчице — графине Юлии Павловне. «Всадница» заняла достойное место в ее собрании и украсила ее миланский дом.

Брюллову было 33 года, когда миланская публика увидела его «Всадницу». Впереди у него было множество великолепных работ, обеспечивших ему звание одного из лучших живописцев не только России, но и всего мира. А еще — путешествие в Грецию и Турцию, руководство историческим классом Академии художеств, работа над росписями плафонов и стен Исаакиевского собора... Была и женитьба, на 18-летней рижанке Эмили Тимм. Они сочетались законным браком в 1838 году, 27 января, но уже через месяц расстались навсегда. Точно о причине разрыва никто так и не узнал. Говорили, что во всем виноват Брюллов, и в обществе его порицали. (Сегодня исследователи жизни и творчества Брюллова утверждают, что молодая жена была ему неверна не только до свадьбы, но и после, и художник узнал об этом.) Брюллову было очень нелегко, от него многие отвернулись, и поддержать его приехала из Италии она, Юлия Самойлова. Старый, преданный друг...

Карл Брюллов умер в 1852 году, в местечке Манциана недалеко от Рима — он там лечился минеральными

ми водами. Ему было всего 52! Его подруга Юлия пережила художника на 23 года. В 1863-м она в третий раз вышла замуж — на сей раз за разорившегося французского графа, дипломата Шарля де Морнэ. Но и тут ей не повезло. Почти сразу после свадьбы супруги, крупно поссорившись, стали жить отдельно. При этом Юлия Павловна была вынуждена ежегодно выплачивать де Морнэ огромные суммы, что резко сказалось на ее состоянии. К тому же ее воспитанницы тоже претендовали на ее деньги. В конце жизни она потеряла почти все свои капиталы.

Юлия Самойлова скончалась в 1875 году, в Париже. Похоронили ее на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез, рядом с ее вторым мужем, красавцем-тенором.

Незадолго до смерти, в 1872 году, графиня была вынуждена распродавать свое имущество. Наряду с другими сокровищами была продана и брюлловская «Всадница». А в 1893 году ее для своей галереи приобрел у французского галерейщика Ж.Ф. Дюлу Павел Михайлович Третьяков.

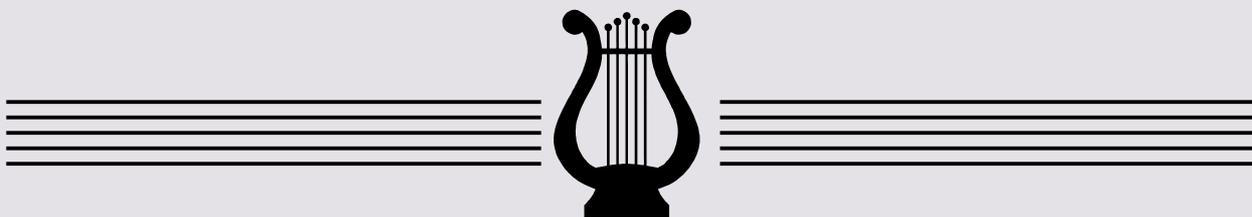
С тех пор, уже на протяжении почти 130 лет, «Всадница» украшает собрание Третьяковской галереи. И по-прежнему хороша наездница Джованнина, великолепен ее конь, по-прежнему очаровательна маленькая Амацилия... И по-прежнему, глядя на картину, попадаешь во власть мощного таланта ее создателя, выдающегося русского живописца Карла Брюллова. □

Дарья Терехова

«Я влюбилась
в оперу
в первый же год
обучения
в ГИТИСе»

Оперная певица Дарья Терехова окончила ГИТИС (класс профессора Эммы Саркисян). Сейчас она — солистка Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Дарья — лауреат международных конкурсов певцов «Санкт-Петербург» и «Бельведер». В 2013-м году принимала участие в телевизионном конкурсе «Большая опера» и завоевала специальный приз. В ее репертуаре

огромное количество заглавных партий. Это — Олимпия в «Сказках Гофмана» Ж. Оффенбаха, Титания в опере «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена, Царица ночи и Памина в «Волшебной флейте» Моцарта, Виолетта в «Травиате» Дж. Верди и многие другие.

— В московском академическом музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко состоялась премьера оперы «Влюбленный дьявол» на музыку Александра Вустина, по одноименной новелле французского писателя восемнадцатого века Жака Казота.

Сам писатель — Жак Казот, как известно, увлекался каббалой и мартинизмом, судьба его печальна — погиб на эшафоте во время Великой французской революции...

Сюжет поражает мистической таинственностью — о желании человека приобрести власть над тайными силами...

В опере «Влюбленный дьявол» вы исполнили главную партию — Бьондетты. Расскажите, пожалуйста, об этом событии.

— «Влюбленный дьявол» — мировая премьера единственной оперы композитора Александра Вустина, написанная в 1989 году, прежде она нигде и никогда не исполнялась, партитура пролежала в столе у композитора тридцать лет, интересно само произведение, интересна совершенно новая музыка. Литературный текст оперы принадлежит либреттисту и певцу — Владимиру Хачатурову.

Роль Бьондетты чрезвычайно многогранна и интересна, и вокально, и драматически. Бьондетта — проводник темных сил, она увлекает в свои пути Альвара, а когда овладе-

Царевна-Лебедь. «Сказка о царе Салтане» (Римский-Корсаков), МАМТ

вадет им, тот понимает, что отдал душу дьяволу. Альвару никогда не покорить Бьондетту ... Темные, тайные силы Альвару неподвластны... Музыка Вустина — очень трудная для исполнения и сложная для запоминания. Перед тем как решиться исполнять эту партию, впервые взяв клавиры в руки, я дважды в классе пропела его сама — от начала до конца, чтобы понять, смогу ее осилить или нет. Чтобы выучить партию Бьондетты, мне потребовалось почти полгода, к примеру, партию Деспины Моцарта я выучила за неделю.

Благодаря Светлане Ефимовой, моему пианисту-коучу мирового уровня, работавшей с такими великими певцами, как Дмитрий Хворостовский, я подготовила эту партию. В партии Бьондетты она проделала со мной колоссальную работу, можно сказать, вывела меня в свет в совершенно другом вокальном и музыкальном качестве. Я это очень ценю и безмерно ей благодарна.

В день премьеры я, конечно, очень волновалась, поскольку мне выпала честь стать первой исполнительницей этой партии. За дирижерским пультом был Владимир Юровский — один из самых известных дирижеров современности, постановка — режиссера Александра Тителя, сценография и костюмы — Владимира Арефьева — чудесная команда!

И мои коллеги-певцы — замечательные: Антон Росицкий, Роман Улыбин, Наталья Зимина, Дмитрий Никаноров, Феликс Кудрявцев...

*В МАМТ Станиславского
и Немировича-Данченко*

Фото Елена Кондратова

— Дарья, вы с детства мечтали стать оперной певицей?

— Нет, но мне всегда нравилась музыка, с оперой я познакомилась будучи уже студенткой первого курса ГИТИСа. В городе Серпухове, откуда я родом, нет оперного театра, только музыкально-драматический, да и мои родители оперой не увлекались. Мой папа в молодости хорошо играл на барабанах, и его даже приглашали в группу Аллы Пугачевой, но родители рано создали семью, поэтому он отказался.

*Лючия.
«Лючия
ди Ламмермур»
(Доницетти)
МАМТ*

Справа:
*Бьондетта.
«Влюбленный
дьявол»
(Вустин)
МАМТ*

Хотя родные не имеют никакого отношения к искусству, мама, видя мое увлечение пением, это поддерживала и всегда через разных общих знакомых находила мне педагогов. Мой первый педагог по оперному вокалу — Наталия Гаврилова, именно она влюбила меня в прекрасное оперное пение, три года я у нее училась, а перед поступлением в ГИТИС занималась с Ольгой Громыхиной — я всем своим педагогам очень благодарна.

В ГИТИСе я училась пять лет у Эммы Саркисян — наша величайшая певица, ей сейчас уже за во-

семьдесят, и она поет в Новой опере. Кармен в ее исполнении, когда она пела в нашем театре, считалась эталонной. В театре я также много лет работаю с Анной Рахман, с ней мы подготовили много партий, я ей тоже очень благодарна.

— В ГИТИС вы поступили на курс Александра Борисовича Тителя?

— Да, и влюбилась в оперу в первый же год обучения, а после третьего курса, когда я выиграла вокальный конкурс в Вене, Александр Борисович пригласил меня на прослушива-

ние в академический музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, где он является режиссером и художественным руководителем оперы. Очень волновалась, но успешно прошла два тура, помню, как впервые тогда спела с оркестром, было страшновато.

В 2011 году я дебютировала в партии Царевны-Лебедь оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», позже в партии Олимпии — в премьерном спектакле «Сказки Гофмана» на музыку Жака Оффенбаха.

— Я помню, как замечательно вы исполнили арию Олимпии! Надо отметить, что спектакль запомнился зрителям-меломанам. «Сказки Гофмана» — лауреат премии «Золотая Маска» 2012 года в двух номинациях — «Лучший спектакль в опере» и «Лучшая работа дирижера».

— Это единственная опера Жака Оффенбаха — композитор писал оперетты. Премьера ее состоялась в 1881 году, в Париже, и публика слушает оперу «Сказки Гофмана» по сей день.

— Кстати, в Париже в 2014 году вы принимали участие в вокальном конкурсе «Paris Opera Award»...

— Конкурс проходил в знаменитом парижском концертном зале Гаво — я заняла первое место и получила приз зрительских симпатий. Публика голосовала после финального

тура в антракте. Концертный зал Гаво был построен в 1906-1907 годах и сразу зарекомендовал себя как один из самых престижных концертных залов Парижа. В его стенах выступали Монсеррат Кабалье, Джесси Норман, Иегуди Менухин, Мстислав Ростропович... Конечно, это большая честь — петь в таком зале.

К конкурсу меня готовил пианист, а сейчас уже и дирижер — Михаил Антоненко-Шехтман. Я исполняла тогда куплеты Олимпии из «Сказок Гофмана» и арию Амины из оперы «Сомнамбула». Жюри возглавлял знаменитый дирижер — Ричард Бонинг.

После концерта мы общались с Ричардом Бонингом почти два часа, и это было незабываемо. Он много рассказывал мне о своей работе с Джоан Сазерленд. Эта прекрасная певица, Дама-командор ордена Бри-

*С дирижером
Владимиром Юровским
после премьеры оперы
«Влюбленный дьявол»
(Вустина) в МАМТ*

танской империи. Непревзойденная Сазерленд была супругой Бонинга. Бонинг — недостижимая величина в мире музыки, он открыл миру не только Сазерленд, но и Лучано Паваротти. Кстати, Лучано Паваротти называл мощный, красивейший голос Сазерленд — голосом столетия, а Кабалье называла ее голос райским. Бонинг дирижировал оркестром практически во время всех выступлений — начиная с 1962 года и до ухода Сазерленд со сцены в 1990-х годах.

— Многие артисты никогда не читают критику, а как вы к ней относитесь?

— Хвалить себя не люблю и отношусь к себе строго, мнение критиков учитываю, если они по существу, я стараюсь, когда успеваю, читать рецензии, ведь можно и полезное что-то для себя почерпнуть.

— Какая музыка вам нравится?

— Люблю музыку эпохи бельканто, обожаю Моцарта — это бальзам для голоса любому певцу. Моцарт окрыляет! Беллини, Доницетти... Мечтаю исполнить партию Людмилы в опере «Руслан и Людмила».

— А какие партии вами особенно любимы?

— Лючия из оперы «Лючия ди Ламмермур», Главку люблю в опере «Медея», Олимпия в «Сказках Гофмана» тоже мне дорога...

— Кроме оперы у вас еще какие-то увлечения?

— Я пишу стихи и мечтаю издать свой сборник. Не берусь сказать, хороши ли они, но рифма постоянно рождается в моей душе, и мне сразу хочется излить свои чувства на бумаге...

Я желаю Вам светлой осени,
Чтоб не грязь под ногами, а листья,
Чтобы тучи не висли вовсе,
Чтобы добрые шли к Вам письма.
Я желаю Вам лужиц маленьких,
Чтобы дождь их не смог заполнить.
И из крохотной Вашей спаленки
Не желаю Вам видеть молний.
Я желаю Вам неба синего,
Или белого, но не темного.
Чтоб душа не увязла в трясине
Одиночества, грусти томной.
Я желаю Вам солнца теплого,
Чтобы тень от ветвей не застила.
И желаю Вам ветра робкого,
Чтоб не смог унести Ваше счастье.
...

Мне снился светлый сон,
Где солнце улыбалось,
Где мир был просвещен,
И мирта распускалась.
Там две души сплелись,
Удушены покоем,
И в вечность вознеслись,
Повенчаны судьбою.
...

Доброй ночи, Госпожа Учитель.
Больно бьешь ты иногда судьбой.
Я тебя живу с поднятою главой.
И учти, со мною мой Спаситель.

— Какие гастроли за последнее время вам особенно запомнились?

— В мае прошлого года наш театр был в Израиле на гастролях со спектаклем «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, дали девять спектаклей в Тель-Авиве, и оперный зал был переполнен. Парадоксаль-

но, но первые три дня спектакли посещала только взрослая публика, дети появились в зале уже на четвертом спектакле. Гастроли прошли с огромным успехом!

Я влюбилась в Израиль, с интересом посетила многие музеи, а когда приехали в Иерусалим, то исполнила свою давнюю мечту — прикоснулась к Стене Плача... Я обязательно еще раз приеду в Израиль...

— Есть ли у вас самое любимое место, куда всегда хочется возвращаться?

— Моя деревня Ланьшино, это в Тульской области, там я выросла в доме у бабушки с дедушкой, с четырех лет и в школьном возрасте проводила в Ланьшино все каникулы. Это место самое родное для меня на земле... Красивейшая природа, сбор лесных ягод, грибов, детские игры — светлые и добрые воспоминания о том времени. Если бы Ланьшино было недалеко от Москвы, то я бы там и жила. Люблю свой родной город Серпухов, у меня там живут все близкие и родные люди, и это счастье, когда удается побыть в семейном кругу.

— Дарья, какого зрителя вам хотелось бы видеть в театре?

— Хочется видеть публику, готовую воспринимать спектакль с открытым сердцем. Зрителя — здорового душой и страстно желающего наполниться новыми впечатлениями.

Приходите в театр как можно чаще! □

Беседовала **Елена Воробьева**

ЭТОТ ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ Даниил Хармс

«Стихи надо писать так, что если бросить стихотворение в окно, то стекло разобьется».

А вот еще: «...жизнь победила смерть неизвестным для меня способом».

И, наконец: «Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеется весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеется только та или иная часть зала, но уже в полную силу, а другая часть зала молчит, до нее, в этом случае, смех совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актера, но второй сорт смеха лучше».

Тексты Хармса пестрят подобными афоризмами, и не похожи ни на какие другие. Правда, уже после него в том же жанре, который назвали «абсурдом», прославились Кака и Ионеско. Сам Хармс всегда считал себя невезучим — ему бы родиться пораньше, а не в трагический год Первой русской революции, и умереть не в блокадном Ленинграде 42-го... Стремительно короткая жизнь самобытного писателя вместила две революции, две мировых войны, разруху 20-х, репрессии 30-х, голодные муки замерзающего осажденного города. Да и по творчеству Хармса прогрохотали тяжелые колеса Истории.

Сегодня его обвинили бы в «эпатаже». Возможно, даже поставили бы на нем клеймо «наркомана». А тогда — Хармса просто записали в сумасшедшие. Поскольку, согласитесь, трудно найти разумное объяснение поведению человека, который утверждает, что реальность ложна, а нереальность истинна, и к тому же демонстрирует это всем своим существом, начиная со странной одежды (ходил в штанах до колен и полосатых гетрах, на манер альпийского туриста) и заканчивая еще более странными текстами.

«Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая-то рыба с четырьмя усами... кружила около меня. Я заплакал. И рыба заплакала...» Прямо Моисей! Поначалу казавшийся властям безобидным.

На их ОБЭРИУтское литературное братство («Объединение реального искусства») смотрели снисходительно, как на все новое — революционное. И по-отечески журили за хулиганские перформансы, которые они устраивали.

Чем привлекала Хармса литература абсурда? Очевидно, свободой. Свободой внутри тоталитаризма, свободой от всеобщего страха, уравниловки, извращения всех правил и законов. Получалось — абсурд внутри абсурдной реальности, как единственная возможность сохранить свою индивидуальность, остаться самим собой. А для этого ему требовалось разрешить себе казаться смешным и нелепым, на самом же деле — быть настоящим, не частицей толпы...

Когда спохватились, то печатать его стали исключительно в детских журналах, полагая, что подобные нелепицы если кому-то и повредят, то уж, в любом случае, не детям. И дети приходили от Хармса в восторг, хоть он их и не очень-то любил. Но писать для детей умел, да еще как! Но и эта вынужденная взаимосвязь с детскими изданиями разом оборвалась, когда в зловещем 37-м Хармс напечатал там дивное пророческое стихотворение, начинавшееся строкой: «Из дома вышел человек с дубинкой и мешком, да взял и с той поры исчез»...

Он придумал себе около сорока псевдонимов, причем заглавный, Хармс, происходит одновременно от французского слова «charm» —

Даниил Хармс в детстве

«обаяние, очарование» и от английского «harm» — «вред, урон». В своем творчестве писатель всегда оставался чародеем, клоуном, мистификатором. Никогда открыто не выступал против сталинского режима, не вел диссидентских разговоров и все же дважды арестовывался за «антисоветскую агитацию и пораженческие настроения». И хотя внешняя атрибутика его существования пестрела театральными, гротесковыми деталями, он, по сути, был человеком «внутренним» — закрытым, осторожным, уединенным.

Возможно, облеченные властью воспринимали Хармса как некое лекарство от общего оупения, как луч незамутненной радости бытия. К тому же очень раздражала их его загадочная повесть «Старуха», где за

слегка закамуфлированным обликом «страшной бабушки» явственно проглядывал усатый профиль вождя.

Профиль же самого Хармса, крупнейшего представителя русского авангарда 20-х-30-х годов, парадоксального детского писателя и поэта, чей облик и образ жизни рождали легенды и анекдоты, проступает скорее не в его «герметичной» биографии, а в творчестве и в немногочисленном окружении друзей и соратников по литобъединению. Таких, как поэты А. Введенский, Н. Олейников и Н. Заболоцкий, философы Я. Друскин и Л. Липавский.

Он отлично видел и понимал реальность, однако не желал становиться ее «служителем», а потому вызывающе держался за сюрреалистические приемы и образы. Он не был искрометным весельчаком, но подарил читателям россыпь ярких юмористических рассказов, афоризмов и анекдотических фраз. Он хотел писать для взрослых, в идеале — для «молодых и пышных женщин», а зарабатывать смог лишь произведениями для детей, с которыми умел говорить на равных. И еще он не терпел статики.

Отец Даниила, петербуржец Иван Павлович Ювачев, был личностью совершенно незаурядной. Родился в большой семье дворцового полотера. Окончил морское училище в Кронштадте. Мичманом участвовал в штурме тогдашней турецкой крепости Батум. Вел затем, будучи

членом военной организации «Народная воля», революционную пропаганду среди моряков Черноморского флота. Был арестован и приговорен к смертной казни, которую заменили 15-летней каторгой. Первые четыре года провел в одиночке страшной Шлиссельбургской крепости. Там началось его духовное перерождение — из пламенного революционера в глубоко верующего «толстовца», выбравшего себе многозначительный псевдоним «Миротлюбив». На Сахалине, где он отбы-

ской», на котором также вел научные изыскания. В 1895 году ему разрешили уехать на Большую землю. Это был первый случай досрочного освобождения с сахалинской каторги политзаключенного. Четыре года спустя ему вернули все гражданские права, и он поселился в северной столице, начав сотрудничать с журналом «Исторический вестник». Там он опубликовал вышедшие потом отдельной книгой мемуары «Восемь лет на Сахалине» и проповеднические брошюры. Много пу-

---

С

егодня его обвинили бы в «эпатаже», а тогда — просто записали в сумасшедшие. Поскольку трудно найти разумное объяснение поведению человека, который утверждает, что реальность ложна, а нереальность истинна, и к тому же демонстрирует это всем своим существом, начиная со странной одежды и заканчивая еще более странными текстами

вал наказание, Ювачев составил карту западного берега острова, обследовал берега Татарского пролива. С ним встречался и о нем тепло писал в своей знаменитой книге «Остров Сахалин» Чехов, сделавший его позднее прототипом героя-революционера в «Рассказе неизвестного человека».

В 1891 году, когда на Сахалине появился собственный флот, Ювачев стал капитаном первого сахалинского парохода «Князь Шахов-

тешествовал — от Палестины до Ташкента, где встретился с совершенно очарованным им Максимилианом Волошиным. А в 1902 году познакомился с Надеждой Ивановной Колюбакиной, на которой через год женился.

Первый их сын, Павел, умер через месяц после родов. Вторым был Даниил. Точное число его появления на свет — 17 декабря 1905 года — отец предсказал заранее и настоял на своем выборе имени. Позже в

семье Ювачевых родились еще две дочери, одна из которых умерла в раннем детстве, а другая, Елизавета, прожила долгую жизнь и старалась сохранить память о брате.

Воспитанием мальчика занималась в основном мать. Отец находился в постоянных служебных разъездах, но при этом регулярно слал жене письма с наставлениями по воспитанию Дани, так что он превратился для будущего писателя в некое высшее существо, уважение к которому выражалось достаточно своеобразно: до конца жизни отца сын в его присутствии вставал и разговаривал с ним только стоя. Даня был очень способным ребенком. Рано научился читать, до самоабвения увлекся книгами и получил неплохое домашнее образование. Немецкому языку его обучала учительница-немка, а английским с ним занимался отец.

В 1915 году Хармс поступил в первый класс реального училища и считался старательным учеником, хотя любил разного рода розыгрыши. То играл в классе на валторне (!), то изображал перед учителем сироту, выпрашивая отличную отметку. Тогда же попробовал писать. «Какую-то сказку», — вспоминала его тетка.

Революция и Гражданская война резко изменили бытовой уклад семьи. В Петрограде начались голод, разруха, эпидемии болезней, и со школьными занятиями было покончено. Речь пошла уже о спасении жизни, и родители срочно увезли

детей к родственникам, в Хвалынский уезд Саратовской губернии. Но летом 19-го все же вернулись в Петроград и отправили Даню в Детское Село (так переименовали Царское Село) к крестной тетке. Зимой следующего года мать устроилась кастеляншей в барачную больницу им. С.П. Боткина и чуть позже сумела взять к себе на работу «подручным монтера» 14-летнего сына. Жили всей семьей до конца 1925 года в здании бывшей больничной прачечной. Отец продолжал служить старшим инспектором наркомата финансов, а затем заведующим счетным управлением на строительстве Волховской ГЭС.

Вот в те годы молодой Даниил Ювачев и выбрал себе знаковый псевдоним «Хармс», со временем превратившийся в часть его фамилии, которую он стал писать через дефис: Ювачев-Хармс. Учился он с 22-го по 24-й год во Второй детскосельской единой трудовой школе (бывшей гимназии). Там директорствовала и преподавала русскую словесность его тетка Наталья Ивановна Колюбакина.

К этому времени относится формирование авангардных пристрастий начинающего писателя. Они проявились как в манере держаться, так и в стремлении выделиться внешним обликом, экстравагантной одеждой. Вот каким запомнила Даниила одна его одноклассница: «Был одет в коричневый в крапинку костюм, в брюках до колен, гольфах и огромных ботинках. Он казался со-

*Даниил Хармс
в юности*

всем взрослым молодым человеком. Пиджак его был расстегнут, и виднелся жилет из той же ткани, что и костюм, а в маленький карманчик жилета спускалась цепочка от часов, на которой, как мы узнали впоследствии, висел зуб акулы». Во рту Даня держал обыкновенно для солидности небольшую незажженную трубку.

Сочинял шуточные и речетативные стихи он прямо на уроках. К ужасу тети, читал в классе однострочный каламбур: «задам по задам за дам». В альбом одной знакомой записал уже вполне авангардистское стихотворение «Медная...»: «В медный таз ударю лапой, \со стены две капли капнут, \звонко звякнут \и иссякнут. \Тучи рыжих тараканов \разбегутся со стаканов...»

На него начали обращать внимание профессиональные литераторы, критики.

Осенью 24-го Хармс неожиданно подал заявление в приемную комиссию Первого ленинградского электротехникума, куда ему удалось поступить с большим трудом, прибегнув к помощи отца. А год спустя его отчислили «за слабую посещаемость и не активность в общественных работах». Но как раз тогда он начал выступать на разных поэтических вечерах в учебных стенах, в Тургеневской библиотеке, в Госпароходстве и других местах с чтением наизусть своих и чужих стихов. Среди последних юный Хармс отдавал наибольшее предпочтение Маяковскому, Северянину, Гумилеву, Белому.

Начало литературной деятельности Хармса приходится на 1925 год. Весной того года он стал посещать собрания в Ленинградском отделении Всероссийского союза поэтов, членами которого были такие известные мастера, как М. Кузмин, Н. Клюев, Е. Полонская, В. Рождественский, Н. Тихонов, Ф. Наппельбаум, а также своеобразный поэт-«заумник» Александр Туфанов. Ему суждено было сыграть значительную роль в ли-

этом А. Введенским. Весь следующий год прошел под знаком их дружеских встреч. Они ходили друг к другу в гости, пили дешевое вино, читали стихи. В мае познакомились на вечере стихов в Союзе поэтов с Николаем Заболоцким. Его тоже вскоре приняли в Союз, и все трое активно занимались публичными чтениями в разных аудиториях, вплоть до 59-го стрелкового полка, куда в том году мобилизовали Заболоцкого.

Порой во время выступлений «заумников» среди публики вспыхивали скандалы из-за непонимания экспериментальных ритмов и рифм читаемых со сцены стихов. Один из таких скандалов произошел на собрании литкружка Высших курсов искусствоведения. Обидевшийся Хармс влез на стул и, эффектным жестом подняв вверх руку с тростью, громогласно заявил: «Я в конюшнях и публичных домах не читаю!»

тературном становлении молодого Хармса. К моменту их встречи Туфанову исполнилось 47 лет, однако столь существенная разница в возрасте не помешала их творческому сближению.

Сам Хармс уже испытывал тягу к «зауми» в поэзии, пробовал даже экспериментировать с «заумным» стилем в прозе и потому охотно вступил в «Орден заумников», созданный тогда же Туфановым. В этом ленинградском кружке он и подружился на всю жизнь с молодым по-

Порой во время выступлений среди публики вспыхивали скандалы из-за непонимания экспериментальных ритмов и рифм читаемых со сцены стихов. Один из таких скандалов произошел на собрании литкружка Высших курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств (ГИИИ). Обидевшийся Хармс влез тогда на стул и, эффектным жестом подняв вверх руку с тростью, громогласно заявил: «Я в конюшнях и публичных домах не читаю!»

В сентябре 1926 года Даниил поступил на Высшие государственные курсы искусствоведения при ГИИИ и организовал там с друзьями-единомышленниками экспериментальный театральный коллектив «Радис», задуманный как «чистый театр» и ориентированный не столько на конечный результат и реакцию зрителей, сколько на переживания самих участников сценического действия. Вопроса — выйдет ли из этой затеи что-нибудь, никто из участников не ставил. Начали писать драму, но единый текст пьесы «Моя мама вся в часах» так и не был написан, хотя уже пробовали репетировать будущий спектакль. Задуманному театру требовалась материальная база, большое помещение, реквизит.

Затеяли переговоры с директором Государственного института художественной культуры (был тогда и такой!) знаменитым художником-авангардистом Казимиром Малевичем, который симпатизировал левому искусству и имел возможность помочь «Радису» официальным путем. Малевичу идея понравилась. «Я — старый безбожник. Вы — молодые. Посмотрим, что получится», — сказал он и написал распоряжение коменданту о предоставлении театральному коллективу Белого зала института, а также подсобных помещений. Увы, из затеи ничего не вышло, и «Радис» развалился.

Хармса все чаще стали одолевать сомнения в верности избранного пути

в «заумь». «Что мне делать! Что мне делать! — восклицал он на страницах дневника в ноябре 26-го. — Как писать? В меня прет смысл. Я ощущаю его потребность. Но нужен ли он?»

Количество выступлений членов эпатажной «Академии левых классиков» (АЛК), к которой он принадлежал, к осени 27-го сократилось до минимума. Все меньше находилось руководителей и директоров, соглашавшихся предоставлять свои залы сомнительной группе поэтов-авангардистов. Времена менялись, и очень скоро авангардная эстетика в искусстве и литературе окажется под запретом, а все многообразие революционных направлений художественного творчества будет насильственно заменено партийной верхушкой официозным методом социалистического реализма.

«Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ) тоже ждала печальная участь, хотя обэриуты выступили в 1928 году с известной декларацией, написанной Заболоцким, в которой провозглашали полный и окончательный разрыв с «заумью», а себя объявляли «новым отрядом левого революционного искусства». К тому времени мода на «левизну» постепенно, но бесповоротно изжилась.

Зато к Хармсу пришел долгожданный успех на личном фронте — 5 марта состоялась скромная свадьба Даниила Хармса с Эстер Русаковой. А через два дня писателя призвали на краткосрочную военную службу.

Несмотря на то, что сборы не предполагали ночевки в казарме, и он каждое утро отправлялся на них из дома, возвращаясь к вечеру обратно, сама атмосфера военных сборов была ему глубоко чужда и противна. Причем, как только начальство узнало, что в 9-й роте служит писатель, его тут же отправили сочинять стихи для ротной стенгазеты. Деваться было некуда.

Над страной сгустились грозовые тучи. В учреждениях одна за другой шли идеологические чистки. Завертелись маховики бездушной машины Особого совещания при Коллегии ОГПУ, по решению которой людей тысячами, без суда и следствия, бросали в тюрьмы, лагеря и ссылали...

В семейной жизни тоже не все шло гладко. Женитьба на любимой

женщине не принесла Хармсу счастья. Начались ссоры на почве ревности Даниила к первому мужу Эстер. Вплоть до фактического развода в 1929 году писатель разрывался между чувством к жене и навязчивым стремлением освободиться от нее. Когда та была рядом, он страдал и ревновал. А когда уходила от него, молил Бога помочь ее вернуть.

Второй жене, Марине Малич, Хармс изменял постоянно. Женщинами он увлекался, и они отвечали ему взаимностью. Герой одного из последних произведений Хармса «Симфония №2» говорит о себе так: «Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю». Эти сло-

ва в полной мере можно отнести и к самому Хармсу. Похоже, он всю жизнь искал какую-то единственную, свою, идеальную женщину и не находил. Отсюда — и его бесконечные любовные романы, о которых вспоминала Малич.

Вторая жена прощала ему все измены и трогательно заботилась о нем. Во многом благодаря ей мир узнал Хармса как неподражаемого детского писателя. Ключевую роль в этом чудесном превращении сыграл мэтр нашей литературы для самых маленьких Самуил Маршак, который в то время был главным редактором подросткового журнала «Новый Робинзон» и Детгиза. Надо сказать, что тогда многие «взрослые» литераторы выступали в детских изданиях. Например, в «Воробье» и «Новом Робинзоне» печатались Б. Пастернак и О. Мандельштам, Н. Тихонов, В. Шкловский и многие другие. Детские книги и журналы издавались большими тиражами, публикации в них хорошо оплачивались.

В эпатажных стихах Хармса и его друзей-обэриутов Маршак уловил ритмичность, игровое начало, тонкое фонетическое чутье, то есть все то, что в первую очередь воспринимается детьми. Отношение же Хармса к Маршаку было двойственным. С одной стороны, он почитал Самуила Яковлевича, отдавал должное его таланту и даже записал в 1929 году: «Учителями своими считаю Введенского, Хлебникова и Маршака». С другой стороны, у него вызы-

Первая жена — Эстер Русакова

вало иронию чересчур серьезное, «истовое» отношение Маршака ко всему на свете, начиная с литературы и кончая личными делами.

С легкой руки Маршака Хармс в 1927 году заключил с Детгизом договоры сразу на три книжки: «О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил», «Озорная пробка» и «Театр». Все три книжки вышли уже в следующем году. Этому в немалой степени способствовала атмосфера игры и веселья, царившая на пятом этаже детской редакции Госиздата, будущего Детгиза. Так, кабинет главреда встречал посетителей плакатом: «График — на фиг!» Автор «Мойдодыра» Корней Чуковский вспоминал: «Весь пятый этаж ежедневно и в течение всех служебных часов сотрясался от хохота. Некоторые посетители детского

отдела до того ослабевали от смеха, что, покончив свои дела, выходили на лестничную клетку, держась руками за стены, как пьяные».

Когда в 1927 году начал выходить ленинградский журнал «Еж», орган Центрального бюро юных пионеров СССР, с первого номера в нем стали публиковаться стихи Хармса. Официально название журнала расшифровывалось просто как ежемесячный журнал, но его создатель Олейников, великий мастер рекламы, всячески обыгрывал это название, вплоть до хулиганских эскапад типа: «Или сыну — «Еж», или в спину — нож». Причем Хармс придумал улучшенный вариант звучания: «Или «Еж» — сыну или нож — в спину».

Олейников добился, что в 30-м году появилось приложение к журналу и для младших школьников, получившее название «Чиж» (в редакции его расшифровывали так: «чрезвычайно интересный журнал»). «Чиж» просуществовал до начала войны — и до последнего номера в нем регулярно печатались хармсовские стихи, рассказы, подписи к картинкам.

А он тем временем взялся переводить сказки братьев Гримм для задуманного Маршаком большого сборника их произведений. Там должны были быть еще переводы Заболоцкого, Введенского, Липавского и других видных советских писателей. Однако книге не суждено было увидеть свет. Надежды на крупный гонорар рухнули, Хармса к концу 1928

года накрыла волна хронического безденежья, и за неуплату членских взносов его исключили из Союза поэтов.

Накануне 30-го года Даниил Иванович расстался с Эстер. Несмотря на разрыв, чувство любви к ней, особенно во время приступов жгучей тоски одиночества, не угасло, и они время от времени встречались, что не мешало кратковременным «романам» писателя на стороне. Последним эпизодом в отношениях Хармса и Эстер стала отправка бывшей жене в декабре 30-го только что оконченной драматической поэмы «Гвидон». «Дорогая Эстер, — писал Хармс, — ...посылаю тебе эту вещь, потому что я ее тебе посвятил. Мне бы хотелось, чтобы она была у тебя. Если не пожелаешь ее принять, то верни обратно». Письмо было подписано очередным вариантом псевдонима: Даниил Хормс. Эстер поэму сохранила.

С 1930 года положение Хармса в писательской среде начало укрепляться, что, впрочем, не повлияло на его презрительное отношение к этой среде. За несколько лет до формального объединения литераторов страны в официальный Союз писателей Даниил Иванович записал: «Я более позорной публики не знаю, чем Союз писателей. Вот кого я действительно не выношу». Как и некоторые из даровитейших его собратьев по перу, он и позднее по-прежнему оставался среди пи-

сательского сообщества волком-одиночкой.

Переломный 1931 год ознаменовался для Хармса новым циклом ярких стихотворений и не менее удачной пьесой «Лапа». А в декабре начались аресты. 10-го числа «взяли» Хармса, Введенского, Туфанова, еще нескольких обэриутов и знакомого с ними молодого литературоведа И. Андроникова. В Постановлении об обыске и задержании указывалось: «Д.И. Ювачев (Хармс) по-

дозревает в том, что является участником антисоветской нелегальной группировки литераторов». Рукописи, книги и переписка изымались во время обыска у всех арестованных. Впоследствии Хармс неоднократно шокировал своих знакомых, называя время, проведенное в тюрьме, «прекрасным» и «замечательным», заявляя, что предпочитает КПЗ городу Курску, куда ему скоро предстояло отправиться в ссылку.

Вторая жена — Марина Малич

Вообще-то по приговору суда Хармса ожидал лагерь, но благодаря двухмесячной борьбе близких за смягчение участи Даниила Ивановича, особенно отца, с его репутацией бывшего борца с царизмом, решение было пересмотрено и лагерь заменен ссылкой. В предварительном заключении писатель провел более полугода. Дело же Андроникова прекратили с формулировкой «за недоказанностью вины».

Хармсу предоставили возможность выбора места проживания, за исключением запрещенных. В первой половине тридцатых подобные замены ссылки на высылку еще практиковались. Мандельштаму, например, в 1934-м первую ссылку в Чердынь после многочисленных ходатайств заменили по его выбору Воронежом. В Курске Хармса уже дожидался высланный туда ранее Александр Введенский, с которым он коротал проведенное там томительное время. В Ленинград писатель вернулся в 32-м году.

После возвращения в его жизни наступил новый период: публичным выступлениям обэриутов пришел конец, сократилось издание детских книг Хармса, в результате чего материальное положение Даниила Ивановича стало совсем тяжелым. В дневнике он грустно констатировал: «Я не знаю, как заработать денег. Мне уже трудно встречаться с друзьями, ибо я слишком беден».

В этот период Хармс перешел с поэзии на прозу, что было обусловлено первым мировоззренческим кризисом писателя, который носил метафизический характер и был связан с утопическим проектом переустройства мира с помощью поэтического слова. Второй кризис относится к 1933–1941 годам и связан с неспособностью метафизических идей на фоне нарастания фашистской угрозы и сталинского террора остановить распад литературного языка и образного отображения мира.

Тем не менее, Хармс не прекращал писать. Именно в тридцатые годы он создал свои главные произведения — цикл рассказов «Случаи», повесть «Старуха», а также огромное количество небольших новелл, стихотворений, сценок в прозе и стихах. Посвященный Марине Малич сборник «Случаи» (автор часто выносил это любимое им слово в заглавие своих вещей) представляет собой новый литературный жанр на стыке дневниковых

вещного десятилетия. Писатель читал «Старуху» друзьям и не рассчитывал на ее публикацию. Она осуществилась лишь в годы перестройки, а до этого распространялась в самиздате и печаталась за границей.

В дружеском кругу Хармс отогревался душой. Встречались несколько раз в месяц. Бывало, засиживались до полуночи, споря на философские темы и обсуждая все, что писалось ими на то время. Свой кру-

---

В

семейной жизни Хармса не все шло гладко.

Женитьба на любимой женщине не принесла ему счастья. Начались ссоры на почве ревности Даниила к первому мужу Эстер. Вплоть до фактического развода Хармс разрывался между чувством к жене и навязчивым стремлением от нее освободиться. Когда та была рядом, он страдал и ревновал, а когда уходила — молил Бога помочь вернуть ее

записей, философских размышлений, прозаических фрагментов и стихотворений.

А герой абсурдистской повести «Старуха» во многом автобиографичен. Он живет в том же районе Ленинграда, что и автор, страдает от безденежья, интересуется вопросами бессмертия и веры, панически опасается стариков и детей. Повесть была написана в первой половине 1939 года и считается одной из вершин отечественной прозы того зло-

жок сами они иронически называли «клуб малограмотных ученых».

Между тем уходили — кто в лагерь, а кто из жизни — близкие по духу люди, с которыми Даниила Ивановича многое объединяло. От прежней обэриутской компании к середине 30-х остались только Друскин и Липавский. Вагинова уже не было на свете. Отношения с Олейниковым сделались намного прохладнее. Давно отошли от их прежнего кружка Бехтерев с Разумовским. Забо-

лоцкий, заняв высокое положение в новом Союзе писателей, с бывшими друзьями почти не общался.

С самым близким другом, Александром Введенским, Хармсу пришлось расстаться летом 36-го. Получив в Союзе писателей командировку на юг, где ему предстояло выступать, тот сделал остановку в Харькове. Познакомился с молодой секретаршей Харьковского отделения СП, влюбился без памяти, вернувшись в Ленинград, развелся с женой и уехал жить к новой пассии.

За год до этого скончался Казимир Малевич, которого Хармс буквально боготворил и тяжело переживал его кончину. Присутствовал на гражданской панихиде в квартире выдающегося художника-аван-

гардиста, читал там стихотворение на смерть Малевича. А потом видел, как увозили из мастерской в Русский музей полотна Малевича, в обмен на скромные субсидии Ленсовета его матери, жене и дочери...

Самого Хармса хроническое безденежье вынуждало обращаться за ссудами в Ленинградское отделение Литературного фонда. Вернуть эти деньги писателю так и не удалось, хотя он работал, не покладая рук. Написал летом 35-го детскую пьесу «Цирк Шардам» для театра марионеток при Союзе писателей. Увы, театр просуществовал чуть больше года и успел сыграть лишь премьерный спектакль этой пьесы. Тогда Хармс, наряду с произведениями для детей, изредка печатавшимися

в журналах «Чиж» и «Еж», взялся за переводы любимого им с детства замечательного немецкого писателя и художника В.Буша. А еще, в отчаянии от невозможности публиковать свои «взрослые» вещи, придумал утопический проект рукописного самиздатовского журнала «Тапир», который предполагал сделать самокупаемым и с выплатой авторских гонораров (!). Разумеется, проект остался неосуществленным.

На клочках случайно попавшейся под руку бумаги остались в ящике стола три замечательных хармсовских рассказа, которые были созданы в те же годы, — «Приключения жены профессора», «Кассирша», «Отец и дочь». Они определили новый тип прозы писателя, поднявшего в них тему смерти и ее обратимости. Возможно, тема эта была навеяна Хармсу приближавшимся столетием со дня смерти Пушкина. Все газеты и журналы заполнили тогда юбилейные материалы о великом поэте, по всей стране готовились торжественные заседания и концерты. И Хармс тоже написал в декабре 36-го два текста о Пушкине — детский рассказ и анонимный очерк, в которых попытался показать юным читателям живого Пушкина.

В начале мая 1940 года состоялось личное знакомство Хармса с Анной Ахматовой. Эти два литературных изгоя хорошо понимали друг друга. Анна Андреевна давно с ин-

тересом присматривалась к Хармсу. А он всегда отзывался о ней с искренним восхищением. Буквально через пару недель после этой знаменательной встречи скончался от заражения крови отец писателя. Хотя Иван Павлович Ювачев скептически относился к творчеству сына, он значил для него очень много, так что смерть родителя потрясла Хармса. Потом он часто приходил к нему на могилу в тенистом углу Никольского кладбища Александро-Невской лавры.

Лето 40-го выдалось для Хармса особенно урожайным на прозу. «Рыцари», «Победа Мышина», «Лекция», «Пашквиль» и другие рассказы существенно отличались от написанных в предыдущие годы. Ирония, сарказм, гротеск, фантазмагория причудливо перемешиваются в них, производя ошеломляющее впечатление на читателя.

Последним из дошедших до нас произведений Хармса стал рассказ «Реабилитация», оконченный 10 июня 1941 года, едва ли не самая мрачная и тяжелая его вещь для обычного восприятия. Через 12 дней после написания этого рассказа началась война.

Он предчувствовал ее, страшился и ненавидел. Думал, что воевать придется не за спасение Отчизны, а за ненавистный ему сталинский режим. И решил еще за два года до гитлеровского нашествия симулировать психическое заболевание, которое освободило бы его от во-

инского призыва по возрасту. Из василеостровского нервно-психиатрического диспансера Даниил Иванович выписался со спасительным диагнозом: «шизофрения» и всюду носил с собой полученную справку. Эта «палочка-выручалочка» неожиданно помогла ему и в его плачевной денежной ситуации. Литфонд оплатил больничный и списал повисший на нем многолетний долг аж в 199 рублей 50 копеек.

После начала войны Хармсу пришлось вновь проходить медкомиссию, подтвердившую его непригодность к воинской службе и выдавшую ему «белый билет». Через некоторое время он оформил вторую группу инвалидности, продолжая быть уверенным в своей обреченности. «Первая же бомба попадет в наш

данской войны, вспоминал, что около 11 часов вечера к Хармсу пришел дворник и попросил зачем-то выйти во двор. Там писателя уже ждал «черный ворон». Предъявленные ему обвинения в антисоветской деятельности были достаточно серьезны и грозили расстрелом. По чьему-то доносу Хармсу инкриминировалось распространение в своем окружении «клеветнических и пораженческих настроений» (что отчасти являлось правдой). От высшей меры писателя спасла справка о шизофрении. Была назначена еще одна психиатрическая экспертиза в психбольнице при городской тюрьме №2 на Арсенальной набережной, которая подтвердила поставленный ранее диагноз.

27 сентября в Харькове арестовали Александра Введенского. Это

К

огда началась война, Хармса во второй раз арестовали за якобы «антисоветскую деятельность». Он оказался в «Крестах», где и скончался в 1942-м году на вонючей койке психиатрического отделения тюремной больницы. Ушел просто и тихо. Ушел в небытие, чтобы остаться с нами

дом», — твердил Даниил Иванович. И не ошибся. Фугас в их с Мариной дом №11 по улице Маяковского действительно попал. Однако Хармса там уже не было — его арестовали.

Леонид Пантелеев, автор знаменитой повести «Пакет» из времен Граж-

был так называемый «превентивный» арест — ему подвергали людей, когда-то репрессированных и способных, по мнению органов, при приближении гитлеровцев перейти на их сторону. Друга Хармса вместе с другими заключенными

повезли по железной дороге в сторону Казани, и в пути он умер. Хармс же вскоре был переведен в психиатрическое отделение тюремной больницы при печально знаменитых «Крестах». Марина Малич вспоминала, что до декабря 41-го

так и не смогла узнать, в какой тюрьме находится ее муж. Потом ей все-таки сообщили, и она дважды передавала ему посылки — маленький кусочек хлеба с наполнителями и маленький кусочек сахара...

В третий раз, когда она пришла в «Кресты» в начале февраля 42-го, ей сообщили, что Хармс умер. А до этого зачем-то обнадежили, сказав, что писателя вывезли в Новосибирск. Если бы! Мистификация вполне в его духе.

Он умер на вонючей койке психиатрического отделения тюремной больницы в самый страшный по количеству голодных смертей месяц ленинградской блокады, когда люди умирали прямо на улицах. Просто и тихо. Как будто внезапно засыпали, опустившись на обледенелую мостовую. Мы не знаем, как умирал Хармс. Хочется верить, что без мук, которых ему хватало в жизни. Может, тоже заснул и не проснулся. Ушел в небытие, чтобы остаться с нами.

В искусстве и литературе есть те, кто создают классику, и те, кто бунтуют, восстают против классических форм, ломают устоявшиеся традиции и каноны, ищут новую образность. Даниил Хармс, безусловно, принадлежал к бунтарям. В его творчестве, как, впрочем, и в жизни, все — от нестандартных литературных приемов до попыток постоянно менять свой и без того экстравагантный псевдоним — противоречиво, иррационально, революционно. Причем он отнюдь не был не от мира сего, напротив, отлично видел и понимал реальность. Но ТУ реальность не желал принимать, тем более — становиться ее

частью, предпочитая лабиринты сюрреализма.

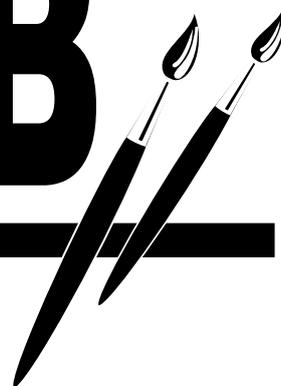
Своему необычному и оттого интригующему стилю он не изменял, даже когда писал для детей, которых, по его словам, не любил, но с которыми предпочитал говорить серьезно, по душам. И дети это ценили. Он не хотел замедлять свой сумасшедший жизненный ритм, промчавшись по жизни с бешеной скоростью и всегда оставаясь искренним, честным. В отведенные ему 36 лет на долю Хармса выпало очень много житейских невзгод и тягот, творческих взлетов и падений, тоски, отчаяния, голода. Он сумел стойко перенести тюрьму, ссылку, психбольницу и кошмар блокадного Ленинграда... И при этом сочинять хрустально прозрачные, звонкие стихи и прозу, искрящиеся пусть абсурдистским, но все равно неподдельным юмором.

Загадку Хармса нам все еще предстоит разгадывать.

P.S. В 1960 году сестра писателя, Елизавета Грицына, обратилась к Генеральному прокурору СССР с просьбой пересмотреть дело брата и реабилитировать его. Спустя несколько месяцев решением прокуратуры Ленинграда Хармс был признан невиновным, его дело было закрыто за отсутствием состава преступления, а сам он реабилитирован. В литературе «реабилитация» этого самобытного таланта продолжалась значительно дольше. □

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

21

Художник с таким космическим мировоззрением, каким обладает Глазунов, не мог не захватиться на огромных размеров работу, в которой бы отразился весь ход развития России с древнейших до наших времен. И он не только захватился, но и сделал это в своем программном произведении «Вечная Россия», написанном в 1988 году, словно предчувствуя все трагические события, буквально через год разразившиеся в нашей многострадальной стране и потрясшие ее до самых основ так, что мы, россияне, к сожалению, и сегодня, спустя более двадцати лет, все никак не можем до конца оправиться от них! Грандиозное произведение «Вечная Россия» Глазунов сотворил, не отталкиваясь от сюжетной картины, шедевра

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018 и №1–5, 2019

«Дороги войны», а сделал как свод портретов светских, религиозных, военных деятелей, которые и стали творцами истории своей страны. Поэтому считать это произведение надо не как строго сюжетную картину, а, скорее, как многоликий портрет нашего Отечества. Лишний раз подтверждая свою непоколебимую веру в Бога, художник написал на самом переднем плане в ряд, во всю длину полотна, как бы Божьей силой защищая многострадальную Россию от новых бед, катаклизмов и потрясений, великомучеников, причисленных нашей православной церковью к лику святых! Куда ни бросишь пристальный взгляд, всюду на огромном полотне знакомые лица, лица и лица, за каждым из которых стоят многочисленные самоотверженные трудовые и военные подвиги, свершенные ими во имя славы и процветания, а иной раз и простого выживания, ибо на всем историческом протяжении Россия несла многомиллионные потери

человеческих жизней, проходила через чудовищные духовные и физические трагедии, которых с лихвой хватило бы на несколько стран!

Программная работа «Вечная Россия», как все, что выходило из-под кисти Глазунова, получилась яркой, самобытной, я бы сказал, даже новаторской, не только по содержанию, но и по созданию образов великих исторических деятелей. Но, к сожалению, сполна понятной только тем поклонникам живописи, которым, как самому Илье Сергеевичу, хорошо известна история и России, и персонажей, эту великую историю творивших. А таких, к сожалению, с каждым годом становится все меньше и меньше! Главная причина заключается в том, что старшее поколение, на примере своих отцов и дедов патриотично настроенных, уходит, а им на смену заступает новое, в своей большей части из-за не продуманной, близорукой, а порой и просто преступной политики сильных мира сего, выросшее «иванами да марьями», не помнящими своего кровного родства! Всей раненой душой отзываясь на расстрел российского парламента по приказу Ельцина, я сразу, как говорится, по горячим следам, в морозной и вьюжной Якутии написал стихотворение «Утренняя птица»: *«Наступит день, окна коснется тень,/ и развернется черная страница: / вот загнан я, как северный олень,/ вот словлен я, как утренняя птица./ Спасенья нет сознанью моему,/ оно в тисках печали*

и тревоги.../ Кому я верил, те ушли во тьму, — /никто не задержался по дороге./ А новые не знают, что творят,/ им все равно — что человек, что свекла./ Когда ударил танковый снаряд,/ по всей России вылетели стекла./ Народ нельзя при помощи полков/ загнать в свободу, — знаешь ли, тупица? / Я вырвусь сам оленем из оков,/ я сам взлечу, как утренняя птица!»

Мне кажется, что в этих гражданских стихах я достаточно точно и верно передал отношение и мое, и большинства россиян к тому переломному, трагическому периоду. Но один знакомый, так называемый писатель, ибо за всю жизнь написал всего лишь небольшую повестушку, прочитав это стихотворение, сделал странное заключение: «Ничего не скажешь, написано здорово, но, к сожалению, лет так через двадцать, двадцать пять наши потомки вряд ли эти стихи поймут...» «Ничего себе! — огорченно подумал я. — Как не поймут? Неужели действительно все поголовно станут «иванами, не помнящими своего родства»? Да быть такого не может! В любом случае останется такая наука как историческая, к которой потянется наиболее талантливая пытливая молодежь, а за ней станут проникаться любовью к своему великому прошлому и многие тысячи обычных, честных и глубоко порядочных людей, у которых на генетическом уровне останется непоколебимая вера в будущее своей страны, своего народа!

И все-таки хочется привести слова самого великого художника: «... Я не верил в ложь коммунизма и не верю в ложь демократии. Я верю в третий путь: возрождение самобытной исторической национальной России, что явится спасением для нас, русских, живущих в 21 веке. Да поможет нам Бог!» И вслед за художником, преодолевая в душе, надеюсь, временный пессимизм, я буду верить в возрождение былого могущества Родины, в том числе и в такой строго специфической области, как живопись!

Действительно, не могут вечно продолжаться в обществе негативные процессы, которые в своей картине «Рынок нашей демократии» показал художник-гражданин Глазунов. Это смелое обличительное полотно, как хирургический скальпель, вскрывает все язвы и злокачественные опухоли, словно в одночасье образовавшиеся на теле и без того многострадального родного отечества!

Примерно в таком же ключе, как и работа «Вечная Россия», исполнены и другие эпохальные, смелые по содержанию картины: «Вклад нашей страны в мировую культуру и цивилизацию», «Мистерия двадцатого века», «Великий эксперимент» и «Закат Европы». На последней я хотел бы подробно остановиться. Эта сравнительно небольшая по размерам работа была написана в 2003 году, сразу же по возвращении из любимой Италии, куда Илья Сергеевич возил очередную группу талантливых студентов, чтобы они своими глазами

увидели живописные работы гениальных итальянских мастеров, таких, как Рафаэль, Караваджо, Веронезе, Тинторетто, а также других европейских художников, приехавших или работавших в славном прошлом Италии — Рубенса, Ван Дейка, Пуссена, Кранаха, Эль Греко, чьи гениальные картины вошли, а вернее, составили основу сокровищницы мировой живописи. Естественно, только делающие первые успехи на живописном поприще молодые художники вернулись ошеломленными мастерством великих кудесников кисти, привезли многочисленные эскизы к своим новым работам или просто художественные замыслы. Илью Сергеевича же поразило, насколько сильно изменилась одна из передовых европейских стран, а значит, и вся Европа! В первую очередь — демографически, в результате все увеличивающегося заселения ее представителями народов Африки, арабами и китайцами. К сожалению, это отрицательно сказывается на коренном населении, которое в процентном отношении к эмигрантам скоро уменьшится настолько, что саму Италию как бы не пришлось переименовывать! Но вместе с коренным народом, в конце концов, умрет и та их великая культура, которая способствовала развитию многих, очень многих культур мира. Поэтому-то главным героем картины «Закат Европы» Глазунов, как никто, понимающая серьезность горькой ситуации,

на фоне вечерней Венеции, с взошедшей на мрачное небо бледной луной, изобразил на переднем плане себя в плачущей белой, как гашеная известь, маске. А на втором плане — не коренных итальянцев, а рыскающих, словно волки, с хищными оскалами ртов по удивительно красивому и богатому на культурные ценности и традиции городу новых будущих хозяев Европы. И только за их спинами мы видим прекрасную итальянку с печальным взглядом, словно уже заранее смирившуюся с незавидной судьбой своих детей, а может, и своей собственной судьбой. Повторю, «Закат Европы» по своим размерам сравнительно небольшая картина, но заложенные в нее художником смысл и правда действительности так мастерски исполнены, что, когда смотришь на нее, кажется, картина, как живое существо, каждым мазком кричит в крик! И тебе самому, словно от безысходности, хочется если не кричать, то вместе с главным героем горько плакать, да что там — рыдать! «Закат Европы» — великое реалистичное полотно о большой трагедии, разворачивающейся на Западе, но, к сожалению, можно смело сказать, что до сих пор эта трагедия так до конца и не осознана самими европейцами. А жаль, просто до слез жаль!

Есть у художника кроме скандально известной в советское время дипломной работы «Дороги войны», и другие остросюжетные кар-

тины, такие, как «Разгром храма в Пасхальную ночь», «Прощание», «Временный перевес татар», «Нашествие», «Изгнание из рая» и, конечно, же эпохальная картина-эпопея «Раскулачивание». Замысел этого произведения родился у Глазунова еще во время его учебы в Ленинградской академии. Замысел смелый, я бы сказал, для тех лет — даже дерзкий! Естественно, приступить к его осуществлению по политическим соображениям правящей советской элиты тогда было просто невозможно! Осведомители, которые в то время были во всех областях культуры, в том числе и в художественной, и в писательской среде, тут же донесли бы куда надо. Картина, как дипломная «Дороги войны», была бы моментально конфискована, а сам дерзкий автор в лучшем случае, как Александр Солженицын, выслан за границу, а в худшем — вместе с легендарным писателем Леонидом Бородиным пополнил бы ряды осужденных на долгие годы по политической статье!

Но почему именно Глазунову, насколько я знаю, не имеющему глубоких кровных крестьянских корней, пришел в голову грандиозный замысел, а никому другому, родившемуся и выросшему на селе? Да потому, что раскулачивание — это прямой, подлый геноцид, устроенный большевиками против своего же русского народа с великим числом человеческих жертв! Жестоко уничтоженные люди виноваты

только лишь в том, что они умели хорошо работать на любимой, родной земле! Как патриоту, который вдохновенно любит свое отечество, не отозваться на беспримерную вековую несправедливость? Просто преступно не отозваться!

Но надо было пройти почти целому столетию, чтобы, наконец, появилась возможность успешно реализовать великий замысел. Его вдохновенное воплощение в грандиозную картину происходило практически на моих глазах. Помню большого размера — 3,5 на 6,0 метра — серое-белое, туго натянутое на тяжеленный, сделанный из толстых деревянных брусьев, подрамник, совершенно пустое полотно и стоящие возле него специальные удобные стремянки, без которых при написании такой большой картины никак не обойтись. Потом день за днем мастером стал углем неспешно наноситься рисунок. И вот, когда он был полностью закончен, и на полотне окончательно написаны человеческие фигуры, я вместе с женой Светланой поднялся на так называемый смотровой балкон, окинул внимательным, неторопливым взглядом все огромное полотно — и в душе ахнул! Ай-да Илья Сергеевич, Илья Сергеевич! Зачем я потратил огромное количество времени, духовных да и физических сил на прочтение многих исторических работ о том страшном времени, когда на вашем полотне вся не проходящая саднить болью история раскулачивания ле-

жала передо мной, как на ладони! Да, именно так!

Спустившись в гостиную, потрясенный до глубины души увиденным еще только в рисунке, я сразу сказал Глазунову, ожидавшему меня за столом с таким видом, как будто он никакого отношения к картине не имеет: «Илья Сергеевич! Дай Бог вам больших сил закончить эту великую по содержанию работу! Если ее и можно с чем-нибудь сравнить, то только с романом-эпопеей Льва Николаевича Толстого «Война и мир»!

— Ну, Иван Иванович, скажете тоже! — скромно ответил художник, закурив очередную сигарету «Мальборо».

Но глаза его от моих восторженных, проникновенных, а главное, верных слов засветились тем признательным светом, с которым обычно человек понимает, что замысел его, как никакой другой, до конца удался! Проникнувшись этим, Глазунов не без грусти произнес:

— А ведь мне уже — подумать только! — девятый десяток пошел! Сил и вдохновения хватило бы красками передать весь грандиозный замысел, которым столько лет жил, а последнее время он даже ночью, когда вдруг проснусь, встает перед глазами — и полыхает, словно огромный пожар, все раздуваемый и раздуваемый ветровыми порывами!

— Хватит сил! — уверенно поддержал я художника. — Хватит! А нет, так свою стальную или даже

огнеупорную волю на крепкую помощь призовете — и она тотчас послушно отзовется, ибо вами ради исторической справедливости в отношении поруганного, истерзанного нашего крестьянства движет Господнее провидение!

— Честно говоря, и я на это уповаю!

Что же конкретно изображено на эпохальной, как я считаю, самой великой картине гения?

Во-первых, на двух передних планах огромное количество персонажей: бедняки, голытьба, большей частью по причине своей природной лени никогда не имеющие хотя бы клочка земли, на котором бы до десятого пота упорно трудились, и потому, близоруко прельстившись лживыми большевистскими лозунгами типа «Земля крестьянам!», охотно вступили в колхоз и теперь с красными флагами пришли не без удовольствия смотреть, как других, которым всю жизнь до ненависти завидовали, в чей адрес кроме ругательств ничего не произносили, насильно — под ружьем! — вместе со всем нажитым самоотверженным трудом движимым и нет имуществом загоняют в «светлое будущее». А самых трудолюбивых, только потому, что они не были голытьбой, новая власть безоговорочно заклеимила кулаками, и тем самым вынесла окончательный страшный приговор... Их под вооруженным винтовками красноармейским конвоем ведут и загоняют в обшарпанные,

грязные вагоны, в которых обычно перевозится скот. И свободная жизнь, полная труда и заботы о родной земле, для них оборачивается ссылкой на многолетнее поселение в специальные трудовые, концентрационные лагеря под командой чекистов на крайне суровом Севере. Не многим, ох, немногим, чудом пережившим нечеловеческие условия ссылки, мучимых лютым холодом и страшным голодом, удастся остаться в живых.

Очень символичен трагический эпизод, где в парнишку лет пяти-шести, когда еще человек не в состоянии верно судить или принимать какие-то самостоятельные решения, просто из чисто детского любопытства забравшегося на раскидистую березу, но ставшего невольным свидетелем творящегося произвола, один из рядовых чекистов целится из винтовки. Однако, во избежание еще одной невинной жертвы, то ли отец, то ли просто смелый крестьянин обеими руками схватился за топор, высоко вознес его — и вот-вот обрушит на голову стреляющему! При виде этой страшной сцены невольно хочется крикнуть смельчаку: «Только не опоздай — скорей обрушь топор возмездия! Не дай случиться горю!»

Во-вторых, в самом центре картины, как мне кажется, происходит главное действие, а именно, по воле все той же преступной, верящей во что угодно — в черта, в дьявола, но не в бога — голытьбы, привлек-

шей в помощь себе чекистов, одетых в кожанки, с маузерами на боках, разрушается до основания не просто очередной православный храм, который стараются самоотверженно защитить священнослужители при помощи святых икон от нехристей, а сам фундамент, на котором, если можно так выразиться, стоит дух народный — его православная вера во все светлое, во все доброе! Разрушается с дьявольской целью: истинные святыни заменить на ложные. Прекрасно понимая это, настоятель храма, упав на самую большую икону, руками судорожно вцепился в нее с такой силой, что не оторвать! Если уж суждено погибнуть от рук нехристей, то вместе со святыней!

В-третьих, на последнем плане, за рекой, по которой буксир, дымя черным угольным дымом из высокой, скошенной немного к корме трубы, напряженно ведет за собой на тросе большую деревянную баржу с запорными в трюме так называемыми кулаками, а дальше, на пологом береговом обширном лугу, горит, подожженный нехристями, уже не храм, а целый белокаменный православный монастырь, тот, который, возможно, посещал великий писатель Лев Толстой дважды в поисках примирения с церковью, ибо он своей мятущейся душой после многих лет духовных поисков Истины смог, наконец, сполна понять, что только глубокой верой в Создателя, как ничем другим, крепок дух народный!

К сожалению, с написанием программной работы «Раскулачивание» связан один очень неприятный для меня эпизод наших с Ильей Сергеевичем многолетних отношений. Когда работа над картиной шла полным ходом, я после трудного рабочего дня заскочил к Глазунову «на огонек». Сгорая от нетерпения увидеть самую главную работу художника непосредственно в процессе написания, сопровождаемый хозяином, быстро поднялся на второй этаж и проследовал в мастерскую. Подойдя поближе к картине, стал внимательно разглядывать передний план, который, со всеми действиями, происходящими на нем, был уже полностью написан. Обладая от природы очень точным глазомером, я заметил, что высота коровы по холке к ее длине была не симметрична. Какой-то уж больно вытянутым, неказистым смотрелось бедное животное, которое силой старались сторонники коллективного хозяйствования тащить в светлое будущее — в колхоз. Свое мнение я тотчас высказал, не опасаясь, что нанесу своей правдой обиду художнику. Илья Сергеевич спокойно меня выслушал, потом отошел от картины к самой входной двери, расположенной как раз напротив полотна, оттуда внимательно посмотрел на корову и без тени сомнения произнес:

— Иван Иванович, а вы, пожалуй, правы! Но это совсем не значит, что я непременно буду что-то исправлять!

— Как не будете? — чуть не вскричал я.

Но, вместо того чтобы постараться хоть как-то объясниться со мной, Илья Сергеевич лишь невозмутимо улыбнулся одними глазами, оставив меня в полном недоумении. «Господи! — тогда с горечью подумал я. — Неужели эта чертова болезнь ослепляющего и лишаящего верно судить о себе и делах своих человека — обманное самомнение — поразила и моего великого друга?! Неужели он считает, что достиг таких высот, на которых становится важно — не как написано, а кем?! Ладно, пусть будет даже так, но а что же делать с мнением поклонников Глазуновского творчества, ведь если серьезную ошибку в картине заметил я, то ее запросто заметят и многие другие поклонники, а уж враги — в первую очередь! Позор-то какой! А, может, все-таки художник, перед тем как выставить картину, внесет в нее необходимые исправления?!» — стал я утешать себя. Но как же было мне неловко и грустно, когда, придя на презентацию картины, я увидел ее прежней — все с тем же непомерно вытянутым туловищем коровы!..

Очень хочется поговорить о другом полотне, небольшом, как бы стоящем особняком в стороне от прочих работ Глазунова, это — «Утро», написанное еще в студенчестве, в 1956 году. Картина говорит про раннее утро двух любящих друг друга молодых людей. Она, поражаю-

щая наш взгляд красотой обнаженного ядреного тела, откинув одеяло, еще нежится на деревянной двуспальной кровати. Глаза трогательно прикрыты, но все лицо, с правильными чертами, с черными длинными ресницами, овеянное нежностью, говорит, что и они прекрасны. Длинные каштановые волосы, разбросанные по одной стороне подушки, напоминают гибкое крыло летящей птицы, а вместе с изящной тонкой рукой, как бы заслоняющей ладонью глаза от яркого солнечного света, неудержимым потоком хлынувшим в комнату через распахнутое окно, придают всей фигуре легкость и стремительность. Лица ее любимого человека, в соответствии с законом композиции, мы не видим. Он, в одних брюках, босой и полубнаженный, стоит у окна и смотрит на проснувшийся с первыми лучами огромный город. Крепкая спина, широкие плечи, руки с развитой мускулатурой говорят не только о его красоте, но и о недюжинной силе. Стоящие на столе бордовые цветы, раздвинутые шторы и постель, чтобы выделить героев картины, прописаны не сильно, но зато залиты таким солнечным светом, что вся работа обретает жизнеутверждающий призыв — какое счастье жить, быть любимым и видеть мир, распахнутый перед тобой и зовущий тебя создавать, делать жизнь еще краше, еще неповторимей!

Даже для того времени, названного современниками прошлого

«оттепелью», «Утро» явилось прорывом в свободный, гордый мир любви, вопреки предрассудкам, а вернее, запретам на изображение отношений между мужчиной и женщиной по иным канонам, когда вдалбливали, что страсть — это не высшее проявление любви, а не что иное, как разврат! Словно детей на самом деле находят в посадках капусты, смех, да и только! И об этом в своей картине, написанной свободными мазками, вдохновенно говорит молодой художник, смело и ответственно срывая идеологические шторы с глаз многих советских людей! Да, он такой, этот Глазунов, неистовый, свободно творящий только то, что не может не творить. И тут лишь один Господь ему Судья!

22

Еще один вид живописи, в котором ярко и самобытно проявился гений Ильи Сергеевича Глазунова, — это графика. Ее необходимо разделить на ту, что тесно связана с личными жизненными обстоятельствами, к примеру, такими судьбоносными, как переживание трагической, сопричастной почти с каждой живой душой всего человечества Ленинградской блокады, и на книжную, где художественная задача могла быть успешно решена только в случае полного перевоплощения художника непосредственно в героев классических произведений литературы. Естественно, в зависимости

от того, насколько глубоко и верно душа мастера смогла погрузиться в словесные портреты, сюжеты романов, повестей и рассказов! Графические работы для Ильи Сергеевича были так же жизненно необходимы, как и все его остальное большое творчество.

И все-таки, на мой взыскательный взгляд, вольно или невольно, но именно в графике, за исключением создания портретных образов маслом, Глазунов смог подняться в мастерстве до ослепительных вершин, используя свой любимый «соус». Вот как он сам отзывается о нем: «... "Черный соус" — удивительный по возможностям тона жирный уголь. Нет для меня прекраснее материала для графических работ, чем глубокий и мощный "соус". По богатству и тоновому звучанию дерзну сравнить его со скрипкой Паганини, доходящим до мощи органной музыки Баха...»

Вот так-то — ни больше ни меньше! Но к созданию графических работ художника, конечно, подвигла не любовь к «соусу» — графическому материалу, а пережитая одиннадцатилетним мальчиком трагедия блокадного Ленинграда, когда на глазах будущего мастера умерли от голода почти все родные и, что особенно страшно, мать и отец! Став профессиональным художником, Глазунов решил написать большой блокадный цикл графических работ, опираясь в создании их на память, которая в полной ме-

ре сохранила восприятие ребенком всех жестоких ужасов войны. Одной, на мой взгляд, самой глубокой, самой страшной из всех других работ цикла, является картина «Голод», написанная в 1956 году. Без душевного содрогания на нее невозможно смотреть, ибо видишь человека, страдающего от голода и все-таки живого, но уже обретшего дикое лицо смерти. Это у нее, подлой, черные и глубокие, как омуты, провалы вместо светящихся глаз, скрюченные в бессилии, обмороженные, иссохшие, не слушающиеся пальцы, наконец, почти беззубый, словно горько кричащий оскал рта! Образ голода стал самым настоящим образом смерти! И как он мог стать другим, если художник написал: «...Отец и все мои родные, жившие с нами в одной квартире, умерли на моих глазах в январе — феврале 1942 года. Мама не встает с постели уже много дней. У нас четыре комнаты, и в каждой лежит мертвый человек. Хоронить некому и невозможно. Мороз почти как на улице, комната — огромный холодильник...»

Но есть и еще одна графическая работа, как бы обобщающая весь блокадный цикл и соответственно названная — «Блокада», тоже написанная в далеком 1956 году. На переднем плане слева, спиной к зрителю, одетая в жаркую меховую шубу и в пуховом платке, которые, к сожалению, в страшном голоде-холоде едва-едва согревают, изображена женщина-мать. На заднем плане,

на кровати недвижно лежит мужчина с закрытыми глазами и сомкнутыми губами, видать, уже скончавшийся, но все равно заботливо укрытый ватным одеялом. На большом столе, стоящем посередине комнаты, — пустая тарелка, на которую с жадностью и надеждой, как будто каким-то чудом вот-вот появится, словно манна с небес, хотя бы кусочек другой черного ржаного хлеба, устремлены глаза очень исхудавшего малолетнего ребенка. Свет от горящей на столе свечи и загораживаемый женщиной, словно тоже обесилевший от холода и голода, очень слабый, но все же позволяет разглядеть глаза ребенка, разглядеть — и безысходно заплакать, настолько они глубоко трагичны...

Глазунов написал своим любимым «соусом» и много графических портретных работ. Они буквально все до одной выполнены с присущей художнику любовью к людям. Такие женские образы, как «Надя», «Портрет Л.Е. Яхонтовой» и, конечно, «Нина в шубке» — являются настоящими графическими шедеврами, ибо видишь не только красивые, от природы грустные глаза, но и главное — взгляд, в котором, словно в зеркале, отражается женская светлая, пусть и немного печальная душа. С таким взглядом можно как с живым человеком разговаривать — и хотя в ответ, естественно, не услышишь ни слова, зато увидишь и поймешь те чувства, которыми так властно томится женщина! А вот как

сам художник говорит о Наде с его портрета: «Сквозь павлиний хвост морозного узора увидел необыкновенные глаза и серый пушистый мех воротника... Женщина стояла на ветру, с непонятной тревогой и тоской глядя, как мне показалось, на меня... Ее нельзя было назвать красавицей. На бледном, смуглом лице с выступающими скулами двумя черными пожарищами горели нежные, скорбные глаза...» И вот эти скорбные глаза, обретшие в портрете свой неповторимый взгляд, и привлекли страстное внимание художника, еще раз доказывая, что истинные мастера кисти, не видя души, не пишут, разве что лишь иногда — на заказ, испытывая тяжелые материальные трудности...

Илья Сергеевич, я уверен, не случайно стал в качестве иллюстраций писать своим любимым «соусом» графические работы по мотивам отечественных классических литературных произведений. Моя твердая уверенность базируется на еще одной грани его огромного дарования, а именно, на писательской. Нашим литературным критикам еще предстоит рассмотреть его прозаические, с глубокими историческими отступлениями, произведения, но уже сегодня можно смело сказать, что Илья Сергеевич Глазунов состоялся и как незаурядный писатель. Наверное, поэтому художнику так сродни, в первую очередь, яркие персонажи романов его любимого Достоевского. По мнению многих

искусствоведов, в создании графических образов по мотивам произведений именно этого истинно русского великого писателя художник достиг максимального творческого успеха.

И правда, как можно остаться равнодушным к образам князя Мышкина, Настасьи Филипповны из всемирно известного романа «Идиот», или Алеши, старца Зосимы, Грушеньки и портрету монаха из романа «Братья Карамазовы», а также великолепным образам Настеньки, Мечтателя, рисункам «Настенька уходит», «Дождь» и «Свидание» из повести «Белые ночи» или Неточки и Кати, из повести «Неточка Незванова»! Они написаны с такой легкостью, с такой искренностью, так мастерски, словно на одном дыхании! Особенно, смею утверждать, полюбились художнику Неточка. Для ее светлого написания Глазунов провел множество дней в поисках соответствующей модели, и так, может быть, и не нашел, если бы не его незабвенная жена и вдохновительница Нина! Художник пишет: «Однажды я сидел в отчаянии у мольберта, разглядывая свои рисунки. Закрывая глаза, я видел внутренним взором и ощущал образ Неточки, но не мог найти его зримое воплощение. Вдруг раздался звонок в дверь мастерской: на пороге стояла Неточка... Маленькая девочка смотрела на меня встревоженными, серьезными глазами. Моя жена Нина увидела ее на улице у гастронома на

Арбате. Стоя у коляски, в которой лежал малыш, девочка ожидала маму, ушедшую за покупками. Меня переполняла радость: теперь я был уверен, что образ Неточки, благодаря личику этой девочки, будет воплощен...» Казалось бы, вот проблема: написать любимым «соусом» образ маленькой девочки — сколько их вокруг! Ан нет, даже художник великого таланта сделать это не может, потому что при чтении ее словесного образа он уже представлял, каким должен быть он в графике. В работе над воплощением образов Достоевского Глазунов читал и перечитывал снова и снова все произведения гениального автора, по имеющимся историческим источникам прикладного искусства изучал одежду: платья и костюмы, интерьеры того далекого от нас времени, и ясно представлял, как они будут выглядеть на рисунке. Вновь и вновь задавался строгим вопросом: «Подойдут ли к тому или другому персонажу?» А как иначе, чтобы зрители безоглядно поверили в созданные образы и, как родных, полюбили их? Никак! Поскольку порой только в титанических поисках может быть найдена из тысячи натур одна, что окажется той неповторимой, о которой думал долгими ночами, которая упрямо снилась и снилась...

Жадный до создания все новых и новых образов, Илья Сергеевич кроме Достоевского обращался к произведениям и других выдающихся

писателей и поэтов. Мельников-Печерский, Лесков, Островский, Гончаров, Куприн, Лермонтов и Блок — вот их имена! Удивляет поистине титанический труд души и ума, который вложил художник, чтобы великие произведения классиков русской литературы засверкали новыми гранями. Пожалуй, самым притягательным образом из всех произведений, перечисленных выше великих творцов слова, является, без всякого сомнения, нашедшая свое воплощение прекрасная Незнакомка Блока.

Илья Сергеевич к этому незабвенному образу возвращался для написания несколько раз. И всегда — удачно! Каждая новая работа служит как бы продолжением предыдущей. Это и «В ресторане» (1979 год), и «Поэт А.А. Блок и Незнакомка» (2009 год). В самой первой, написанной в 1978 году, перед нами изображена не просто очень красивая женщина с бездонными глазами-озерами, с словно выточеным по классическим образцам изящным лицом, с сомкнутыми, но потрясающими своей тихой непорочностью чудными сочными губами, в шляпе с откинутой черной вуалью, с коралловыми бусами на полуоткрытой тонкой шее, в платье, строго, но эффектно облегающем стройное, упругое тело, а живая загадка, увидев которую, обречешь себя на ее вечное разгадывание. А это значит в данном случае только одно — пусть безответно, но страстно

любить и благодарить Господа, что он послал тебе любовь, которая звучит в твоей пылкой душе божественной сонатой, и ты никогда не устанешь ее слушать! Думаю, поэтому художник изобразил Незнакомку не проходящей между столиков в ресторане, — как написал поэт, «дышащую духами и туманами и со станом, шелками схваченным», — а на фоне одетой в гранит вечерней Невы, с клубящимися над ней светлыми кучевыми облаками. Но такое графическое прочтение великого стихотворения только еще больше придает образу Незнакомки чистоты и возвышенности!

23

Илью Сергеевича Глазунова многие художники-недрузи считают неистовым сторонником монархизма. Если это действительно так, то картина «Костры октября», созданная в 1986 году, говорит о нем как о самом беспристрастном летописце истории России! Казалось бы, разрушителей монархии и самых главных врагов русского народа — Ленина и его двух сподручных, он должен был обязательно отобразить с лицами, на которых ясно читается присущее их душам такое дикое качество, как человеконенавистничество, со всеми вытекающими из него тяжкими последствиями. Ан, нет! На нас смотрят вполне нормальные, можно даже сказать, вполне интеллигентные люди, даже слыш-

ком уж качественно и выразительно выписанные. У всех троих умные, внимательные глаза, лишь у Ленина плотно сдвинутые к самой середине переносицы брови говорят о напряженной работе тяжелых мыслей. Каких именно? Не понять. Но уж точно не варварских! Только красный отсвет вечерней зари, искусственно брошенный в основном на лицо Ленина, динамитом взрывает память, и мы внутренним зрением видим все то ужасное, что натворили эти с виду как бы интеллигентные, порядочные люди. По отношению к Ленину, главному разрушителю государственности, невольно вспоминаются знаменитые строки Сергея Есенина из незаконченной поэмы «Гуляй-поле», написанной о вожде пролетарской революции, скорее всего, не от души, а для того, чтобы снять с себя лишние подозрения в нелюбви к советской власти: «С плеча голов он не рубил, не обращал в побег пехоту, одно в убийстве он любил — перепелиную охоту». Так же приходят на память совершенно другие, подлинные свидетельства людей той далекой, еще царского времени, сибирской ссылки, где откровенно и прямо говорится, что во время весеннего паводка наш «сердобольный» Владимир Ильич плавал на лодке по затопленной лесистой местности и, увидев загнанных на малюсенькие островки суши перепуганных зайцев, подплывал к ним и совершенно спокойно, как делал тихую твор-

ческую работу, не обращая никакого внимания на их очень похожий на человеческий вопль, истощный крик, расчетливым ударом палки по беззащитной голове напрочь убивал...

Скажу сразу, что портретная картина «Костры октября» меня сначала очень озадачила: во-первых, зачем вообще тратить дорогие краски и изнурять себя в создании хоть каких-то образов своих врагов. Во-вторых, написание такой работы может ведь и говорить о раздвоенности души автора. Но со временем я понял, что человечество должно знать не только своих защитников, но и палачей, чтобы темные, трагические ошибки старого не стали в будущем крахом всего нового и светлого.

Живописные работы Глазунова, написанные в разное время, словно веки с ярко горящими электрическими лампочками, освещают весь его творческий путь. Это — «Памяти Нины», «Голгофа», «Русская Венера», «Слава предкам», «Русский романс», «Гимн героям», «Зов Сатаны», «Новодевичий монастырь» и «Изгнание из рая». И графические — «Нелли и Иван Петрович», «Алеша Карамазов» и «Борис Годунов», созданный к драме А.К. Толстого «Царь Борис». Они сотворены в высшей степени в классическом стиле с такой огромной внутренней силой, так содержательно и неповторимо, что, по моему мнению как писателя, их ни устным, ни печатным словом,

несмотря на все богатство русского языка, описать невозможно. На них надо только смотреть, смотреть и смотреть с затаенным дыханием, позабыв обо всем на свете! И вот что интересно: а ведь одну из них, а именно — «Голгофу», сама судьба предоставила мне случай приобрести в свое собрание живописи. Дело было так.

Однажды зимним вечером после работы я по дороге домой заехал в гости к Илье Сергеевичу. Конечно, первым делом, заботливо сопровождаемый хозяином, легко взбежал по ступенькам на второй этаж в его мастерскую — так хотелось скорее увидеть новые картины, а то, что они есть, я не сомневался, поскольку, как выражался сам художник, у него в голове постоянно живут замыслы десятков разнообразных сюжетов. Но первое, что я увидел, были давно знакомые мне по альбомным иллюстрациям картины, стоящие одиноко у стены прямо перед входом, «Голгофа» и «Иван Грозный». Я с удивлением обратился к художнику:

— Илья Сергеевич, а что в мастерской делают эти знаменитые работы, откуда они взялись, ведь, насколько я знаю, обе картины находились в Кремле?

Глазунов ответил не сразу. Сначала сходил в гостиную за сигаретами, закурил, сделал несколько глубоких затяжек и только потом, словно через силу, произнес с печалью в голосе:

— Вы правы, Иван Иванович, они до недавнего времени находились в одном из главных залов Кремля. Но совсем недавно при очередном посещении своего мужа Бориса Ельцина Наина Иосифовна как-то случайно глазами натолкнулась, к моему несчастью, на них и, словно впервые увидев, пришла в недовольство и дала распоряжение из Кремля их убрать. А мне при встрече свое странное решение объяснила тем, что, мол, как можно президенту убежденно провозглашать на весь мир демократические принципы и одновременно с этим у себя в резиденции недалековидно допустить, чтобы на стенах висели картины, где изображена казнь с отрубанием царской головы Ивана Грозного и Христос с кровоточащим лбом. Вот я и вынужден был срочно забрать из Кремля эти работы. Конечно, обидно до слез! Ведь убрать эти картины, значит, стереть из исторической памяти судьбоносные вехи знаменательных событий, свидетелями которых остались лишь немые книги! Но я понимаю, что плетью обуха не перешибешь!

— Ну и черт с ней, с этой, видимо, очень недалековидной и ничего не понимающей в гениальной живописи женой президента! — стал успокаивать я огорченного художника.

И тут Илья Сергеевич вдруг оживился:

— А знаете, Иван Иванович, нет худа без добра! Не знаю, как вы отнесетесь к картине «Иван Грозный»,

но «Голгофа», по моему мнению, обязательно должна быть в вашем собрании живописи!

От этих слов у меня вдруг учащенно забилось сердце, ладони враз вспотели, на лбу, словно утренняя серебристая роса, выступили капельки пота, ибо я всего мог ожидать, но только не такого удивительного, прямо ошеломляющего предложения купить бессмертную «Голгофу»! И все-таки, пусть не без волнения, но прямо спросил:

— Илья Сергеевич, если я вас верно понял, вы предлагаете мне приобрести этот шедевр?!

— Вы правильно меня поняли, — ответил несколько смущенный моим удивленным вопросом художник, но, с минуту помолчав, продолжил: — И денег за «Голгофу», понимая, насколько важно иметь вам ее в собрании, я возьму столько, сколько вы сами дадите!

Мне бы сразу ухватиться за это, прямо скажем, царское предложение, а то, что необходимых денег пока в наличии нет — это ерунда, займу у друзей и добрых знакомых! Но я решил не торопиться:

— Хорошо, Илья Сергеевич, я некоторое время подумаю над вашим более чем серьезным предложением, поскольку оно настолько для меня оказалось неожиданным, что я в полной растерянности...

— Воля ваша! — немного разочаровано подвел черту под разговором Глазунов. — Но, надеюсь, от ужина не откажетесь!

Однако Господь рассудил по-своему: жизнь настолько закрутила меня в своей дикой круговерти, что я вспомнил о чудо-предложении только через месяц, когда было уже поздно — губернатор Омской области Полежаев сразу же, как только узнал, что «Голгофа» продается, приобрел ее для своего областного музея, надо сказать, одного из лучших в стране. И даже устроил специальную выставку этой одной, но великой картины, ибо она посредством изобразительных средств глубоко и зримо передает правду о мучительных последних часах жизни Христа. Как рассказывали мне близкие родственники по линии жены, проживающие в Омске, — народ в музей на уникальную выставку одной картины валом валил до самого закрытия! Другую картину «Иван Грозный» Илья Сергеевич, как сотни других своих замечательных работ, преподнес в дар России, и сегодня она величаво украшает один из залов открывшегося в 2003 году государственного музея имени ее гениального автора.

С.С. Смирнов в своей статье об этой картине справедливо написал: «... А полотно «Иван Грозный», как мне кажется, всколыхнет душу каждого и не оставит равнодушным даже самого холодного зрителя...»

Жалею ли я о своей нерасторопности? Еще как! Но все в руках божьих. И я почему-то упрямо думаю, что при любом развитии ситуации

с картиной «Голгофа» она бы мне не досталась...

24

Весна, как-то вяло, будто нехотя вступавшая в свои права, вдруг одним майским утром, словно опомнившись, заявила о себе в полный голос... Казалось, еще несколько дней назад крепкий предрассветный заморозок по утрам, когда на небе за ночь вымораживались хмурые, плотные облака, разрисовывал красивыми, сказочными узорами окна, как опытный стекольщик, стеклил многочисленные лужицы тонким, звонко хрустящим под ногами и весело сверкающим в солнечных лучах голубоватым ледком. А уже сегодня, едва я, проснувшись, открыл глаза, как огромное солнце, вкатившееся на крутой небесный склон, бурно льющемся через окно в спальне горячими, золотистыми лучами ослепило, и я невольно сомкнул свои веки. Но когда вышел на улицу и через парк направился к станции метро, то возвратившиеся весенние птицы своими сладкозвучными песнями так вдохновенно, до самозабвения, разливались в, увы, пропахшем бензином воздухе, так глубоко трогали душу, что я сам от охватившей меня звонкой радости чуть не запел. И совершенно не к месту и не ко времени раздался мобильный звонок:

— Иван Иванович, здравствуйте! Это беспокоит снова забытый и

оставленный вами Илья Глазунов, а, между тем, я полным ходом готовлюсь к своему очередному большому юбилею — наконец-то закончил картину «Раскулачивание», которую, как вы прекрасно знаете из моих слов, задумал еще в далекие студенческие годы. Кроме нее написал более пятидесяти новых пейзажных и сюжетных полотен и очень рад, что, несмотря на это, новых сюжетов только прибавилось!

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Илья Сергеевич! — сразу же абстрагировавшись от бурно и стремительно расцветающей природы, бодро произнес я. — Ну, разве дорогих друзей забывают, просто я в многочисленных служебных делах и своем писательском творчестве закрутился, как белка в колесе. А про знаменательную дату помню — десятое июня!

— Спасибо, Иван Иванович! А звоню я вам, чтобы поделиться с неприятнейшей для меня новостью: мне начисто отказали в проведении юбилейной выставки в Манеже!

— Как отказали? Не понимаю...

— Мэр отказал — и все! А я ведь сам к нему, согласно нашей с ним телефонной договоренности на прием ходил, три часа, как дурак, прождал в приемной аудиенции, но так и не был принят!

— А от кого же вы тогда узнали о мэровском отказе?

— От его помощника!

— Илья Сергеевич, извините, а чем-то свой отказ мэр мотивировал?

— Конечно! Но его мотивировка еще больше, до глубины души, обидела... нет, оскорбила меня как художника!

— А точнее можно?

— В общем, помощник грубо сказал, что на время моего юбилея в Большом манеже еще с прошлого года запланирована персональная выставка другого очень именитого художника!

— А он не сообщил, какого именно?!

— Нет! Да и какое теперь это имеет значение...

— Не скажите, очень даже большое, ведь получается, что на небосклоне отечественной живописи появился каким-то чудесным образом кто-то, по крайней мере, равный хоть одной картиной вам! Но поскольку такого в ближайшее столетие, согласно фактов мировой истории, быть не может, то зарытую собаку надо искать не в области художества. Скорее всего, это очередная интрига, затеянная по недомыслию завравшимся мэром, чтобы унижить вас в глазах общественности!

Напрямую, так сказать в лоб, сурово высказав эти непростые слова, я сразу вспомнил выступление градоначальника на открытии государственного музея имени Ильи Сергеевича Глазунова. Самодовольное, жирное лицо, с тонкими губами,

с лысиной, характерной для многих мужчин его типа, небольшого росточка, но с заметно выпирающим вперед животиком и кривыми ногами, как у заправского кавалериста. А говорил он в таком тоне, как будто его силой заставили, может, поэтому в его речи не нашлось более подходящей оценки гениального художника, кроме как талантливый. И зачем-то, говоря о Глазунове, с нескрываемой гордостью вплеп в свое как бы навязанное выступление имя другого художника, правда имеющего отношение к Илье Сергеевичу тем, что гений-преподаватель научил его рисовать на бумаге водяными красками пейзажи. Надо сказать — хорошо научил! Но зачем, скажем, разные по объему и весу яйца класть откровенно в одну корзину?! Или для пришедших на открытие музея сотен знаковых людей больше сказать нечего? Так лучше бы тогда вообще коряво не выступал, а поручил это сделать одному из своих многочисленных заместителей или тому же услужливому помощнику, как в позорном деле с отказом о проведении юбилейной выставки в Манеже, тем более что все они подобострастно, тесно толпясь у трибуны, не сводили с градоначальника восхищенных глаз, боясь даже высказать хоть какое-то свое мнение.

Прекрасно понимая, каким, прежде всего, психологическим ударом для великого художника с ми-

ровым именем явился бессердечный, мерзкий отказ, я старался в душе подобрать какие-то убедительные, сокровенные слова, чтобы хоть немного успокоить страдающее сердце друга:

— Дорогой Илья Сергеевич! Успокойтесь! Черт с ним, с этим зажавшимся мэром. Конечно, иначе, чем окаянным свинством его поведение назвать нельзя! Но ведь у вас есть вашего имени прекрасный государственный музей, так проведите юбилей и презентацию картины «Раскулачивание» и других в его гостеприимных, для вас по-настоящему родных стенах, ну, хотя бы в том первом, самом большом зале, где размещены ваши самые эпохальные полотна! Места с лихвой хватит!

— Провести-то можно и в музее... Но, Иван Иванович, как вы не поймете, что эта, юбилейная, может быть моей последней выставкой, как бы подводящей определенную черту под всем многолетним творчеством. Да и свою профессиональную выставочную деятельность, как вы знаете, я начинал именно с Манежа!

Говорить и правда нечего. И я, может быть, как никто другой, понимал своего великого друга. Но, сколько ни думал, никак не мог принять, даже, говоря по правде, оправдать недалёковидной, попросту глупой выходки единолично властвующего мэра. Глазуновская обида мгновенно передалась мне — и душа, в ко-

торой несколько минут назад восторженно пели птицы, и жажда жизни была ключом, сначала угрюмо поникла, но под воздействием выкованной в пятидесятиградусной стуже и не менее беспощадной жаре родной якутской земли стальной воли, вновь широко расправила крылья, и я сгоряча чуть не вскричал про себя: «Господи!»

Окончательно успокоившись, но с продолжавшей больно саднить душу тяжелой обидой за великого друга, а в его лице и за весь русский народ, решил — и по мобильному телефону позвонил министру культуры Москвы Худякову, очень доброму и порядочному человеку:

— Сергей Ильич, здравствуй!

— Извините, кто беспокоит? — вежливо спросил министр.

— А вы разве по голосу меня не узнали?

— Иван Иванович, ты, что ли?

— Я, дорогой друг!

— Ну, здравствуй! Какими судьбами наконец-то решил позвонить?

— Мне, кажется, Сергей Ильич, нашими с вами, ибо вы ответственны за большую культуру московскую. А конкретно меня волнует вопрос о предоставлении залов Манежа Глазунову Илье Сергеевичу для проведения юбилейной выставки-отчета за всю многолетнюю творческую деятельность во славу и вечное процветание России! Не каждый, к сожалению, художник в свои достойные восемьдесят лет полон живой энергии и значимых творческих замыслов. Так ведь?..

— Так-то оно так... Но я не буду кривить душой, сразу скажу, что в вашем вопросе бессилён чем-либо помочь Илье Сергеевичу!

— Потому что всемогущ мэр?

— Вот именно! — подтвердил министр, отвечающий за развитие всей московской культуры, и, виновато сославшись на большую занятость, поспешил свернуть неприятный для нас обоих разговор. □

Продолжение следует.

Евгения Гордиенко

Актриса и призрак

Когда говорят об Алисе Коонен, в памяти сразу всплывает образ, который прочно ассоциируется с началом века — томная дева, заламывающая руки, густо подведенные глаза, длинные волосы, нервность движений. Словно вся трагедия, что есть в театре вообще и в русском театре в частности, воплотилась в этой женщине. Но она не была лишь фотографией, лишь портретом. Живая, порой даже слишком живая, она оставила огромный след в истории искусства...

Начать стоит, пожалуй, с необычной фамилии. Кажущаяся то ли финской, то ли голландской, на самом деле Коонен — фамилия бельгийская. Отец Алисы, судебный служащий Георгий Коонен, был бельгийцем, а мать — из довольно богатой польской семьи, которая категорически возражала против этого брака и лишила дочь содержания. Но она все же вышла замуж за неугодного им Коонена и родила ему троих детей. Бедность молодого семейства доходила до того, что когда в 1889 году родилась Алиса, матери пришлось заложить крестильный крестик, чтобы купить все необходимое для родов.

Девочка пошла вся в мать — была, как и та, очень дружелюбной и веселой. Поэтому, несмотря на бедность, ее более богатые одноклассники охотно приглашали Алису к себе домой. Там она видела и рождественскую елку, и домашние праздники, и выступления артистов. Да и сама тоже постоянно оказывалась в центре внимания, читала стихи, пела песни и заслуженно собирала аплодисменты.

Выбору будущей профессии поспособствовала и тетка по материнской линии. Хотя гордое польское семейство и отказалось от дочери, тетя привечала девочку у себя в имении. Сама она была актрисой провинциального театра и летом часто устраивала спектакли прямо в саду. Участие в этих представлениях у озера принимала и маленькая Алиса. Она была в восторге от этого

опыта и, кажется, уже тогда решила связать свою жизнь с драматическим театром.

Благодаря связям тети ей удалось познакомиться с самим Станиславским. Этому предшествовало ее школьное увлечение театром и возведение в кумиры одного из великих мхатовцев — Василия Качалова. И хотя отец даже не желал слышать о том, чтобы дочь посвятила жизнь такому эфемерному искусству, мать — тоже, кстати, Алиса — во всем поддерживала ее, и именно она сопровождала юную девицу на встрече с создателем МХАТа. Первый вопрос, который задал Коонен Константин Сергеевич, был: «А вы готовы уйти в монастырь? Театр — это тоже монастырь». Неизвестно, что ответила Алиса, однако впоследствии она сделала весьма своеобразный выбор.

Экзамены в класс по сценическому искусству Художественного театра она сдавала на общих основаниях, причем даже пришла с опозданием. Об этом, правда, быстро забыли, увидев ее игру. Дебют на сцене в эпизодической роли состоялся уже через год, а еще через два — роль Митиль в знаковой для театра «Синей птице».

Довольно быстро у нее появился покровитель — меценат Николай Тарасов, московский миллионер и весьма оригинальный юноша, застрелившийся впоследствии из-за несчастной любви, правда, не к Коонен, а к другой женщине.

*Алиса Коонен,
Николай
Церетелли.
Спектакль
«Покрывало
Пьеретты»*

Сама же Алиса своей игрой опровергала грязные слухи о том, что в театре держится исключительно за счет высокого покровительства. Каждый, кто видел ее игру, понимал: она — великая.

Как-то в Москву приехал английский режиссер Гордон Крэг, увидел Алису Коонен и предложил Станиславскому «отдать» актрису, обещая построить для нее в Италии монотеатр. Но Станиславский лишь усмехнулся — он знал свою приму получше заезжего англичанина: «Она погибнет в Италии, в вашем монотеатре, потому что без общения не может прожить и минуты».

Василий Качалов, имевший с актрисой продолжительный роман (Алиса все же заполучила своего кумира), говорил: «Она — средоточие ста детей и ста чертей».

Качалов был давно женат, что не мешало ему крутить романы с множеством актрис. Живой классик, легенда МХАТа, он мог легко заполучить любую, но при этом свою жену, актрису Нину Литовцеву, не бросал. А после того как она заболела и в результате ряда неудачных операций осталась на всю жизнь хромой, и помыслить не мог, чтобы оставить ее.

И все же Коонен занимала в его сердце особое место, их отношения длились с 1907 по 1912 год. В какой-то момент Коонен, правда, решилась, наконец, их оборвать, понимая, что ничего серьезного и настоящего из этого не выйдет. Возможно, решающей стала смешная и грустная записка Качалова, которую он послал Алисе, объясняя, почему не придет к ней сегодня: «Алиса, дорогая моя! Я не могу прийти к тебе.

*Спектакль
«Мадам Бовари»*

Я болен, простужен, повышена температура, болит голова — весь разбит. Боюсь свалиться совсем. Умоляю простить и поверить, что не могу. Умоляю не мстить. Умоляю всем святым сдержать свое раздражение и не сделать ничего ужасного. Помни клятву. Пусть будет с тобой моя любовь. Весь с тобой и твой Вася. Мне очень нездоровится». Коонен писала тогда: «Я сама слишком беззаветно, слишком порывисто его люблю, нет ничего, чего бы я не сделала для него... Если бы у меня была горячка, тиф, какая-то смертельная болезнь — я бы примчалась к нему со всей своей любовью, окры-

ленная и вдохновенная... А он устало обдумывает, не слишком ли это большой риск — приехать ко мне с насморком».

Помимо Качалова в жизни Алисы был еще один серьезный роман — с писателем Леонидом Андреевым. Тот слезно просил выйти за него замуж, правда, аргументировал это тем, что Коонен напоминает ему рано умершую первую жену. Даже мать Андреева просила ее принять предложение сына. Но Алиса, испытывая к Андрееву скорее не любовь, а жалость, благоразумно отказалась.

Коонен стала одной из, как сегодня сказали бы, звезд МХАТа. И те-

*Спектакль
«Антигона»*

перь она точно знала ответ на вопрос, который задал Станиславский совсем еще юной девочке. В монастырь Алиса не хотела. Не хотела посвящать театру свою свободу. К тому же ей не нравилось, как долго и пристально разбирали роли, она называла это «царапаньем» ролей и «бесполезным топтанием» на месте. Она нуждалась совсем в другом — в огне, полете, в радости от игры. И ушла искать этот полет из лучшего московского театра.

Собственно, из МХАТа она уходила в никуда. Формально ей было предложено место в Свободном театре под руководством Марджанова, но он еще не существовал

на тот момент, а когда открылся, проработал совсем недолго.

Но главное все же случилось — в 1914 году через Марджанова Кононен познакомилась с главным человеком своей жизни — режиссером Александром Таировым. И если в связи с Качаловым она писала о своей бесконечной любви, то с Таировым — совсем другая история: «Таиров меня пугает. Он слишком зверски меня любит. <...> Так меня еще не любили. И, вероятно, любить не будут. И это ужасно. Мне хочется отдать себя, бросить себя в этот вихрь. Он любит меня. Я не случайная женщина на его дороге. Он сказал, что я та женщина, ради кото-

*Алиса Коонен,
Владимир
Кенигсон.
Спектакль
«Без вины
виноватые»*

рой он может бросить и жену, и ребенка. А мне, вероятно, только и нужно доводить его до обмороков. Бедный, бедный! И я люблю его».

Практически сразу они начали жить вместе, хотя до конца жизни так и не оформили свои отношения официально. Единственным ребенком, которого они вырастили вместе, был их театр.

Здание для театра нашлось почти случайно. Коонен и Таиров прогуливались по Тверскому бульвару, думая, каким должно быть помещение для театра. Алисе приглянулся один дом (сейчас в нем находится Театр имени Пушкина). Оказалось, что владельцы как раз собирались его пере-

страивать, а раз все равно будут это делать, то почему бы не перестроить под театр? Новый храм искусства получил название Камерного.

Открывали сезон спектаклем «Сакунтала» с примой театра в главной роли. Денег на рекламу молодого театра у Коонен и Таирова не было, так что они сами зазывали зрителей, чтобы набралась хотя бы половина зала. Вскоре, впрочем, положение исправилось. Слава Алисы Коонен сделала свое дело, и театр становился все более популярным не только в России, но и в Европе, куда труппа ездила с гастролями. В репертуаре были такие спектакли, как «Фамира Кифаред», «Саломея», «Жирофле-

Жирофля», «Принцесса Брамбилла». Легко заметить, что репертуар подбирался в основном под исполнительницу главной роли. А Коонен любила играть больше трагедийные или же комедийные роли.

После прихода советской власти театр на некоторое время был закрыт, но вскоре возродился с прежним успехом и работал до начала 30-х годов, когда началась борьба с «формалистическим театром», непонятным пролетарскому зрителю. «Первый гвоздь в крышку гроба» Камерного театра, по словам Коонен, был вбит при слиянии Камерного с театром Охлопкова. Затем был поставлен вопрос о «...дальнейшей судьбе Камерного театра и о целесообразности оставления Таирова во главе театра». В 1949 году его отстранили от работы. Последним спектаклем Камерного символично стала «Адриенна Лекуврер» — пьеса о загадочной французской актрисе.

Формально Коонен и Таиров были переведены в театр Вахтангова, но там они ни разу не появились.

Поскольку жили супруги в том же здании, где располагался театр, дальнейшее их существование было в высшей степени драматичным. Режиссер не смог выносить того, что ставилось на некогда любимой сцене, и вскоре умер от рака головного мозга. Поскольку брак их не был зарегистрирован, Коонен, чтобы получить квартиру, пришлось в суде доказывать, что вместе они были с 1914 года.

В одиночестве после смерти мужа актриса прожила около 20 лет. В театре она уже не играла, лишь иногда устраивала творческие встречи со зрителями. А ей было что вспомнить.

С раннего возраста она вела дневники, и, если верить ей самой, первый ее детский дневник начинался словами: «Я очень хочу страдать». Не этим ли объяснялась последующая любовь именно к трагедийным ролям? Понимая в зрелом возрасте, что после смерти сохранившиеся дневники будут опубликованы, Коонен сама нещадным образом их «отредактировала»: сажала кляксы в тех местах, которые не желала представлять читателю, вымарывала слова и целые предложения, обрывала или полностью выдирала страницы. Но некоторые листы все же сохранились: «...Меня расхищают по кусочкам. Все большие люди угадывали и говорили: "Есть что-то в Алисе..." — но никто не отдал мне себя целиком, кроме Юргиса (Балтрушайтиса), который мог бы, если бы я захотела, принести себя на служение мне. Но он — не тот. А остальные — каждый брал меня для себя. Никто — для меня. Даже Вася, дни с которым я благословляю, Крэг, Андреев и проч., и проч. ...Их вереница — и больших, и малых — растащили всю меня по кусочкам, каждый для своей надобности. А я — всю жизнь одинока. И каждый день просыпалась и ждала чуда».

Умерла Коонен в возрасте 85 лет, дожив до 1974 года.

*Спектакль
«Адриенна
Лекуврер»*

После ее смерти многие артисты и режиссеры Театра имени Пушкина рассказывали о том, что в помещениях театра им не раз встречался призрак женщины — разумеется, Алисы Коонен. Она сама обрекла себя на муку — оставшись жить в той самой квартире, что принадлежала им с Таировым. Но ни разу не переступила порога, отделяющего квартиру от театральных помещений. Она надеялась, что после ее смерти тут будет музей — если не ее, то хотя бы Таирова или Камерного театра. Увы, этому не суждено было сбыться — после ее кончины квартиру растер-

зали, вещи были распроданы или разворованы. Кое-что купила Марина Влади. Вместе с Высоцким она забрала часть оказавшейся никому не нужной мебели, парочку расшитых жемчужинами старинных платьев. По слухам, Владимир Семенович тогда сказал: «Целая жизнь — а ничего не осталось, кроме нескольких вещей...»

И действительно — редко кто теперь вспоминает Алису Коонен. Возможно, именно поэтому ей приходится напоминать о себе так — иногда появляясь призраком в стенах некогда своего дома. □

Наталия Солдатова

Химера

Глава 1

Загадка старого дома

Этот старый дом всегда встречал меня улыбкой. Она была такой широкой и искренней, что каменные львы на фронтоне, казалось, вот-вот выронят зажатые в зубах кольца. Не знаю, волновался ли он, мой давний друг, но у меня бешено колотилось сердце — ведь мы не виделись так много лет... Ровно столько, сколько я жила вдали от родины. Я говорила ему — здравствуй, мой хороший, любимый, гладила рукой его шершавые стены, прижималась к нему, и мне казалось, что в эти минуты я чувствую ритмичный стук его сердца. Ах, как он был прекрасен в годы моего детства и юности! Сколько наших восторгов и слез, побед и разочарований, сколько тайн он хранил! Но — одни постарели и ушли от нас навсегда, другие разъехались по новым квартирам, а то и вовсе отбыли в чужие города и страны. Как я. Но старый дом я не забывала никогда. И в каждую поездку на родину, а случались они нечасто, приходила к нему поплакаться и повиниться...

И вот пришло время, когда я стала жить недалеко от родного города и могла приезжать сюда так часто, как мне этого хотелось. И старый дом всегда улыбался мне еще издали, и я понимала — с ним все хорошо, все в порядке.

А однажды наступил час, когда я поняла — там что-то случилось. Я приближалась к дому, а он даже не смотрел в мою сторону. Я ускорила шаг, вбежала во двор и увидела, что он — пуст, жильцы оттуда уехали. Однако

кое-кто еще появлялся в доме, чтобы забрать оставшиеся вещи. Хозяйка моей квартиры, уезжая оттуда, дала мне ключ, чтобы время от времени я могла приходить туда, пока... Что ждало дом, никто толком не знал, но ключ я взяла с радостью.

Квартира была разделена на две комнаты перегородкой, как было и при нас. Два окна приходились на большую комнату, одно — на маленькую. Я любила стоять у этих окон, а еще возле печки, опираясь на нее спиной. Любила просто разговаривать со стенами, сидеть на сундуке и переставлять какие-то ящики, которые, очевидно, хозяйка привезла сюда с дачи вместе с овощами. Я зашла за перегородку, села в уголок на принесенный сюда ящик... и вдруг услышала, как скрипнула дверь... Даже не скрипнула, а как-то хрюкнула. Я хотела встать, думая, что приехала хозяйка, но мой порыв остановили крадущиеся шаги в большой комнате. Кажется, там открыли сундук... А я не взяла с собой пистолет! Он у меня, правда, разрешенный, из тех, что больше пугает, но в определенных условиях... Словом, покалечить человека вполне может. Сердце мое бешено заколотилось. Я прислушалась. Вот сундук захлопнулся, шаги двинулись к окну. Это были шаги крупного мужчины. Что ему тут надо? От кого он прячется? Либо — что прячет? Я почувствовала, что еще немного, еще чуть-чуть, и не выдержать мне этой пытки, встану и закричу! Шаги тем временем приблизились к дверям. Остановились. Застыли. Потом в дверях повернулся ключ, и они стали удаляться по коридору. То есть — он ушел и меня запер. Значит, у него был ключ. Или это мой ключ?.. Я лихорадочно обследовала свою сумку — ключ от этой квартиры спокойно лежал рядом с другими. Эх, если бы мне отпереть дверь и пробраться в комнату соседки, она всегда открыта настежь, потому как там давно никто не жил. Оттуда я могла бы увидеть этого гостя, интересовавшегося старым сундуком. Выход из нашего двора один. Но вдруг он еще где-то поблизости и решит вернуться? Я осторожно встала и выглянула из своего угла. Было тихо, никто не скрипел и не шумел. Больше всего мне хотелось подойти к сундуку, но я понимала — там может быть взрывное устройство. Место, где стоит этот дом, — лакомый кусочек для дельцов, занимающихся строительством. Его не снесешь, он памятник девятнадцатого века. А вот взорвать его, да так, чтобы ничего не осталось, — это мы умеем. Сколько таких памятников уже пострадало в Москве! А вместо них — какие-то безликие мордвороты. Первое, что, видимо, надо сделать, — вызвать полицию. Мобильник у меня с собой, и даже не один. Но мне очень хотелось посмотреть, что там, в сундуке. А вдруг... И я шагнула к нему, провела рукой над его крышкой в надежде почувствовать, если там внутри что-то не так, а потом решительно приподняла эту крышку. На дне сундука

лежал довольно внушительный сверток. Что-то было завернуто в обычную упаковочную бумагу с вкраплениями опилок. Возле печки всегда стояла кочерга. И при нас, и при новой хозяйке — она соорудила здесь камин. Я сходила за ней и осторожно коснулась ею свертка. Он не шевельнулся. Но и не взорвался. Тогда я решила взять его руками, схватила этот сверток, засунула его в свою льняную котомку, отперла дверь и тихо пошла по знакомому коридору, который помнил меня еще ребенком. Я уже дошла до лестницы, чтобы спуститься вниз, но в это самое время дверь внизу громко хлопнула, отбросив меня со своей добычей в сторону. Что уж было на ногах у тех, кто поднимался по лестнице, я не знаю, но грохотали они так, что я испугалась за дом — как бы он не развалился. По звуку шагов я точно определила, что ринулись они в мою старую квартиру... Голова гудела от переизбытка мыслей и страхов. Куда бежать? Что вообще делать? Наверняка они кого-то оставили у входа. А если нет? Да такого не может быть! Явно пришли за посылкой, которая лежала в сундуке. Почему она оказалась там? И почему этот сверток нельзя было передать из рук в руки? Но об этом потом, потом... Сейчас они хватятся пропажи. У меня для спасения даже не минуты — секунды. Я дернула дверь комнаты, в которой когда-то жила моя одноклассница Рита, и проскользнула туда. Окно было выломано, а рама держалась, можно сказать, на ниточке. Я выглянула — земля недалеко, более того — мягкая земля. Когда-то здесь были грядки, которые разбивали себе жильцы первого этажа, и мы в детстве часто прыгали с такой высоты. Решившись, я зажмурилась, с силой оттолкнулась от подоконника и... прыгнула вниз, прямо на этот самодельный огород. Поднявшись, отряхнулась и направилась в ту сторону, где раньше стоял наш старый сарай, который давно снесли. Осталась одна его стена, граничащая с соседним двором. В стене этой был маленький секрет, который когда-то знали лишь мы, дети. Один железный лист можно было отодвинуть в сторону и выскочить на тот соседний двор. Мы не раз им пользовались, играя в прятки либо уходя от погони. Но повернется ли этот лист сейчас? Ура, он скрипнул и повернулся, открывая мне дорогу! Я вылезла в эту дыру, закрыла за собой тайный ход, и... оказалась в ловушке! Путь в соседний двор загораживали огромные склады-тоннеры, поставленные впритык. Нечего и думать перелезть через них. Оставалось ждать. По крайней мере здесь я была в безопасности. И могла даже посмотреть, что лежит в том злополучном свертке, прислушаться к звукам, исходящим из дома. А там вдруг раздался страшный вой. Выл человек, которого, скорее всего, били. И били, надо полагать, из-за меня. Слышались крики, ругань, хлопнула дверь черного хода магазина, откуда обычно выбрасывались пустые ящики и прочий

хлам. Произошло что-то, связанное с этим магазином? Или продавцы выскочили во двор чисто из любопытства? Тут во двор, сигналив, въехала полицейская машина, и у меня неожиданно проснулась совесть — взяла чужое. Возможно, нажитое непосильным трудом. Ха! Честные деньги не прячут. Но почему я решила, что там деньги? Я открыла свою сумку и прямо в ней стала разворачивать сверток. Один слой бумаги, второй, третий... Мне казалось, что он жалостливо тает прямо у меня на глазах...

И вдруг прямо рядом со мной, за тонкой металлической стеной склада послышался женский голос:

— Чего это там у них, а?

— Орут, с ума посходили! — ответила другая женщина.

— Прямо спектакль! Позвони Катьке, спроси.

Очевидно, Катька работала в магазине. Послышался писк мобильного.

— Кать, вы там живые? Чего за спектакль? А-а-а... Так это вы ментов вызвали? Надо же. Ладно, потом приходи, расскажешь. Я тебе кофе сварю, как ты любишь.

— Ну, чего там?

— Драка. Мужики — четверо на одного. Если б Катька не вызвала ментов, убили бы.

— А за что?

— Да хрен их знает! Она сейчас придет. А ты давай, давай поскорее. Чего тянешь-то?

— Вот...

— У, блин! Вот это да! Не ожидала. Сколько?

— За двести отдаст.

— А так сколько? В магазине-то?

— Семьсот. Даже больше.

— А за сто не хочет? Все-таки краденые. Носить-то опасно будет.

— Тише ты! Чего это краденые? Просто... посчитали неправильно.

— Ага. Ошиблись. В свою пользу.

— Ну, как хочешь. Решай. Чего тебе бояться-то? Уезжаешь ведь, не здесь же носить будешь.

— Не здесь. Но отъезд мой связан, как ты понимаешь, с большими расходами...

— Ладно, сто пятьдесят.

— Ну, хотя бы сто двадцать!

— Хорошо. Только прямо сейчас.

Раздался скрежет отодвигаемого тяжелого предмета. Стенка дрогнула, несколько прогнулась, но не сдалась.

— Тише ты, Илья Муромец! Снесешь все!

— На, держи. Видишь, где хранила? Больше не увидишь. Все забираю.

— Да пошли скорее! Новенькая там одна, вдруг посетители?

Я вспомнила, что в соседнем доме открыли какое-то кафе. Или пиццерию. И еще подумалось — господи, кругом обман! Почти что при мне продали, скорее всего, ворованные сережки.

— Стой, красотка!

— Ну, чего?

— И передай Лустеру...

— Что-о-о?

— Да, да, передай Лустеру, если он захочет сделать мне хороший подарок — ну, наподобие этого, я в долгу не останусь. Мы можем вспомнить прошлое перед моим отъездом. А вот теперь все. Идем!

Женщины ушли, а я снова взялась за сверток. Пальцы мои наткнулись на что-то гладкое и скользкое, вовсе не похожее на деньги. Я как можно шире раскрыла свою котомку, раздвинула бумагу и с недоумением уставилась на сложенную в несколько раз клеенку. Обыкновенную клеенку, которую в нашей стране десятилетиями стелили на кухонные столы. Она была с матерчатой подкладкой. Я подумала, что еще не все потеряно, надо ее развернуть — внутри, скорее всего, что-то не менее ценное, чем ювелирное украшение от этого Лустера. Но клеенка, как я поняла, была очень большой, ей здесь просто не разместиться, к тому же я могу ее запачкать. Пальцы мои еще раз прощупали это «чудо», чей-то розыгрыш либо просто дурацкую выходку, и, ничего пока не обнаружив внутри, оставили все как есть. Я только заметила, что рисунок на этой клеенке был очень, очень оригинальным — какие-то садовые арки с большими вазонами и обломанными плитами — то ли гипсовыми, то ли мраморными. А слева — старинный двухэтажный дом, вернее, его довольно небрежные контуры. Легким движением пера был обозначен главный вход. Такого рисунка я, искренний любитель кухонных клеенок, не видела никогда. Ну, что ж, денег и драгоценностей вроде нет — тем спокойнее. Только отчего же был поднят такой сыр-бор? Впрочем, об этом потом, надо поскорее выбираться отсюда.

Я посильнее тронула старую железяку, открывшую мне окно в эту ловушку, и вновь очутилась во дворе. Начинало темнеть, и моя сероватая куртка слилась с окружающим пространством. Мне безумно хотелось скорее приехать домой и расстелить эту клеенку, чтобы увидеть, понять, для чего ее надо было прятать, и зачем она понадобилась целому стаду мужиков, ворвавшихся в мой старый дом. Но и драгоценности Лустера мне тоже были не безразличны. Вернее, они весьма заинтересуют моего хорошего друга, возглавляющего здесь местную полицию, Володю Комова. Они бы заинтересовали и мою подругу, изумительного частного детектива Валю Орлову.

Когда перед ней встал выбор — работа или семья, она выбрала последнее, хотя раньше много лет подряд выбирала первое. Но тогда у нее не было столь долгожданного продолжения в лице маленького Макара, а также горячо любящего мужа и единомышленника Платона. Словом, мне надо немедленно отправиться в соседнее кафе, чтобы по голосам этих девиц из тоннара узнать, кто они такие. И я свернула в этот соседний дом, знакомый мне с детства — жаль, что от него мало что осталось. Теперь там стояло некое изделие из стекла и пластика. Я устроилась за пластиковым столиком, и ко мне мгновенно подлетела миловидная светловолосая женщина лет сорока в фирменной одежде. Она пододвинула меню, уместившееся на одном листке, и спросила:

— Какую пиццу предпочитаете?

Это была покупательница драгоценности.

— Но у меня есть два вопроса... — изобразила я беспредельную робость.

— Ой, да вы не стесняйтесь, у нас ведь цены-то хорошие, семьдесят пять рублей всего. «Маргариту» советую.

— Маргарита. Хорошее имя. А вас как зовут? Вы такая милая...

— Ха! А меня вы сразу запомните. Аза!

— Да. Редкое и красивое имя. Но я хотела спросить — а можно просто кофе?

— Конечно. У нас кексы замечательные. А хотите, кофе по-турецки вам сделаю? Ко мне сейчас подруга придет, я для нее такой готовлю, хотя в меню этого нет. И кексы вам свежие принесу.

Прекрасно — сейчас сюда явится продавщица из магазинчика, расположенного ровно под моей старой квартирой!

— Конечно, конечно, хочу. А, может, мне все-таки «Маргариту»?

— Правильно! Сначала кексы, а пиццу придется подождать. Варя ее сейчас поставит в духовку. У нас все — свежайшее! Варя, «Маргариту»! С маслинами любите?

— Да, да! — кивнула я, хотя, насколько помнила, «Маргарита» печется с одним сыром.

— Варя, маслин побольше!

— Поняла! Уже!

Ясно. Варя — это знакомая Лустера. И где-то у нее сейчас сто двадцать тысяч, отданных Азой за ворованное украшение. С этим все понятно. Интересно, где эта продавщица? Почему не идет?

Не успела я так подумать, как она вползла в кафе, волоча за собой грязную и рваную куртку.

— Сволочи! Суки!

— Господи, Катька, что случилось? — тут же подбежали к ней Аза и Варя.

— Варька, зубы целы? Посмотри. Ничего понять не могу. Все болит. Зеркало, зеркало дайте!

— Да нету маленького-то. А ты подойди вон к зеркалу, вот же оно, рядом.

— Ой, девки! Ой! — продолжала стонать Катя.

— Может, тебе «скорую» вызвать? — участливо спросила Аза.

— Нет. Как бы хуже не было, придется ведь объяснять... Вот знала, знала я, что в этом магазине что-нибудь со мной обязательно случится! Ведь хотела уходить, и заявление уже написала, но директриса уломала, даже зарплату подняла, лишь бы я не ушла. Вот и досиделась...

— Но сейчас ведь ночью не торгуете. Запрещено вам. И жильцов уже нет, — заметила Аза.

— Я тоже думала — спокойно будет. А тут... — Катя осеклась, увидев меня, и ойкнула: — А кто это у вас?

— Так, посетитель...ница.

— Ну, я не знаю...

— Девочки, поверьте, мне совершенно неинтересны ваши дела, — успокоила я их. — Я о своем думаю. У меня личная трагедия...

— С мужем, что ли, расстались?

Вот нельзя, нельзя никогда врать на эту тему — может сбыться. Силы, которые нами управляют, могут запросто наказать нас за такое вранье. Но во имя дела я трагически изрекла:

— Рассталась! И я бы сейчас ушла, но мне... некуда. Пока. Так что уж не обессудьте — посижу у вас с полчаса.

— Да сидите, сидите! Я вам кофе сейчас... И тебе, Катя, принесу. Садись, а то тебя как будто побили, — произнесла Аза.

— Побили — не то слово. Швыряли от стенки к стенке. Искали чего-то. В подсобке все перевернули. Витрины чуть не поломали. Тетя Даша шваброй на них замахнулась, так они ее...

— Живая? Тетя Даша-то?

— Да живая. Потом меня стали трясти — чего, мол, на улице делала? Куда лазила? А я ведь на шум вышла, мужики какие-то ругались.

— А чего выходила-то? Наоборот, запереться было надо, — заметила Аза.

— Потом вообще бред какой-то стали нести — что я в пустом доме шарилась! А еще спрашивали, кого я видела, кто в тот дом входил.

— А... кто?

Тут я несколько сжалась и быстро ухватилась за чашечку кофе, который Аза приготовила-таки у буфетной стойки.

— Откуда мне знать? Но кто-то был. На втором этаже. Полы-то там прогнили все, проваливаются, и у нас теперь слышно, когда ходят.

Выпив кофе, Катя объявила, что позвонила директрисе, и сейчас, когда ее сменят, уйдет домой — больше ноги ее не будет в этом грязном притоне, в этой мерзкой дыре...

Она ушла под аккомпанемент рассыпанных ею же самой эпитетов, а мне пришлось бороться с «Маргаритой», которую из-за потока эмоций вовремя не вытащили из духовки. Но зато я получила нужную информацию. Эх, надо было спросить, как бы подозрительно это ни казалось — знает ли эта Катя, кто на нее нападал? Может, хоть один из этой шайки ей знаком?

— Варь, а чего мы не спросили, кто ее так, а? Может, она знает кого-то из них? И почему ментам не пожаловалась? Такое спускать нельзя, иначе по тебе катком пройдутся, — в унисон моим мыслям спросила вдруг Аза.

— Так позвони, спроси.

— Сейчас. Где она тут у меня, в этом долбаном мобильнике... Кать, ну чего, пришла директриса-то? Нет? Ты, если что, к нам беги. Поняла? Бросай все и — к нам. А то они, может, опять... А кто это, Кать? Чьи люди-то? Вроде или точно? А-а-а. Ну, ладно. Все. Варь, слышь! Вроде она своего одноклассника узнала. Только я фамилии не поняла.

— И не обозначилась ему? Однокласснику-то?

— Видимо, нет.

— Спасибо, девочки. Все было вкусно! Доброго вам здоровья!

— И вам... с мужем помириться!

— Постараюсь.

До дома я добралась уже затемно. Еле сдерживала себя в электричке, чтобы не развернуть таинственную клеенку, так хотелось узнать, что там внутри! Стоило мне войти в дом, как я плотно зашторила все окна, включила всю иллюминацию, на какую только способны мои люстры, пододвинула самый большой стол прямо под лампы и разложила, наконец, эту злополучную клеенку! Стола ей не хватило, она повисла у меня во все стороны. А в самом центре этой «загадки» лежала одна-единственная купюра в сто долларов и письмо. Привожу его полностью:

«Каждый сам кузнец своего счастья. Где кузница, вам, уверен, известно. Но надо торопиться. Конкуренты-вороны готовятся к полету. Эта клеенка — чтоб вы не сбились с пути. Случайный рисунок, а будто один в один! Мальчик давно вас ждет. Он плачет. И он обрадуется встрече. Не медлите. Вам поможет любовь и поклонение. А зеленая бумажка — на обеды у Г. Удачи! Жаль, что не могу вам помочь. Но легенды всегда становятся реальностью. Я ухожу. А уходить надо с чистыми руками».

И все. Ни обращения, ни подписи. Почерк довольно крупный, некоторые буквы искривленные, как будто человек водил по бумаге нетвердой рукой. Неясно написано «к полету», можно прочесть и «к налету». Но изло-

жено все грамотно, знаки препинания расставлены правильно. И слог довольно интересный. Интеллигентный. Можно сказать, довольно невинная лирическая записка. Но почему из-за нее столько шума?

Я мгновенно приняла единственное, как мне казалось, верное решение — вызвать в мою глухомань, где я сейчас пребывала, так как писала свое новое творение, несравненную Зою Алексеевну, волею судьбы ставшую уже в пенсионном возрасте частным детективом. Эта пожилая женщина имеет удивительную способность проникать внутрь каждого явления, исследовать его, словно хирург во время операции — своего пациента. У нее неординарный взгляд на вещи. Умеет делать собственные выводы, не поддаваясь ничьему влиянию. Причем работает совершенно незаметно, без лишних эмоций, без яркой заинтересованности. Ее не раз называли и аморфной, и тусклой, и мало энергичной женщиной, но мы-то, ее подруги, всегда прислушивались к каждому ее слову. Она умеет видеть суть событий. А это, согласитесь, не каждому дано. Поэтому я, не откладывая, созвонилась с Зоей Алексеевной, которая всегда была легка на подъем, и пригласила ее к себе в гости. Она заверила меня, что может выехать тотчас же. Что ж, утром она уже будет в моем городке. А пока...

Я еще раз взгляделась в рисунок, повторяющийся по всей клеенке. Старый парк. Видимо, заброшенный, потому что то ли часть арки, то ли другого строения — возможно, какой-то скульптуры — валяется без призора. Кстати, как-то уж очень ровно отпиленная. Не из дерева ли она сделана? На клеенке этого никак не определить. К тому же она, очевидно, уже была в употреблении — на ней есть потертости и даже дырочки, словно эту клеенку неудачно повесили на стену и тут же сняли. Две дырочки были за домом, как бы во дворе, а одна висела над дверью, прошивая весь дом, и была больше тех двух. А вверху на картинке — какие-то странные облака. Хотя... Скорее всего, это и не облака вовсе, а некие строения вдали, их контуры. Видимо, где-то там — город. Глупая, ну совершенно глупая находка! Может, просто розыгрыш. Но почему эта дурацкая клеенка была так важна для целой стаи воронов, которые своим вторжением в мою старую квартиру едва не снесли весь дом? Возможно, они ждали не такую посылку. И сильно бы просчитались, увидев то, что лежало сейчас у меня на столе. Они уверены, что пропало нечто очень ценное. А вдруг там должны были находиться драгоценности того же Лустера? Кстати, надо потом узнать о нем все возможное у Володи Комова.

Однако по прошествии какого-то времени в моих размышлениях о происшедшем появилась некая логика. Я взяла листок и стала записывать то, что усиленно лезло в голову. Много, очень много неясного, ничем не подтвержденного, ясно было одно — некий человек передал своему знакомому

или подельнику эту вот клеенку и сто долларов на пропитание. На обеды у Г. Кстати, на «Г» может называться какой-то ресторан, либо кафе или столовая. У нас есть «Гвидон», например. А где-то я видела «Галатею». И «Галину». А еще есть письмо, в котором он призывает что-то немедленно найти и взять, иначе это приберут к рукам «черны вороны». И это «что-то» связано с легендой. А еще с мальчиком. Но адресат посылку не получит, так как ее взяла я. И где он теперь, тот, кому была предназначена посылка? Возможно, с ними, и это его они били, когда Катя вызвала полицию. Подумали, что он их обманул. И что с ним сейчас — неизвестно. Вдруг они готовят ему страшную казнь?

Я почувствовала себя очень виноватой, и... Часто совершала я непродуманные поступки. Вот и теперь я в запальчивости позвонила в справочное, где мне дали номер «ночника», а потом и в сам этот магазинчик, из которого Катя пообещала убежать при первой же возможности.

— Магазин слушает.

— Я не могу себя называть. Но передайте людям, которые устроили у вас погром, что посылка исчезла случайно... Ее взял совершенно посторонний человек, так что пусть они не нападают на своего осведомителя, он тут ни при чем.

— А кто, кто взял-то?

Я отключила мобильник, явно не ожидая такого вопроса. Голос не Кати — видимо, это директриса. У них явно нет определителя номера, так что я не рисковала. А странность вопроса заключалась в том, что так мог спросить только человек из этой банды, иначе я бы услышала совсем другое. Но она сразу, как говорится, «взяла быка за рога». Что ж, я преследовала одну цель — чтобы того, кому предназначалась эта загадочная клеенка, либо кому было поручено ее перехватить, не покалечили, не убили со злости.

До приезда Зои Алексеевны у меня оставалось всего несколько часов. Я заранее заказала такси до вокзала и обратно, завела будильник и банально заснула.

Глава 2

Побег

Тюремная кличка ее была «Химера». Она появилась просто. Когда девушка впервые вошла в камеру, там было так накурено, что она замахала руками, разгоняя дым, а поскольку робу ей выдали не по размеру, ее широченные рукава в дыму были похожи на крылья какой-то хищной птицы.

К тому же она закашлялась от дыма, невольно дорисовав образ птицы далеко не музыкальным «кхеканьем». И кто-то воскликнул:

— Химера!

Но потом сокамерницы стали звать ее просто — Мера.

Она давно забыла свое настоящее имя. Иногда спрашивала себя — а было ли оно, настоящее? С детства, которое прошло у нее в деревне, она прекрасно стреляла. Думала, что сказались родовые корни — и отец, и дед ее были охотниками. Отец как-то один-единственный раз оставил ружье без присмотра на минуту-другую. И она, а было ей тогда лет семь-восемь, сразу использовала его по назначению. Отец подошел, ругаться не стал, а поставил ей мишень, сделанную на подставке от старого телевизора. Мишень эта была приготовлена заранее, с привычным для глаза рисунком — возможно, отец предвидел такой ход событий. Она спокойно выстрелила несколько раз — как это делать, подсказывать ей было не надо. Отец подошел к мишени и окончательно убедился, что дочь готова превзойти всех своих предков. Естественно, знать об этом окружающим было совсем не обязательно. Но люди узнали. Не все, а именно те, которых отец жестоко опасался. А вскоре он заболел, и охранять дочку от злых людей стало некому. Правда, пока на нее никто и не покушался. А вот когда отца не стало...

Прежде всего, через короткое время в доме не оказалось ни гроша. Работы для матери не было, в райцентре и молодые-то не могли найти себе применения. Жили тем, что продавали с сада-огорода. Подспорьем было и козье молоко, и куриные яйца. Это шло на рынок, этим и питались. Но девочке, которая быстро превращалась в девушку, надо было одеваться-обуваться, да так, чтобы не дразнили в школе. Вот тут-то они ее нашли и уговорили произвести один-единственный выстрел. В человека. Прикинулись борцами за справедливость. Сказали, что это очень, очень плохой человек, убийца. Живописали, что он, якобы, уничтожил целую семью с малыми детьми. Большая пачка денег помешала ей проверить сказанное. Да и возможно ли это было? Она спрятала деньги в комод, в самый дальний угол, а потом «случайно» нашла их, заверив мать, что это, видимо, была заначка отца, о которой он не успел сказать перед смертью. Матушка ее, не отошедшая еще от тяжелой потери, тогда только как-то безучастно вздохнула и сказала всего одно слово:

— Хорошо.

И она выполнила то, чего ждали эти люди. Выполнила быстро и как-то беззаботно, словно стреляла в мишень. И даже смотреть не стала, как он падал, а просто ушла, не оглядываясь, со своей «точки», как они называли место ее пребывания. Она не боялась разоблачения, ибо находилась

далеко от места трагедии. Газет они с матерью не выписывали, радио у них не было. Телевизор показывал всего несколько каналов — центральных. Местные новости узнать можно было только от своих, деревенских. Они с матерью, возвращаясь с рынка, в пригородном автобусе и узнали, что убит организатор экологического движения, выступавший против продажи пахотных земель местным богатеям, которые начнут строить здесь какой-нибудь завод по выпуску биологически активных добавок, либо еще чего похуже. Сельчане гадали, кому они нужны, эти добавки. Людям — но их вроде и так полно в аптеках, животным — так скотины-то в деревнях почти не стало, а колхозы уж давно разорились. Вернее, их разорили. Она слушала все это вполуха и не принимала близко к сердцу. Думала — пусть они там хоть все передерутся, эти политики... Но сильно задуматься ей пришлось тогда, когда к ней подошли во второй раз. Да не просто подошли, а окружили ее кольцом, заявив, что главный следователь по делу об убийстве эколога вот-вот нападет на ее след. Что он один там такой ушлый, остальные безопасны, и если его не убрать... Она вновь была поставлена в нужное время в нужную точку и, как и положено большому мастеру, не промахнулась. Следователя не стало, но что-то там не сработало, не срослось, и самый главный бандит, откровенно уважавший ее за высочайшую меткость, на которую подельники не были способны, пришел к ней в дом с повинной. Пришел, когда матери не было, выложил на стол внушительную пачку денег, паспорт на чужое имя с ее фотографией, рассказал вкратце, кому принадлежали эти паспортные данные — той девушки уже не было в живых, она утонула на Волге, попав в глубокую воронку. Он предложил инсценировать на реке такую же смерть. Но — ее собственную. А денег ей хватит, чтобы обосноваться в любом городе, желательно подальше отсюда, и жить безбедно несколько лет. У нее остался всего один вопрос:

— А как же мама?

Она тут же получила уверения, что маму они быстро отправят к ней, как только узнают, куда. Она должна будет сообщить это в их райцентр, на главпочтамт, до востребования. И он назвал фамилию, имя и отчество своей жены. Она знала эту суровую, молчаливую женщину. В письме она должна дать номер своего мобильного, разместить все цифры в тексте вразброс, но друг за другом, и чтобы логически все выглядело пристойно.

— Но пока я обоснуюсь, пришлю это письмо, пройдет время... Мама может не выдержать.

И тут он поклялся ей всем на свете, что даст понять ее матери — дочь жива, но опасность столь велика, что лучше казаться ей для всех мертвой.

К тому времени она уже начала понимать кое-что в криминальных делах и удивлялась, почему они ее просто не ликвидировали. Так и от себя

отвели бы опасность. Она даже прямо спросила об этом у опекавшего ее бандита. На что он ответил, что ценит талант, причем в любой области жизни. Она, в общем-то, поверила, но резонно подумала и о том, что бандиты берегут ее для дальнейшего использования. Пройдет время, и снова попросят или заставят лишиться кого-то жизни... Выстрел для нее — это привычно и просто. Только сейчас она ощутила, какой тяжестью это ложится на сердце...

С матерью он не обманул, об этом она узнала много позже. А вот шифрованное письмо до востребования ей послать не удалось. Она вообще его не написала. И не купила себе мобильник — не успела. Она поехала, куда глаза глядят, а глядели они за Урал и остановились на чем-то конкретном лишь в Сибири. Она не видела, как на берегу обнаружили ее одежду, как несколько свидетелей рассказывали — нырнула, мол, да так и не вынырнула, как плакали бывшие одноклассники, как на свежей могиле была установлена ее фотография. Тела, естественно, не нашли, поэтому в гроб положили ту самую одежду да горсть речного песка. И хорошо, что ни о чем этом ей не было известно, ибо впереди ждали ее серьезные испытания...

А началось все с приятного знакомства. Молодая женщина, соседка по купе, пожаловалась ей, что устала жить одна, никто ее не любит, не понимает, детей нет, и так далее, что вот сейчас ее станция, и ей не хочется возвращаться в одинокий большой дом... Опытный человек ни за что не повелся бы на эти стенания. Но у девушки опыта общения с мошенницами совсем не было, и она выразила желание скрасить одиночество этой дамы. И даже решила, что ей здорово повезло — не надо ехать дальше и чего-то искать.

Все произошло быстро, до ужаса глупо и бездарно. Дом действительно оказался большим и крепким. На окнах решетки — видимо, от воров. Только это был вовсе не ее дом. Девушка это поняла, увидев, что дама стала звонить в дверь — у нее не было ключа. А уж когда на пороге показался здоровый мужик, она хотела убежать, но женщина крепко ухватила ее за обе руки, в одной из которых болталась ее сумка.

— Вот, новенькую тебе привела. Прямо с поезда. Да не голь перекатную, а богатенькую. Ты ведь богатенькая у нас, а?

— Давай ее сюда, — сказал мужик, спустился к ним и схватил ее за руку вместе с сумкой. Другая рука была во власти женщины. Они втянули ее в коридор. Из комнаты слышался женский плач.

— Что, эта сучка у тебя никак не успокоится?

— Успокоим, — прорычал мужик.

Она не знала, что это за дом, кто в нем живет, но почувствовала — опасность рядом! И решила действовать.

— Да что же вы меня тащите-то? Я и сама смогу идти, синяков ведь наделаете!

— И то! Товар портить нельзя!

Теперь ей стало все понятно. Ее ввели в комнату, увешанную коврами. Две девушки что-то кроили на столе, одна из них плакала.

— Ну, я пойду, — сказала приведшая ее сюда женщина. — Не забудь расплатиться.

— А я когда забывал, а? Когда?

— Да не ори, испугаешь новую-то.

— Брысь!

Мошенница, или, вернее сказать, вербовщица тут же исчезла.

— Машка, хватит рыдать! Покажи этой дуре, где она будет жить. Пока, — обратился мужик к плачущей девушке.

Маша подошла к ней и потянула за собой в соседнюю комнату. Это, очевидно, была столовая, так как посередине стоял длинный стол, окруженный стульями.

— А почему ты плачешь? — спросила она у девушки.

— Потому что нас всех в рабство отсюда вывезут. В другие страны, — прошептала та.

— Ты что, рехнулась?! В какое рабство?!

— Хозяин девиц в бордели продает.

— А вы чего же не бежите, не жалуетесь? Не кричите на всю округу?

— Одна кричала, теперь в подвале на цепи сидит. Бесплезные разговоры ведешь. Пошли дальше.

Они осмотрели еще одну комнату — спальню девушек. Рядом находилась спальня хозяина.

— Туда нельзя заходить. Можно только заглянуть.

Она заглянула. Обычная комната, тоже увешанная коврами. На одном из них висел до боли знакомый ей ящик. В таких ящиках хранилось то, чем она прекрасно владела, можно сказать, с детства. На ящике имелись петли для замка, а вот самого замка не было. Зато у нее было страстное желание поскорее выбраться из этой западни, и она рванулась к ящику, открыла дверцу и привычным движением вытащила оттуда ружье.

— Маш, закрой дверь, а то он увидит. Я проверю, заряжено ли...

Она вмиг привела его в боевую готовность и, когда этот мужик вырос на пороге вместе с ее опустошенной сумкой, выстрелила в него — один раз. Больше и не надо было — она знала, куда целиться.

— Ты чего... Чего наделала-то?! — склонившись над ним, воскликнула Маша.

— Делай ноги, чего трясешься!

— Так ведь... У нас — ни документов, ничего... И — куда?

— Кусок идиотки! На волю! В полицию, в конце концов!

— Я ее уже вызвала. Полицию. Едут, — объявила вторая девушка, возникшая на пороге комнаты.

— Зачем?

— Так ведь подумают, что это мы его... А мы...

— Собирайтесь да и бегите отсюда. И ту, что в подвале, освободить надо — ни сном ни духом. Одним разом сейчас освободимся и обвинения с себя снимем...

Слова эти звучали издевательски — она, можно сказать, освободила этих двух дур, а ей не только не сказали за это спасибо, но и предали — так, на всякий случай. То есть вторая девушка, войдя, предусмотрительно заперла за собой дверь. А с улицы на всю округу уже раздавался вой полицейской сирены...

Потом был суд, и теперь заключенная Мария Ивановна Смирнова трудилась в женской колонии, расположенной в сибирской глубинке. Эту фамилию первый ее работодатель выбрал по причине ее массовости, ибо главным для нее считал — не выделяться. Она и не выделялась, ни с кем не откровенничала, тянула свой срок спокойно, хорошо работала. Они шили ватные матрацы. Машинки были старые, но она кое-что понимала в механике и не раз их ремонтировала себе и другим. В чужие дела и души никогда не лезла.

В камере их было четверо. Самая старшая, Сонька, заурядная мошенница, долго к ней приглядывалась, и как-то незаметно они сблизились. Сонька делилась с Мерой тем, что приходило ей в посылках. Каким-то образом она часто получала весточки с воли и знала многое из того, что происходило в криминальном мире. Войны различных бандитских группировок друг с другом вызывали у нее живейший интерес.

В колонии можно было научиться какому-то делу, которое пригодится в будущем. Мера, например, сначала напросилась ухаживать за скотиной и летом работать на грядках. Все это было ей знакомо и вызывало теплые воспоминания о родной деревне, об отце, матери, о которой она ничего не знала, однако чувствовала, что та жива. Сонька часто просилась на работу вместе с Мерой. Она была намного старше, но работать так, как девушка, не умела. Мере очень хотелось попасть в больничные палаты, ухаживать за беспомощными людьми. Она чувствовала в себе силу, которая может излечивать, и как-то сказала об этом Соньке. У той были свои ходы к начальству, и вскоре Мера работала там, помогала больным, мыла за ними, убирала. А иногда, когда медсестра долго отсутствовала, выполняла и кое-какие процедуры. Могла, например, делать уколы, перевязки. А главное — умела успокоить, утешить. Возвращаясь в камеру, она все расска-

зывала Соньке. Та только поражалась — молодая девка, а как будто уже большую жизнь прожила!

Но однажды Мера вернулась в камеру и разрыдалась. Объяснила женщинам — избитую заключенную на носилках принесли... Вряд ли выживет... И все что-то сказать хочет, да не может. Сам начальник приходил, пытался выяснить, кто ее так.

— Да уж не цыганка ли это? — насторожилась Сонька.

— По виду цыганка, только я не спрашивала. Молила Бога, чтобы она выжила, молодая ведь еще...

А на следующий день Мера вернулась в камеру другим человеком, и это все почувствовали.

— Померла, что ли? — спросила одна из сокамерниц.

— Ага. Померла...

Цыганка умерла у нее на руках, и эта смерть перевернула Мере всю душу. Те двое, погибшие от ее выстрелов, были как бы вдалеке, она не слышала их последнего вздоха, не знала о них ничего. Тут же все было по-другому. Женщина была беспомощна, и Мера, не зная даже, за что та отбывала наказание, да ей было это и неважно, старалась передать ей свою энергию, силу, чтобы у больной, истерзанной женщины появилась возможность бороться за жизнь. У нее ничего не вышло, но за эту попытку она была вознаграждена. Рассказывая в камере во всех подробностях, как умирала цыганка, Мера умолчала лишь об одном — об этой награде. Уж слишком все было невероятно!

Сонька слушала рассказ Меры молча, а когда они оказались одни, заметила:

— Так, значит, не вытрясли из нее ничего... Из цыганки-то... Померла, и всех с носом оставила!

— А... чего из нее можно было вытрясти?

Мера задала этот вопрос осторожно, боясь, как бы всезнающая Сонька не догадалась о ее тайне.

— Ну... не так она была проста, как многим тут казалось. Мне с воли донесли, что незадолго до ареста за важным делом она ездила...

— Ой, слушай, расскажи, я ведь про нее ничего не знаю. Наверное, как все они, гипнозом на кого-то воздействовала, да и ограбила человека. Ведь так?

— Так, да не так! Это, скажем, ее каждодневный труд был. Она с этими способностями, наклонностями родилась, понимаешь? Но она была намного выше остальных! Я знаю.

— А выше — это как?

— Большие дела проворачивала. И денег, и другого чего в ее руках было немерено...

— Но ведь такие люди обычно откупаются!

— Ох, Мера, что-то там не сработало. Всякое бывает. Может, с пустыми руками ее взяли, думала отсидеться, да на воле самой всем и распорядиться. Но кто-то тут, видать, знал про нее больше, чем нужно... Уверена, потому она и погибла.

— И зачем ее до смерти-то довели?.. Теперь и не узнают ничего.

— Не узнают. Если только она не успела кому-нибудь передать самое свое сокровенное. А? Чего ты вздрогнула-то так? У тебя на руках она умирала. Может, говорила чего?

— Да чего-то говорила... Одни и те же слова повторяла...

— Какие слова? Мера, если что-то узнала, тебе одной с этим грузом не справиться!

Мера еще не решила, можно ли, да и стоит ли довериться Соньке, и потому сказала первое, что пришло в голову:

— Были моменты, когда она стала вырываться у меня из рук. Горячая, скользкая от пота... Я звала сестричку, кричала, а она мне говорила: «Молчи и иди на татарское кладбище!» Много раз так сказала. Бредила. Я, конечно, спросила — зачем? Чего мне делать на этом кладбище? А она все шептала — иди да иди, там узнаешь.

— Ну? Ты спросила, где оно? Куда именно идти и зачем?

— Спросила. Она сказала — на Волге. Но места не назвала. Ну, город там или деревня. Просто — на Волге, и все! А идти к Шагееву...

— К какому еще Шагееву?

— Я поняла — к его могиле.

— Ну? Дальше-то чего?

— А дальше — умерла она...

— Да. Не густо. Это все надо хорошо обдумать.

— Да чего нам обдумывать-то! Мы что, можем пойти к этому Шагееву?

И тут Сонька впервые посмотрела на Мера так, что той стало холодно. И еще девушка почувствовала в ней силу и власть. Но откуда эта сила? Ведь все они, заключенные, похожи здесь на тараканов, забившихся по углам.

— Что человек может, девушка, он и сам не всегда знает. Ты еще молодая, тебе это неведомо. Хотя... Ты уж извини, я знаю, за что сидишь, но иногда мне кажется, что твоя биография намного богаче... Я свяжусь с кем надо, и прошманаем мы это дело. Цыганку эту... Ну, не «общак» же она забила, тертая ведь...

— Да зачем узнавать-то? — все же решила спросить Мера.

— Как зачем? Чтоб достать. Выловить.

— Так это же на воле, а мы...

— Ха! А тебе кто мешает на волю-то выйти?

— Не кто, а что. Режим. Охрана. Никто меня раньше срока не выпустит.

— Ладно! Рано мы эти разговоры ведем. Все! Завязали!

Но прошло несколько недель, и Сонька вновь вернулась к этой теме.

— Ее где взяли-то? В Центральном регионе. На мелочи какой-то попала. Ну, типа гипноза и банального воровства. Она тут же — «чистосердечное». Некоторые говорят, что если бы ее не взяли, сама бы явилась в полицию. А это о чем говорит?

— О чем?

— Что решила от своих скрывать. А для чего? Совесть, значит, нечиста. Ручки-то свои, видать, позолотила. И именно в то самое время, когда там убили...

И Сонька назвала имя всем известного криминального авторитета. Оказалось, что и его семья, и друзья до сих пор не могут найти ничего из принадлежавших ему ценностей...

— Сонь, повтори имя-то...

Сонька повторила. Мере показалось, что она уже где-то слышала это имя, только вот где? Стала расспрашивать, что он был за человек, где жил, какая у него была профессия в той, другой жизни. Ну, была же у него другая жизнь! И еще ей было непонятно, как богатый человек мог оплошать со своими ценностями — он что, в чемодане их хранил? В кубышке? Ведь есть банки, есть дома и целые замки, есть акции, другие ценные бумаги...

— Дура ты, девка! Ну, купил замок. Да хоть пять замков. Яхты купил. Целый квартал приобрел в любимом городе. А дальше что? Один-два неверных шага, и это все исчезнет, как дым. Суды, конфискация... А главные ценности должны быть под рукой. Они душу греют.

— Но... как же она, цыганка эта, добралась до его... руки?

— А вот тут самое интересное. Она, оказывается, в молодости его знала. Да не просто знала, а влюблена в него была. А поскольку она внучка барона ихнего цыганского, вышел большой скандал, ее родня требовала, чтобы он на ней женился. Тогда еще мужик этот был учителем то ли физкультуры, то ли рисования. Он не женился, потому что на тот момент уже был женат, только все равно один жил. Ну а потом началась эта бурда в стране, и всем стало не до любви, не до семьи. А недавно он ее опять до себя допустил. Да, видать, слишком близко. Доверять ей стал, а цыганам доверять нельзя. Многим она у него завладела, только ничего при ней не нашли.

— А я вот не верю, что цыганка такую подлянку могла ему подкинуть! — воскликнула Мера. — Она знаешь как на меня смотрела... Будто умоляла о чем-то... Перед смертью...

Мера никогда не спрашивала, откуда Сонька так много знает. Но потихоньку стала выведывать, что могут ее «связные». Сначала Сонька отшучи-

валась, потом стала повнимательнее приглядываться к ней и в один прекрасный день вдруг приказала:

— А ну, рассказывай! Выкладывай! Показывай! Хватит ходить вокруг да около! Что она тебе... оставила? Еще раз говорю — одной тебе не справиться!

Мера молчала. Она понимала, что времени остается все меньше и меньше. Надо что-то решать.

— Я клятву тебе дам. Сыном поклянусь. Тебе помогут, но эти люди ничего не будут знать. Они просто выполнят то, что я попрошу. Снабдят тебя, предположим, деньгами, одеждой, документами. Чтоб ты могла без боязни ориентироваться... в пространстве.

— Хорошо. Клянись!

Клятва была столь серьезной и искренней, что Мера поверила каждому ее слову. И после этого со спокойной душой предложила Соньке встретиться в тюремной больнице — для серьезного разговора. Впрочем, душа-то как раз и не была спокойна. То дело, которое вдруг появилось в ее жизни, выросло из ничего, из горячечного бреда цыганки, надо было делать сейчас. Если оно действительно существовало.

Соньке не составило труда напроситься в больницу — помогать санитарам. В этот раз их попросили остаться на ночь — больных прибавилось. Ночью, когда все уснули, Мера повела Соньку в палату, где умерла цыганка. Ее койка была не занята, палата вообще была пуста. Она приподняла матрац, отогнула его, нашла небольшой шов, зацепила узелок и вытащила нитку. Просунув туда руку, нащупала небольшой серый довольно мятый листочек и развернула его.

— Вот. Это она мне дала. Все повторяла — хочешь в рай... хочешь в рай... И все мяла листик. Я говорю — чего хоть тут? А она мне — поезжай, мол, и тоже в рай... Потом замолчала, а когда очнулась после укола, вроде лучше ей стало, спрашивает — ты, мол, миллионы когда-нибудь видела? Я сказал, что нет. Ну, так увидишь. А ехать надо в старый дом. В дворянское гнездо. Там, дескать, книги были, а теперь их нет. И вообще, вот-вот все порушат. Или, наоборот, восстанавливать будут. Но и то, и то плохо, потому как там во дворе все спрятано. Говорю — что и где? Она мне эту бумажку и сунула — спрячь, говорит, все на ней увидишь. Только, мол, скорей надо. Злые люди могут найти, перехватить. Все, Сонь. Чего делать-то?

Сонька внимательно рассматривала рисунок. Странно, но на нем не было конкретных обозначений. Линии, черточки, нечто похожее на кружочки, точки. В самом верху — вообще непонятная ломаная линия, длинная, непрерывающаяся, словно детской рукой нарисованная. И — цифры. Наспех все набросано, но если взглядеться, включить воображение,

можно найти здесь и цветы, и дорожку, и некие штрихи, похожие на изображение дома.

— А про Волгу, значит, тогда наплела мне?

— Наплела. Про могилу. А что город — на Волге, где татарское кладбище, это правда.

— Что ж... Город этот я, скорее всего, знаю, — задумчиво проговорила Сонька. — Интересно, где и что именно спрятано?

— Я думаю, деньги, — предположила Мера.

— Да как их там спрячешь! Разве что в землю зароешь. Нет, скорее — золото, бриллианты. Хм... Предположим, дом этот старый ты найдешь...

— Сонь, ты уже несколько раз намекнула, что я... Так ведь у меня срок-то не завтра кончается...

— А мы его сами закончим. Но это — дело десятое. Так вот, старинный дом найдешь через Интернет. Конечно, таких домов там немало, но и не так уж много. А еще есть какая-то связь с книгами... Может, об этом доме книжка целая написана. В Интернете будут фотографии старинных домов, сверите с рисунком.

— Сверите?

— Ну да. С сыном моим действовать будешь. Он хороший мальчик. Если что, тебя прикроет.

— Так он у тебя взрослый?

— А то! Уж за двадцать. Жоржик.

— Жорж... — протянула Мера, быстро спрятала рисунок, и они вышли из палаты.

Рисунок решено было скопировать, и даже несколько раз — не в санатории они тут, мало ли что... Их разговоры о будущем плавно перетекли на организацию побега, и это было так естественно, словно Мера именно для подобной операции здесь и оказалась. Она тут же выдвинула свой план:

— Сонь, я ведь только два дела и могу хорошо делать — стрелять да плавать. Под водой несколько минут могу продержаться.

— Вот это да! А я думала, ты вообще не умеешь плавать. Помнишь, когда нам разрешили несколько раз искупаться после работы, я за тобой наблюдала. Ты просто дрожала, когда в воду входила. Говорила всем — боюсь, боюсь!

С планом побега определились довольно быстро. Заключение — с подачи Соньки, разумеется — станут просить начальство искупаться в последний раз до следующего лета. Мера вместе со всеми войдет в воду и объявит, что попробует проплыть хоть один метр... Сонька, намеревающаяся находиться поближе к берегу либо вообще на берегу, отвлечет на себя внимание женщин, как именно — придумать не составит труда, и в это время Мера

спокойно нырнет в реку. Ну, захотел человек научиться плавать, залез в воду, и... исчез! Когда она выйдет на противоположный берег, там ее будет ждать приличная, но не бросающаяся в глаза одежда, деньги, документы и, главное, — машина. Она доставит беглянку не на маленькую железнодорожную станцию, где ее могут запомнить, а в город. Но и оттуда лучше путешествовать не поездом, а электричками. Впрочем, на станции она изучит расписание и решит все сама. Что касается внешности Меры — ей надо измениться. Надеть парик? Но это бросится в глаза, даже самый хороший парик никогда не выглядит как настоящие волосы. Сходить в парикмахерскую? Пожалуй. Покрасить волосы, сделать себе прическу — стильную, молодежную, такую, какие делает себе сейчас большинство продвинутых девиц. Но главное, она должна измениться внутренне, почувствовать себя другой, осознать, что у нее есть будущее. Как бы то ни было, а уверенных в себе людей видно и по походке, и по жестам, и по взглядам, которые они бросают на окружающих.

— Главное — не будь цыпленком, которого вот-вот поймают и ощиплют. Знай свою силу. Она есть — в этом кусочке бумаги. В рисунке.

Как Сонька связывалась с внешним миром, девушка так и не узнала. Но уже через несколько дней она заявила Мере, что все готово, и добавила, что за рулем машины будет сам Жоржик. Правда, потом все же лучше разделить и ехать до нужного города порознь. А там встретиться, предположим, в гостинице, можно и в квартире, и начать вместе работать. Действовать!

— Сонь, а вдруг там ничего нет? Вдруг она все это в бреду нарисовала? А мы, как две дуры...

— Ну, если верить тому, что мне донесли с воли, — есть! Хотя — вопрос: дочка этой цыганки тоже с пустыми руками осталась, как и менты, как и все, кто за ней следил. Ну а если правда рисунок этот — «пустышка», так ведь два дела хороших за мной будут — тебя на волю выпустила и с сыном своим познакомила!

Понимая, что долго не придется увидеться с Сонькой, Мера спросила — кто она все-таки такая, и почему ей так многое доступно и в колонии, и за ее стенами.

— Я — сестра, — просто ответила она. — Сестра человека, который правит бал.

— Но... почему ты тогда оказалась здесь?

— А вот это тебе, дева, знать не положено.

— Но... это было справедливо? Такое тебе наказание?

— Никогда не видела справедливости. Хотела бы с ней познакомиться, но эта дама вечно от меня скрывается.

— От меня тоже, — заметила Мера.

— Значит, у нас с тобой будет своя справедливость, — подытожила Сонька.

Это невероятно, но их «спектакль» прошел бы на аплодисменты, если бы его показывали в театре. Все давно плескались в воде, кто-то элементарно мылся, а Мера жалась к берегу, пока Сонька не скомандовала:

— Пора!

Она зашла подальше в воду, обхватив себя руками, а Сонька вдруг кинулась на песок и стала кричать, якобы, от боли. Некоторые вышли из воды и побежали к ней, остальные просто повернулись в сторону берега и гадали, что же там случилось. И именно в этот момент Мера исчезла. Ни одна душа этого не заметила. А она плыла под водой, боясь сделать резкое движение, чтобы не выдать себя. Тревожно стало один-единственный раз, когда она заметила рыбака на берегу с длинной удочкой. А еще — машину, на которой он, видимо, и приехал. Голова уже стала тяжелой, в висках покалывало, надо было глотнуть воздуха, чтобы не захлебнуться. Еще один миг... Еще... И вдруг она услышала пение. Пел этот самый рыбак! И водил при этом удочкой, словно дирижерской палочкой:

*Ох, и сложная задача,
Ты, наверно, онемела!
Прилетай ко мне, удача!
Приходи ко мне, Химера!*

После этих слов она сразу догадалась, что это Жорж, подплыла поближе к берегу, коснулась ногами дна и только тогда смогла рассмотреть его. Парень стоял и улыбался. Улыбался и пел. Мера без всякой опаски вышла на берег, схватила протянутые ей полотенце, пакет с одеждой, тут же стала переодеваться, и Жорж вежливо повернулся к ней спиной. В пакете лежали неброская, но довольно модная юбка, красивая футболка с васильками, симпатичный легкий пиджачок и шелковый платок с изображением кошек, который она тут же завязала на шее. Туфли, больше похожие на тапочки, оказались чуть великоваты, зато к ним были тонкие дамские носочки бежевого цвета, которыми она не пренебрегла. И легкая шапочка, балансирующая между бейсболкой и панамкой, оказалась впору...

— Остальное в машине, — тихо сказал Жорж. — Ну, вы все, можно ехать?

— Да...

Он повернулся, и они, наконец, смогли рассмотреть друг друга как следует.

— Я — Жорж. А вы — Нина. Нина Игнатъева. У вас все в порядке?

Отвечала она, уже сидя в машине.

— За исключением того, что в пакете я не обнаружила нижнего белья. А свое мокрое. Да и не мое это, сами понимаете, лучше его выкинуть.

— И выкинем, — ответил Жорж, уже выезжая на дорогу. — Только не здесь, а подальше. И новое купим... Я как-то не подумал, да и никогда еще не покупал женского белья. Впрочем, тут где-то через час будет одна палатка...

Проезжая небольшой населенный пункт, заехали в гараж, где какой-то человек, чье лицо было скрыто за приспущенным капюшоном, быстро запечатлел ее на пленку и скрылся в маленьком запирающемся отсеке. Мера поняла — готовится последний и самый главный штрих к ее паспорту. Работу он выполнил быстро, мужчины обменялись конвертами. Жорж открыл его, вынул паспорт, протянул Мере:

— Имя-то хоть нравится?

— Да как-то... Зови меня лучше Нино, по-грузински.

«Мастер» проводил их до машины и вернулся в гараж, а они тут же продолжили свой путь.

— Не настучит?

— Исключено, — твердо ответил Жорж.

— Все когда-то происходит впервые...

— Нет. Эта фраза подразумевает совсем другое и, к тому же, не всегда годится. А вот и палатка. Пригнись, чтобы тебя не было видно.

Палатки как таковой уже не было — стойки лежали на земле, а товары уместились в огромные клетчатые сумки, над которыми возвышался торговец. К нему и обратился Жорж.

— Я еду к любимой девушке. Хочу сделать ей интимный подарок. Нижнее белье. Низ и верх. Самое лучшее. Желательно из натуральной ткани.

— Самое лучшее — только гарнитур. Достать?

— Обязательно!

— Красный, голубой и беж. Какой?

— Голубой, — сразу ответил Жорж. Очевидно, это был его любимый цвет.

Забрав пакет и расплатившись с продавцом, он сел в машину и перебрался на заднее сиденье пакетик с бельем. Химера быстро натянула на себя белье — все оказалось впору.

— Теперь ты в полном порядке. Сейчас — город. Я смотрел по инету — часа через два самолет. Но расписание не всегда соблюдается, поэтому сядешь в электричку, а я следом — на этой машине, так сказать, параллельным курсом... — Вдруг он весь напрягся и, буквально вцепившись в руль, процедил: — Третий раз мне одна и та же машина попадает. Ложись-ка на пол, от греха подальше. А знаешь что? Если кто-то что-то заподозрил, то будет ловить нас на западном направлении. В гущу жизни, так сказать.

Уже, может, ловит. А мы... Сейчас бросаем машину, ждем на вокзал, берем билеты, два, объявим об этом погромче, а сами... Там туалет интересный, два входа и выхода. Один — в самом вокзале, другой — на улице, со стороны перрона. Вот мы не спеша войдем туда, а выйдем уже на перроне, и направо — там стоянка такси. В аэропорт! На восток! Что там у нас — Хабаровск, Владивосток. Можно и поближе — Чита, Благовещенск.

— Машину твою жалко.

— Жалко. Но нас с тобой еще жальче.

— Такого слова нет.

— Все равно жальче. Машину новую купим.

Глава 3

Никакой логики!

Излагая все происшедшее со мной Зоей Алексеевной, я прекрасно понимала, что в рассказе моем, вернее, в действиях незнакомца, пробравшегося в мою старую квартиру, нет никакой логики. Предположим, он куда-то торопился.

— Скорее всего, он торопился уйти... навсегда, Наташенька.

— А разве так бывает? Разве люди могут торопиться уйти навсегда?

— Могут. При определенных обстоятельствах. Бывает, что человек не может уклониться от опасности, знает, что приговорен.

Ну да, конечно. Страшная болезнь, например. Но этот человек вряд ли был так уж болен, чтобы отсчитывать свои последние часы и минуты.

— В криминальных сообществах порой выносятся смертные приговоры...

— И что, человек не может скрыться, уйти от этой кары?

— Трудно сказать. По-видимому, не может. Хотя я знаю иной пример.

Но Зоя Алексеевна не стала развивать эту тему, ее больше занимал психологический портрет автора записки. Интеллигентный стиль, философский подтекст.

— И он когда-то жил в этом доме. Понимаете, Наташа, когда человек делает столь решительный шаг, он должен чувствовать себя защищенным. Стены родного дома дают такую уверенность. И тот, кому адресована записка, тоже должен хорошо знать этот дом. Очевидно, подателю посылки и в голову не пришло, что за его передвижениями следят — это говорит об его неопытности. Следовательно...

— Следовательно, Зоя Алексеевна, он мог не быть автором записки. Его просто попросили отнести ее в нужное место.

— Но это нужное место он прекрасно знал! И если он и хозяин посылки — не одно и то же лицо, то и первый, и второй имеют к дому непосредственное отношение.

— Но если это так, то мы можем их банально вычислить. Я знаю всех, кто жил в моем доме.

— Опишите их чуть позже, а сейчас следует внимательно рассмотреть вашу клеенку. И непременно позвонить Володе Комову. Думаю, в связи с вашими сведениями о Лустере, он должен будет к нам подъехать. Или мы к нему. Лучше мы, а то в вашей деревне поднимется переполох — как же, полицейское начальство к соседке приехало! Зачем? Почему?

Я дозвонилась до Комова и напросилась на встречу, заявив, что имею сведения, интересные для него, и хочу обменять их на другие, интересующие меня и Зою Алексеевну. Володя предложил выслать за нами машину. Обычную, без опознавательных знаков. Но не тотчас же, а часа через четыре. Я назвала адрес.

Итак, у нас было четыре часа, чтобы сложить более или менее правдоподобную и логически хоть как-то оправданную картину происшедшего. Записка призывала придти в кузницу. Кузница упоминалась, конечно, в фигуральном смысле. И там есть мальчик, который давно ждет и обрадуется встрече. Конечно, это может быть похищенный мальчик. Детдомовский мальчик. Но, скорее всего, обозначает он место, где спрятано нечто ценное. Может, речь идет об украденной картине? И клеенка с контурами дома и садовой аркой. Это что? Вход в парк? И что за странные линии на дальнем плане, вверху? И тут мне вдруг пришла идея обратиться на фабрику, выпустившую эту клеенку.

— Прекрасная мысль! — поддержала меня Зоя Алексеевна. — Будем в городе, зайдем в хозяйственный магазин, спросим, откуда это чудо. Сделаем это сегодня же. А что до ребенка... Я все-таки спрошу у Комова, не было ли в городе трагедии с мальчиком. Дескать, услышала в поезде — пропал ребенок, ну, и наговорю чего-то в этом духе...

Чем больше мы изучали рисунок на клеенке, тем больше мне казалось, что когда-то я все это уже видела. Только очень, очень давно, в детстве или же в ранней юности.

— А вам не кажется, Наташенька, что вот этот как бы отпиленный кусок похож на большую трубу? Канализационную. Из тех, что прокладывают под землей.

— Но... если это кусок трубы, то он не должен быть закрыт. А тут он как бы запакован.

— Ну, это могло так отразиться на рисунке. А на самом деле... Впрочем, надеюсь, на фабрике нам действительно скажут, что это за место.

Или хотя бы — с чего рисовали. Это ведь явно не фото. Вот будет юмор, если художник набросал это просто из головы.

— И что? На свете нет человека, который может придумать то, чего в действительности никогда не существовало! Наш мозг на это не способен! Он не может выдумать то, чего никогда не знал! Так же и художник. Он не может нарисовать нечто, никогда им не виденное.

Зоя Алексеевна внимательно изучила дырки в клеенке и пришла к выводу, что сделаны они специально — аккуратно вырезаны на чем-то твердом, скорее всего, скальпелем. Края у дырочек ровные, по размеру обе они одинаковые.

— Обычно, Наташенька, рисуется какой-то знак, известный лишь тому, кому он предназначен. Что в нашем случае может быть таким знаком?

— Эти дырки?

— Возможно. Хотя... они могут обозначать места убийств. Двух. У нас было такое в одном деле. Карта, где людей должны были лишить жизни. Так что знаки надо еще поискать.

Я заметила Зое Алексеевне, что меня весьма смущают непонятные контуры вверху. Они были похожи на рисунок молнии. Либо на кардиограмму. Второе даже ближе, потому что на рисунке природа не говорила о близости молнии — все было светло, уютно, тихо и спокойно.

— Да, нечто странное... У меня внук любит такие вещи. Он их как бы складывает. Делает складывающиеся пространства. И когда читает, что от нас до какой-то звезды — миллионы парсек, то есть человеческой жизни не хватит, чтобы долететь, он снисходительно улыбается, берет листок бумаги, рисует по краям две разные точки, а потом эту бумагу складывает так, чтобы они, эти точки, совместились. И все!

Мы вырезали для себя эту кардиологическую линию и стали с ней манипулировать. Однако я, честно говоря, делала это без всякого энтузиазма, потому что на меня вновь повеяло детством. От этой кардиологической гармошки тянулись ко мне лучи прекрасных воспоминаний.

— Милая Зоя Алексеевна... Есть у меня предчувствие... что это — мой родной дом... Его тень... Мы часто играли в детстве, ходили по краешку этой тени. Воображали, что идем по канату над пропастью... Вот это — труба наша, от нашей печки. А вот здесь — наш сарай. Вот он, самый маленький, прилепился к каменным... Сарайи стоят отдельно, не рядом с домом, поэтому тут вот в тени промежуток, видите?

— Удивительно. Но... что вы скажете об этой арке? Арки-то и столбов этих у вас нет!

— Самой арки, думаю, не было, я ее не помню. А вот столбы типа колонн, на которые она опирается, были. И деревянный забор. Его потом убрали.

Но мы зимой прятались за этим забором и бросали снежки в прохожих. Арку, думаю, художник пририсовал для красоты...

И все равно рисунок был непонятно странный. Тень есть, а изображение дома довольно неопределенно... И справа тоже стоит двухэтажный дом, но и его нет... Пустое пространство. Впечатление такое, что все это находится не в городе, а в чистом поле. Почему?

— А чтобы таким, как вы, Наташенька, хватаящим без разрешения чужие послания, ни за что не догадаться, что здесь к чему.

Вероятно, да. И надо действительно искать знак. Очевидно, тот, к кому обращено послание, имеет общее представление о месте поисков. А получив записку, он знал бы более конкретно. Там упоминаются любовь, поклонение, легенда... Тоже, видимо, не пустые для адресата слова. И клеенка послана не зря. Попробуй-ка догадайся, что это не просто клеенка, в которую завернута записка и сто долларов, а рисунок, который надо правильно прочесть!

Зоя Алексеевна аккуратно составила перечень вопросов и неясных моментов — для беседы с Комовым. И поскольку у нас еще оставалось время до отъезда, мы решили набросать список жильцов моего дома и воссоздать их образы. Мы решили не брать во внимание людей преклонного возраста, а их было большинство. Обсудили семью Силовых — мать и три дочери. Давно уехали из дома, им дали отдельную квартиру одним из первых. Валя и Соня Черновы, добросовестные фабричные работницы, для авантюрных дел абсолютно не подходят. Два самых близких моих соседа — Гера и Витя. Близких по расположению квартир. Оба — умные, интересные парни, оба — себе на уме. Гера — худой и высокий, Витя — среднего роста, коренастый, на щеках ямочки. В солидном возрасте оба могли преобразиться и в того, кто писал записку, и в того, кто запрятал ее в сундук. Жаль, что я не видела его лица. Может, узнала бы. Далее — Волковы, Орловы, Смирновы, Мищенко... В основном — работающие мужчины и женщины, измотанные жизнью, им не до хитростей, не до плетения сетей — выжить бы в этой жизни, к которой они привыкли и где чувствуют себя хоть капельку защищенными.

Машина пришла раньше, чем ожидалось, но все же мы не забыли взять с собой и клеенку, и записку, и даже сто долларов, решив обменять их в городе на родные рубли. Я давно не встречалась с Владимиром Ивановичем, а потому сразу отметила, как он постарел. И волосы — словно серебро. Я рассказала ему о своем посещении родного дома, о криках и драке в «ночнике». Подробно изложила и случайно подслушанный разговор в тоннаре, описала ему Азу и ее коллегу, подчеркнув, что обе женщины связаны с каким-то Лустером — только у Азы это в прошлом, а у Вари — в настоящем.

— Не знаю, зачем вам все это надо, но... Тут, дорогие дамы, много странностей. Я имею в виду этого самого Лустера. Лугов он, Сергей Терентьевич. Кафе, где ты, Наталья, подкреплялась, принадлежит ему. Правда, по документам этого сказать нельзя, но тем не менее. И у него вообще какой-то маниакальный интерес именно к этому кварталу города. Он методично скупает там дома. И твой старый дом хотел приобрести. По моим сведениям, часть дома он уже приобрел.

— Памятник архитектуры?

— Памятник. Пока он приобрел приделок к этому памятнику. Но лет сто этой части дома уже есть.

— Но... Вот карта города, взгляните. Здесь, на этом проспекте, продавалось несколько домов, причем гораздо более крепких, да и намного дешевле, но он уперся в наш квартал, и все!

— Значит, что-то его с этим кварталом связывает, — осторожно заметила Зоя Алексеевна.

— У меня такая же мысль. Покопался в его прошлом, нет там наших следов. Но именно в наши родные места нагрязнул, многих сумел под себя подмять. И ведь упрямый какой! Я тогда еще в майорах ходил, помню. Наши-то бандиты тоже не лыком шиты. Сопротивлялись ему. До крови дошло. Жена его исчезла. Ребенка похитили. Только все равно его не выдавили. Остался здесь, как-то все это пережил, встряхнулся.

Тут Зоя Алексеевна не преминула вставить свой вопрос о ребенке — дескать, не было ли в городе похищений, а то, мол, в поезде слышала то-то и то-то. Комов, к нашему облегчению, заметил, что бог миловал, с этим пока проблем нет.

— А ребенка Лустера нашли? — спросила я.

— Не знаю. Официально не нашли. Но он успокоился. И мне верные люди докладывали, что иногда он ездит куда-то без охраны. Один. Так что... А вот ваша информация насчет этих ювелирных изделий... она как-то не вяжется с Лустером. Может, эта девица Варя там что-то напридумывала. Или тот, кто ей сережки подсунул, выдал себя за Лустера. Все-таки он наш местный олигарх и не унижится до скупки и продажи краденого. Я с этими девицами побеседую. Ну а теперь — о «ночнике» и о том, что там было прошлой ночью. Заметьте, дамы, я не спрашиваю, для чего вам нужны эти сведения, надеюсь, сами скажете. Там все просто. Во дворе этого «ночника», прямо возле их черного хода избивали человека. Продавщица вызвала полицию. Но когда наши ребята приехали, все уже разбежались. Мы взяли только избитого мужчину. Подлечили его. В себя пришел. Павлом зовут. Говорит, что ничего не помнит. Что приходил в дом к какой-то девушке, с которой давно

не виделся, не знал, что жильцов уже всех расселили, пошел обратно, и тут на него напали.

Что ж, похоже на правду. Но — не правда! Если бы он вошел в дом и стал искать девушку, я бы его услышала! А не он ли оставил в сундуке посылку...

— Володя, он — высокий, грузный...

— Павел худой, среднего роста, — не дал мне договорить Комов.

— Тогда он говорит неправду. Надо вам еще раз с ним побеседовать. Не было его в доме. Не искал он никакую девушку.

— Хм... Догадываюсь, почему ты в этом уверена. И понимаю, почему вы обе сейчас у меня. Ты была в своем доме, в своей квартире именно в это время! Колись, Наталья!

— Была. Ты же знаешь, как часто я туда хожу.

— И в это же время там был кто-то высокий и грузный...

И тут меня посетила прекрасная идея.

— Володя, а можно пригласить сюда этого Павла? Мы с Зоей Алексеевной будем изображать твоих сотрудников. Сядем вон за тот стол, и... А вы с ним беседуйте. Если я буду тереть кончик своего носа — значит, он врет.

— А что? Неплохо придумала.

Комов вызвал сотрудника, под чьим надзором находился Павел, а вскоре появился и сам пострадавший. Не отпустили его, оказывается, из-за бумажной волокиты. Владимир Иванович попросил Павла вновь рассказать о происшедшем. Он повторил свою байку про девушку. Я изображала работника, ведущего протокол, и, словно не расслышав, попросила повторить имя девушки.

— Так Валентина, — ответил он.

— Фамилия?

— Нет у нее фамилии. То есть я ее просто не знаю. Мы недавно познакомились. Не спросил.

Я усиленно терла кончик носа — Валентина у нас в доме была одна, пожилая дама, живущая с взрослым сыном.

— Обманываете вы нас, Павел, — заявил Владимир Иванович. — Не было в этом доме девушки Валентины.

— Так она что, неправильно мне имя свое назвала? Но зачем? — не потерялся Павел.

— Да чтобы вы нам сейчас правду рассказали! Зачем приходили в пустой дом, что хотели там найти. А может, вас наняли, чтобы вы подложили взрывное устройство? И тогда вы из потерпевшего превратитесь у нас в кого?

— В кого?

— В террориста, Павел.

— Вы хоть думайте, что говорите-то! Какое устройство? Я с пустыми руками туда шел.

— А зачем?

— Просто интересно стало. Я... мужика увидел. Он в дом этот с пакетом входил, а вышел без ничего. Мне стало интересно, где он что оставил. А поскольку я там все знаю... Да не удивляйтесь, я просто ночевал там несколько раз, когда с женой нелады были. Там в одной комнате кровать оставили.

Я кивнула Комову — правду говорит, есть кровать.

— Хотел быстро пройтись по этажу, — продолжал Павел, — но что-то мне не понравилось, шум какой-то услышал. Назад подался. Ну, тут они и наскочили!

Очевидно, все это происходило тогда, когда я готовилась к прыжку.

— Они — это кто?

— Да не знаю я!

— Но у нас иные сведения, — гнул свое Владимир Иванович. — Один из них — ваш то ли друг, то ли просто одноклассник. А, может, и то, и другое.

— Ну да. Витька. Витасом его звали. В одном классе учились. Он и не дал меня... растерзать. Да Катька, продавщица. Тоже одноклассница. Мы ведь тут, в тридцатой школе учились.

— И что им от вас надо было?

— Не знаю. Клянусь богом, не знаю! Обыскали меня всего. И Катьку трясли, и весь их магазин. У них что-то пропало. И это что-то, видать, в доме лежало. Может, это и было то, что мужик принес. Ну, из-за которого я в дом полез. Так что вы уж из меня террориста не делайте. Не виноватый я. Ни перед ними, ни перед вами.

— А они никак не обозначили, что искали? Ну, может, между собой как-то об этом говорили. В запальчивости.

— Ну, не знаю, правильно ли я понял... Когда тебя бьют, трудно что-то воспринимать. Но все же... Думаю, они за кем-то следили, а потом этого человека потеряли. Видно, он слежку-то почуял, да в этот дом и завернул. Может, знал его, как я, например. Вот только почему эта банда не нашла ничего... Ведь меня-то они трясли, потому как думали, что я взял. А я не брал! Точно не брал!

— Но ведь можно предположить, что, когда неизвестный вам мужчина что-то оставил в доме, там уже находился человек...

— Да пустой дом-то!

— Возможно, кто-то просто зашел на минуту-другую и случайно наткнулся на... посылку.

— Так ведь они весь дом прочесали! Мужики-то. И никого не нашли.

— Ну, выбежал человек. Незаметно.

— Да выход-то там один. Увидели бы.

— В окно можно было выпрыгнуть, — многозначительно посмотрел на меня Комов. — Есть ведь у нас такие ловкачи. Просто диву даешься!

— Высоко там. Так все равно увидели бы.

— А спрятаться?

— Ну, не знаю. Некуда вроде.

— Это вы так думаете. Вроде. А они — при всем честном народе...

— Может, все-таки отпустите меня, я ведь вам всю правду сказал...

— Отпустим. И желаю больше не попадать в подобные истории. Хотя не исключено, что те, кто вас бил, вновь захотят испытать свои кулаки. Им же надо знать, о чем тут с вами беседовали. И что вы могли услышать...

Павла увели. Володя вопросительно смотрел на меня. Зоя Алексеевна пыталась улыбаться, делая вид, что никакой вины за нами нет. А я... Злополучная клеенка застряла в моей сумке, не желая появляться на свет, но я, наконец, вытряхнула ее вместе с запиской и зелененькой купюрой.

— Вот! Это лежало в сундуке, в моей комнате. Ну, где мы раньше жили.

Володя расчистил стол, и мы разложили на нем клеенку.

— Какое-то все... знакомое и незнакомое, — задумчиво проговорил Комов, в годы юности живший по соседству со мной, в доме напротив.

— Мне кажется, что это наш двор, — осторожно начала я.

— Возможно. И там ничего больше не было? В твоём сундуке?

— Не в моем. Наш-то давно исчез. Ничего не было. Только бумага упаковочная.

— Ты ее тоже забрала?

— Ну да. Я уже потом все развернула, когда оттуда рванула. Думала, там деньги или какие-то ценности. Володя, а что это может быть, а?

Он внимательно рассмотрел клеенку, особенно две дырочки, словно пробитые пульками, и тут же вызвал своего помощника Сергея Осокина.

— А посмотри-ка, Сережа, какой сюрприз преподнесли нам эти дамы!

— Е-мое... Двойное убийство на Советской... Да, да, именно в этих местах мы обнаружили два трупа... — Сергей для убедительности ткнул пальцем в обе дырочки. Узнав о том, как попала ко мне эта карта-клеенка, он первый высказал пришедшую нам всем на ум мысль: — Этот подарочек оставил человек, хорошо информированный об убийствах, либо причастный к ним. Только вот зачем?

— Да, зачем? — подхватила я.

— Возможно, напомнить адресату об этих расправах. Запугать. Дескать, с тобой может произойти то же самое.

— Следовательно, адресат должен что-то выполнить, иначе угрозу приведут в действие. Но что?

— А больше там ничего не было? Одна клеенка, и все? — спросил Осокин.

— Да нет, я уже говорила. Оберточная бумага.

— А бумагу ты хорошо рассмотрела?

— Конечно. Пусто. Она у меня дома осталась, я ее не выбросила.

Обсуждение двух смертей, которые, оказывается, произошли совсем недавно, не заняло много времени. Причина была проста — убийцу, или убийц, не нашли, они бесследно исчезли. То есть моя клеенка запросто могла быть связана с угрозой моей жизни. Но я, верящая в свои экстрасенсорные способности, никакой тревоги не чувствовала. Мужчины попросили меня еще раз очень подробно описать происшествие в доме, мой полет из окна, бегство за сарай, подслушанный разговор в тоннаре, посещение кафе, приход туда продавщицы Кати. Упомянула я и о звонке директрисе «ночника», извинившись, что в первом рассказе совсем о нем забыла. Ответ хозяйки магазина явно говорил о ее осведомленности — кто и что искал в доме.

— И зачем, — добавил Осокин. — Вот мы не знаем, зачем, а она, вероятно, знает. Так не отправиться ли мне сегодня же в этот магазинчик?

— Непременно отправиться. Растопить сердце этой красавицы. Тем более — если там начать проверку, явно будет не хватать каких-то документов, подписей, печатей...

В заключение мы пришли, как мне показалось, к правильному выводу — адресат должен был либо что-то кому-то отдать, либо это что-то получить. Причем Зоя Алексеевна, молчавшая все это время, убедила нас, что два обозначенных места убийств могут означать не только угрозу, но и указывать на определенное место, где должно произойти одно из действий передачи либо получения.

— Тут, думаю, следует найти какой-то знак, — уточнила она. — Может быть, соединить эти точки, затем, скажем, провести какие-то прямые линии к дому.

— Да тут их вроде соединять-то не с чем, — заметил Сергей. — Разве вот с этим деревом. Его, кстати, спилили. О, Зоя Алексеевна, да вы провидица! Треугольник!

— И что там вырисовывается? — спросил Комов.

— Ничего. Пустое место. Уж поверьте, я же вчера там была.

Мы взяли со следователей крепкое слово — обязательно рассказать нам о беседе с директрисой «ночника», об однокласснике Павла и Кати — Викторе, который, возможно, знает гораздо больше, чем думают пострадавшие.

Комов предложил отвезти нас ко мне домой, но мы заверили, что доберемся сами, так как нам еще хочется побродить по городу. Нам велели быть предельно осторожными. С этим напутствием мы и отправились восвояси.

Что ж, если картинка на клеенке узнана, то нам нет смысла заходить в хозяйственный магазин, искать такую же и читать наклепленную на нее этикетку — откуда взялась, кто произвел. Однако... Вот кто сказал, что рисунок полностью совпадает с картой моего двора? Общего много, конечно, но что-то все же не то, какие-то штрихи смущают. И уж сам бог велел нам перед заходом во двор посетить наш удивительный «ночник», живущий время от времени очень даже интересной жизнью...

В магазинчике мы никого не застали, кроме уборщицы. Она объявила нам, что продавщица подойдет минут через пять. Девица нарисовалась раньше, новенькая, и вести с ней разговоры было бесполезно. А вот уборщица... Тетя Даша, так назвала ее Катя в кафе. Она вышла во двор вместе с орудиями своего труда. Мы, ничего не купив, тоже отправились туда и застали ее сидящей на ящиках и с сигаретой. Да еще с какой! Импортной. Дамской. Такие продаются по баснословным ценам.

— Подарили, — поймав мой удивленный взгляд, сказала тетя Даша.

— Ваш... поклонник?

— Ага. Без пяти минут покойник. На него тут напали, а мы его спасли. Ментов вызвали.

— Странно, что во дворе совершенно пустого дома кто-то ходит. И на кого-то нападают. Грабители, что ли?

— Тут я вам, женщины, ничего сказать не могу. Все чего-то искали. А вы чего ищете?

— Да боже избавьте! Я пришла к знакомой, она тут на втором этаже жила, а дом-то уже расселенный.

— А фамилия-то как? Знакомой вашей?

— Шумилова, — не растерявшись, назвала я фамилию своей бывшей соседки.

— О, так ее за Волгу куда-то выселили. В новый микрорайон.

Тетя Даша ушла, а мы, не вызвав у нее подозрений, прошлись по двору. Я показала Зое Алексеевне, где стоял наш сарай и приделок для кур. Мы постояли на этом самом месте. Я подвела ее к железяке, открывшей мне лазейку, чтобы спрятаться. Говорили тихо — ведь неизвестно, пусто ли в тоннаре. Может, Аза с Варей опять делят там награбленное? Потом подошли к месту, обозначенному дырочкой на клеенке. Нашли примерное расположение второй дырочки и встали друг против друга. Никаких особых ощущений. Правда, почему-то закружилась голова. Что ж, немудрено, ведь ночь мы почти не спали.

— Знаете, Наташенька, а не лучше ли нам с вами сейчас домой, а? — предложила Зоя Алексеевна.

Меня всегда учили, что надо слушаться старших.

Глава 4

Велика Россия...

Нина и Жорж стояли на берегу Желтого моря и смотрели на водоросли, заросли которых начинались от самого берега. Они успешно преодолели тысячи километров и теперь отдыхали, стараясь уйти от проблем и даже планов на будущее. Просто бродили по кромке моря, просто молчали, просто пели и ничего, совсем ничего не делали.

— Нинок, надень все же туфли. Вода уже холодная.

Он так и не смог называть ее по-грузински, но она и не обижалась — пусть. И туфли сразу надела. И вообще у них за несколько суток путешествия установились добрые, теплые отношения. Он ее опекал, и чувствовалось, что ему это очень нравится. Он ничего не спрашивал о ее прошлом. Совсем. Очевидно, мать его проинформировала. Но последнее убийство, из-за которого она оказалась за решеткой, — лишь небольшая рябь на глади ее судьбы. А шторм в начале взрослой жизни? А две жертвы, принесенные ею в угоду... Кому? Неизвестным бандитам, образовавшим сообщество, которому подчиняется часть населения. И она подчинилась, иначе они с матерью не вынесли бы своей нищей жизни, либо их вообще не было бы в живых. Она вспомнила, как часто мать произносила всего два слова: «Мы — нищие», и, господи, сколько же в них было горечи, безысходности и страшного отчаяния. Ей было смешно, когда говорили, что надежда умирает последней. Она вообще не знала, что такое надежда. Очевидно, когда Нина родилась, та уже умерла, а потому они так и не встретились. Ей казалось, что Жора это чувствует и пытается потихоньку вернуть ее к жизни. Однако она понимала, что долго так продолжаться не может. Надо включаться, наконец, в сложную поисковую работу. Следует постоянно держать в уме рисунок цыганки и думать, думать...

Жорж вошел в воду, сообщив ей, что увидел настоящую морскую капусту и сейчас нарвет ее для салата. А она, выбрав удобную площадку из мелкого песка, взяла палку и стала чертить то, что было на рисунке. Она помнила его в мельчайших подробностях. Но когда закончила работу, все-таки достала заветный клочок бумаги и сверила рисунки. Она ничего не забыла, правда, некоторые линии у цыганки были толще остальных. Случайность это или какой-то знак? Но главный вопрос — где они? Сонька разведала, где попалась цыганка. Жорж это подтвердил. Он уже проделал немалую работу — выяснил, есть ли в этом городе дома, связанные с книгами. Оказалось, что таких памятников архитектуры немало, им посвящены небольшие брошюры, о них упоминается в солидных фолиантах.

Она так углубилась в свои мысли, что и не заметила, как подошел Жорж с огромным пучком капусты.

— Понимаешь, я хотела как бы войти в то пространство, — сказала Мера. — Может, оно само подскажет, где и что искать...

— И как? Получилось?

— Нет. Но... Произошло нечто странное. Мне этот рисунок все время напоминал про старые книги, о которых она говорила. Но как это понять, не знаю.

— А давай-ка вспомни еще раз, что именно она говорила про книги. И с чем их связывала.

— Да ведь она бредила. Ничего связного. Книги... старые, давно... книги... Живите, живите. Это нам всем пожелала долго жить, значит. А после этого два раза сказала — бойся, бойся... И на рисунок показывала...

— Да, книги тут как-то совсем не вписываются. Может, она имела в виду, что по книжным описаниям мы и сможем определить место? Я вообще не понимаю, почему она отдала тебе рисунок, все вроде сказала, а место не назвала. Ведь знала, что умирает, так не будь же собакой на сене...

— Нехорошо говоришь. Человека нет, а ты... Я уверена, что она бы сказала. Она видела, как я хочу ее спасти, что я к ней — всей душой.

— Так чего же не сказала?

— Думаю, она сама этого не знала. Не знала, как называется то место. Зарисовала его, и все. А, может, срисовала с чужого рисунка. Мы ведь не знаем, при каких обстоятельствах все произошло.

— Ты меня удивляешь, Нинок, своей мыслительной деятельностью. Вот уж не думал. В школе кое-как училась, в тюрьму попала, а рассуждаешь, как... взрослый, образованный человек с интересной биографией, много повидавший, умеющий анализировать факты.

— Жизнь учит. И мама твоя Соня много мне дала в этом плане. И еще кое-что, чего я сама понять не могу...

— Идет кто-то, — вдруг произнес Жорж. — Стирай быстрее!

Она затоптала рисунок на песке. Подошли две девушки, спросили, можно ли купаться. Жорж, обмотанный полотенцем, признался, что ему лично было холодно, и посоветовал им пойти в бассейн, который находился в самом центре этого городка.

— Ой, да были уже, — призналась одна девица. — Только нервы все измотали! Представляете? Я плыву, а тут — семейная пара, оба пузатенькие такие, еле-еле ручками шевелят, морщатся, на меня глядя. Я у бортика остановилась, чтобы отдышаться, они подплывают, и эта свинюшка подленько так спрашивает, какой у меня стиль плавания. А я ей говорю, что мой стиль называется — «Без живота»! А она мне — вот мы, мол, были недавно в библиотеке, в старинном таком доме на Волге, так прочитали там...

— Извините, девушки, мы замерзли, пойдем. Удачного плавания! — пожелал им Жорж и, подхватив Нину, направился к машине. Ее всю трясло — то ли от холода, то ли от подозрений, что на их след уже напали.

— Нет, не думаю, — успокоил ее Жорж. — О связи наших поисков с книгами знаем только мы и мама.

— И еще тот или те, кто прятал там нечто такое ценное, что за этим может гоняться сейчас половина всего человечества.

— Да, все может быть, но эту информацию невозможно связать с нами. Этот рассказ девиц — чистая случайность, совпадение. Не бери в голову.

И все-таки они решили тут же ехать дальше, а не ночевать в этом городке. Поехали на север, по дороге к Хабаровску. Она по-прежнему сидела сзади, чтобы в случае чего успеть скрыть свое лицо, а то и скрыться самой.

— Тут еще есть факт один интересный, Нинок. Меня проинформировали, что один мужчина, неприметный, но важный, направился с востока нашей необъятной родины — куда ты думаешь?

— Наверняка на запад. Не к монголам же или к китайцам.

— Ну, вообще-то мог и на север. К золотишку. К золоту. Но он действительно направился на запад! И угадай с трех раз, куда именно?

— Да неужели туда, куда мы сейчас...

От волнения и удивления Жорж даже притормозил машину.

— Нет, слушай, в тебе и правда таится нечто необычное. И я уверен, что мы с тобой...

— Перевернем всю Россию, но найдем...

— Найдем. Жаль, не знаем, что.

— Но... мало ли людей едет с востока на запад. Что особенного в этом мужичке-то?

— А ты веришь в живые предметы?

— Верю. А курятник — это предмет?

— Ну, наверное.

— Так вот. Я общалась с нашим курятником. Дома, в деревне. Лиса за курами повадилась, понимаешь? И я все высказала курятнику — дескать, не бережешь ты наших кур, позволяешь лисе подкопы под дверью делать, нет бы, нам знак какой подать... А он, курятник-то, мне в ответ как заскрипит, хотя внешне ничего на него не давило, и ветра не было. Я уж уходить собралась, а потом услышала в этом скрипе что-то членораздельное. Ох-но... Ох-но... Думаю, чего это мой курятник охает? А потом ясно прозвучало — ок-но... Я и подошла к окну. Маленькое такое у нас там окошечко, но лиса пролезть может. Так вот, там, оказалось, стекло буквально на ниточке висело. Стукни по нему — и нет ничего, дорога свободна! Так курятник меня предупредил, и мы с мамой окно заделали, стекло укрепили. Ну, как тебе?

— Да это бытовуха. Никакой романтики. Таинственности. А вот я тебе сейчас расскажу... Есть люди с редчайшими способностями...

— Мистическими?

— Именно.

— А почему редчайшими-то? Да сейчас у нас каждый десятый — экстрасенс.

— Э, нет. Я не об этих. Есть люди, рожденные только для одного дела. Честно говоря, я не знаю, как их там воспитывают, обучают, в каких условиях и кто этим занимается. Знаю только, что вещи, которые они изготавливают собственными руками, одушевленные...

Нина слушала и не верила собственным ушам. Тюрьма. Камера. Серая, годами не меняющаяся жизнь. В северных колониях луч солнца в камере — редкость. Но разве нельзя за этот луч принять сверкание лезвия? Нож вышел из рук мастера. Судьба его уже определена. Он знает, кому предназначен. Знает, кто должен полюбить его и возненавидеть. Ему известно, где начало кровавого пути и где его конец. Где главная жертва, которая пребывает в неведении и никак не связывает свою судьбу с неизвестным заключенным, своими руками изготовившим смертельное оружие. Таких мастеров немного — единицы. И ножей — тоже. Наверняка их можно назвать ритуальными. И за судьбой каждого из них следит специальный человек...

— Смотрящий?

— Можно назвать и так. Наверное. Так я к чему тебе все это говорю? Один из таких смотрящих на днях, перед моим отъездом к тебе на рыбалку, отправился... куда б ты думала?

— Ну, я же сказала — туда, куда мчимся и мы!

— Экстрасенс Нино. Звучит, да?

— Звучит. Но что это нам дает?

— Пока не знаю. Но мать не раз говорила мне, что в жизни не бывает случайных совпадений. Что все они приходят на ум, становятся известны с одной целью — помочь человеку совершить то, что он задумал. Вот мы с тобой что хотим совершить?

— Найти то, не знаю что. Пойти туда, не знаю куда. Как в сказке.

— Вот нам высшие силы и подсказывают, куда. То есть подтверждают, что мы движемся в правильном направлении.

Они въехали в небольшой поселочек и остановились — через дорогу переходило стадо коров. За коровами пошли бараны и козы. Две козы свернули в крайний домик, выкрашенный голубой краской. Там у калитки стояла женщина и держала в руках хлеб. Козы подошли к ней, и она дала им по кусочку. Нина вышла из машины и попросила хозяйку продать им молока.

— Жди. Сейчас доить буду. Можешь во двор зайти, посидеть пока.

Нина оглядела двор и удивилась — словно к себе домой попала. Так же прилепился к дому скотный двор, а к нему — сарай. И яблони в том же конце двора. И малина. И пихта такая же перед входом. И жасмин в уголке — он давно отцвел, но пожухлые цветочки его еще не облетели. Подумалось — надо же, как бывает... И вновь вспомнилась мама... Собственно, она всегда о ней думала.

Женщина вышла с пластиковой бутылкой из-под пива, в которую было налито молоко.

— Вот. Полторашка. По шестьдесят мы здесь продаем. Парное. В магазине такого не купите. Пейте на здоровье!

Нина расплатилась с ней и, попрощавшись, направилась к машине. Они попили молока, потом принялись за бутерброды.

— Представляешь? — вдруг проговорила Нина. — Хозяйка идет по двору, а там — живая тень!

Известно, что когда говоришь с набитым ртом, то некоторые буквы, слоги и даже целые слова имеют свойство исчезать. Так получилось и у нее.

— Живите? Она что, предложила тебе у нее пожить? — спросил Жорж.

— Я говорю — живая тень! Тень — живая! А ты — живите... Живите... Стой!

— Да мы и так стоим, не едем.

— Живите... Живите... Она так странно это произносила, с акцентом.

— Ты о чем?

— О цыганке. Она ведь говорила эти слова. Живите... Живите... С акцентом.

— Ну, это ты уже сказала. А в чем фишка?

— Она говорила — живитэ... живитэ... А вдруг это не акцент, а?

— Так. Поехали. И ты мне тихо, без эмоций, поэтапно расскажешь, что тебе там показалось.

— Живая тень... И этот рисунок... Остановись, давай посмотрим, пока на дороге никого нет. Смотри, какая ломаная линия. Это может быть тень от дома. Контуры.

— Ну, это какой-то совсем уж удивительный дом. Таких и не бывает, — заметил Жорж.

— Бывает. Возможно, у нее не было времени увидеть номер дома, узнать, что за улица. Значит, опасность застала ее во дворе, и она зарисовала эту тень. Наверняка понимала, что сама может туда не вернуться... Сейчас я перерисую. Вот, смотри. Это — если отбросить деревья. Они нам тоже пригодятся в качестве...

— Свидетелей!

— Оповещательных знаков.

Он взглянул на Нинин рисунок и понял, что они увидели загадку как бы в другой плоскости. Это действительно могла быть тень от дома. Большого, оригинального, с непонятным возвышением посередине, с множеством труб и, очевидно, антенн. Это явно нестандартный дом. И старинный. Трубы указывают на печное отопление, множество антенн — на то, что там живет много семей. Следовательно, это коммуналка. До сих пор, видимо, не расселенная.

— Если это так, если мы правильно мыслим, то круг поисков сужается, — заметил он. — Это явно центр города. На окраинах у нас — частные дома, в основном деревянные, одноэтажные. Так что приедем, куда наметили, и сразу на центральную улицу, будем ждать солнышка, ходить по дворам и сверяться с этим рисунком.

В аэропорту Хабаровска они взяли билеты до Екатеринбурга. Правда, был один инцидент, который им не понравился — на Жоржа при выходе на посадку навалился какой-то пьяный мужчина, но его тут же отбросил другой, следовавший за ними. Жорж поблагодарил его. Тот ответил улыбкой. Жорж прижал к себе Нину, приостановил ее, и, когда их «спаситель» прошел на посадку, они развернулись, быстро вышли из здания, сели в машину и отправились в город, чтобы затеряться там.

— У этого «пьяного» был совершенно трезвый взгляд. Знаешь, вот одно мгновение, но он как бы успел сверить нас с теми, кто в его памяти. Может, наши фотки ему показали? — признался Жорж.

Они забежали в какой-то уютный дворик с клумбами и остановились.

— Жоржик, я давно хотела спросить... А сейчас как раз к месту... Вы ведь с матушкой своей — не из простых. То есть... Вот когда ты поехал за мной, за тобой никто не мог следить?

— Да я уже думал об этом. Только — нет. Они, которые не простые-то, — по одну сторону закона, а я — по другую. И я с тобой потому, что ты такая же. За правду сидела. За людей постояла. Мы с тобой еще... учиться будем, специальности хорошие приобретем, семьи заведем. Или семью. Это уж как получится.

— Но ты же меня не знаешь. А вдруг на мне — кровь несмываемая?

— Ой, ой, как страшно! Сама-то себя хоть не пугай. Ну что, подруга, знаю я тут одного частника. Актером раньше был в Уссурийске, в военном театре. А потом бросил все, и... Кулибин, одним словом. В Москве с ним встречался. Телефон его помню. Он то ли самолет, то ли вертолет сам собрал. Летает! Может, и нас перенесет куда подальше.

Удивительно, но этот самый изобретатель ответил сразу. Более того, он вспомнил Жоржа и тут же пригласил его к себе. Узнав, что они в Хабаровске, подробно объяснил, как до него добраться. И все бы ничего, только

уже стемнело, и они решили, не выходя из дворика, нанять случайного водителя, так им было спокойнее. Рядом с одним из подъездов стояли две машины. Жорж наугад позвонил по домофону, а когда ему ответили, спросил, как связаться с хозяевами автомобилей. Через какое-то время из подъезда вышел мужчина и сразу направился в их сторону. Жорж объяснил ему, куда они собираются ехать, и мужчина сразу отказался, но, услышав, сколько ему заплатят, изменил свое решение. Только поинтересовался — чего это, мол, на ночь-то глядя? Версия про друга, который их ждет не дождется, водителю понравилась. Усевшись на заднее сиденье, Жорж сразу обнял Нину и опустил ее голову к себе на колени, приговаривая:

— Поспи, дорогая, ты так устала...

Нина все поняла — пока они едут по городу, ее не должно быть видно в машине. И если у них действительно есть то ли преследователь, то ли охранник, он пропустит эту машину, не заострит на ней внимание — пассажир-то один.

— Жалко, что ночью через перевал будем ехать, — заметил водитель. — Красота неопиcуемая! А дорога не хуже, чем на Кавказе — серпантин!

— А не опасно? — спросил Жорж.

— Сейчас нет. А вот когда дождь пройдет, а потом ударят морозы... Но лучше об этом не надо. Музыку включить?

— Можно. Только...

— Да не буду нашу попсу, не волнуйтесь. У меня «Абба» есть.

— А Моцарта нет?

— Блин! Моцартом не запасся. А еще ретро есть. Из «Весны на Заречной улице».

— Давайте.

Под сопровождение музыки Нина незаметно уснула, Жорж тоже задремал. Было еще темно, когда водитель их разбудил. Оказалось, приехали. Жорж расплатился, но попросил водителя не уезжать — вдруг им еще понадобится машина. Смущало то, что в доме по нужному адресу не было света. То есть — их никто не ждал. А, судя по телефонному разговору, должен был. Они подошли к дверям, но он не стал стучать, а решил пока осмотреться. Тишина. Никаких звуков. Нина шла за ним и дрожала. И вдруг метрах в десяти от дома они увидели полоску света, выбивающуюся из дверей. Видимо, это был гараж. Подошли ближе, потянули за створку. Дверь медленно открылась, и они замерли на пороге. Посреди ангара, который они ошибочно приняли за гараж, стоял самый настоящий самолет! Бело-красный. Или красно-белый. А рядом, сияющий, словно солнышко, гладил его крыло и улыбался друг-изобретатель.

— Юрка!

— Жорка!

Убедившись, что на этом «чуде» можно летать, они отпустили водителя.

— А чего, полетите теперь, что ли? — все-таки спросил он.

— Полетим.

— Дак... Я ведь вас могу и дальше отвезти... куда надо.

— А у нас — свадебное путешествие! Экстрим! — улыбнулся Жорж.

Юрий жалел, что не успел подготовить им иллюминацию в честь встречи — долго договаривался с аэродромами, которые могли его принять.

— Они меня знают, есть все разрешения для полетов, но сегодня какой-то день непонятный. Словом, отказы получил.

— Везде?

— Не везде. Один меня примет.

Этот «согласившийся» аэродром отбрасывал их еще на десятки километров от цели, но выхода не было. Кстати, они и не роптали — цель была настолько существенной, что ради нее стоило не бежать, а идти осторожно, проверяя каждый свой шаг — не грозит ли опасность.

А утром, с рассветом, они уже были в небе и летели над тайгой. Нина никогда не видела такого удивительного зрелища, у нее словно крылья выросли. Жорж тоже был очарован таежными красотами.

— Поэтов бы сюда, композиторов. Какое чудо искусства можно создать! Подобное тому, что мы видим, — восторгался он.

— Сам попробуй! — прокричал ему Юрий.

— Не могу. Тревожно что-то. Ты нас случайно в Китай не собираешься забросить?

— А чего, испугался? Сейчас сядем. Я законопослушный. Мне иначе нельзя, профессия обязывает.

— Какая профессия?

— Мент. Полицейский по-нынешнему. Полиционер.

— Поздравляю, — не моргнув глазом, ответил Жорж. — Мент в законе.

— Угу. А вас-то чего мотает по белу свету?

— А у нас экстрим предсвадебный. Решил Нине все красоты наши российские показать. Кто в Тайланд, а кто...

— И правильно! Советую в плавание пуститься. На Сахалин. До Владивостока — электричкой, а там — на корабль. В жизни этого путешествия не забудете!

— Ты, Юрок, прямо мысли наши читаешь.

Простились с Юрой на станции, куда уже подходила электричка.

— Ну что? Опять туда, откуда приехали... — хмыкнул Жорж.

Им повезло — пришедшая электричка оказалась скоростной и останавливалась на этой маленькой станции лишь потому, что тут находился один

из лучших в России домов отдыха. Когда по вагону начал продвигаться контроль, одна контролерша, проверяя их билеты, разговорилась с ними, и Жорж «признался», что они ничего и никого в этих краях не знают, а надо бы им аж в столицу нашей родины, но как быстрее добраться, они не знают. Проводница расчувствовалась и посоветовала им пересесть на поезд, который скоро их догонит, а потом и перегонит. Но призналась, что на него прямо беда с билетами, особенно сейчас. Нина осторожно спросила — может, там найдется добрая проводница и приютит их, они готовы заплатить двойную цену.

Женщина тут же связалась со своей подругой, работавшей на скором поезде, и договорилась с ней о негласных пассажирах. А потом подсказала, где им лучше пересесть на поезд, и в какой именно вагон. Честно говоря, «молодые» не ожидали такого везения. Забегая вперед, надо сказать, что оно сопровождало их вплоть до самого нужного им сейчас города. Им даже не пришлось ехать в Москву — этот поезд следовал в столицу именно через него. И приехал в старинный город тогда, когда только-только пробивался рассвет. Сойдя на перрон, они оба почувствовали, что их окружает воздух... удачи! Она была растворена в каждом сантиметре этого воздуха, и у них даже закружилась голова...

— У моей мамы тут куплена однокомнатная квартира. Ключи у соседей. Так что мы сейчас — прямо туда. Отдохнем, приведем себя в порядок, и... — сказал Жорж.

Квартира оказалась недалеко от вокзала, на пятом этаже. Соседка была дома, так что никаких проблем. Внизу дежурил консьерж. Показалось ли Нине, что он посмотрел на них слишком уж изучающим взглядом? Наверное, показалось. И все же она сказала об этом Жоржу.

— Что ж — поживем, увидим!.. — кивнул он.

Магазин был внизу, и пока Жорж ходил за продуктами, Нина нежилась в горячей ванне и была совершенно счастлива. Они организовали себе ужин при свечах, которые нашли в кухонном шкафу, и чувствовали себя как в сказке. Но тут сквозь сказочное пространство пробился телефонный звонок. Жорж взял трубку.

— С возвращением! — четко прозвучал мужской голос. И на том конце провода повесили трубку.

— Это кто? Кто, Жоржик?

— Отец...

— Ох, а я уж испугалась. Значит, за нами все время следили. Следовательно, и про меня им... ему известно.

— Не знаю. Не пойму пока. Я не очень близок с отцом. Он — по другую сторону. Так что...

— Утро вечера мудренее?

— Именно!

Лирический настрой прошел, уступив место тревоге. В комнате было два раскладных кресла, они постелили себе, пожелали друг другу спокойной ночи и уснули — ведь день был такой насыщенный, полный самыми разнообразными событиями...

А утром их авантюрные скачки продолжились — только теперь уже по прекрасному русскому городу. Выходя из дома налегке, будто бы в соседний магазин, они застали консьержа за разбором свежих газет.

— Пойдите, молодые люди, не спешите. Пресса!

— Ой, отложите нам самое интересное, на ваш вкус. Мы сейчас вернемся и все у вас купим, — бодро объявила Нина.

Они действительно зашли в магазин, который находился в поле зрения консьержа, однако, увидев, что в мясном отделе как раз разгружают товар, и дверь во двор открыта, ринулись туда. Их никто не остановил. Они поймали машину, доехали до фабричного района и высадились недалеко от льнокомбината.

— Вот здесь была цирковая гостиница. И мама одно время жила в ней. Мне тогда было несколько месяцев всего, а у нее не было молока. И женщина из дома рядом... да вот он, этот дом... у нее был такой же ребенок, и она меня иногда кормила грудью. Так что здесь у меня есть молочный брат.

В этом деревянном доме не было ни звонков, ни кодовых замков. Они поднялись на второй этаж. Дверь открыла женщина лет сорока пяти. Она очень удивилась, узнав, что молодые хотят снять комнату в этой развалюхе. Тогда Жорж рассказал ей, чем дорог ему этот дом.

— Надо же... А ведь я маму вашу помню. И вас тоже. В пеленках. Есть у нас с мужем комната. Сын редко приезжает, так что пустует она. Я пушу вас, но только, извините, паспорта ваши все же не худо бы глянуть. Время такое. Так... Ну, все в порядке. А столоваться у нас не хотите?

— Хотим!

Комната понравилась. О цене договорились быстро. И так же быстро отправились за новой одеждой, чтобы спокойно ходить по городу и не быть узванными. Длинная черная юбка и легкое полупальто-размахайка, а также черная шляпа, скрывавшая пол-лица, делали Нину немного старше и полнее. Жорж умудрился найти трикотажную куртку с большим капюшоном, свои модные джинсы сменил на обычные брюки и, вдобавок ко всему, водрузил на нос очки — правда, не черные, а чуть затененные. И тоже стал казаться гораздо старше.

Довольные, они вернулись домой, перекусили и снова отправились в город, на этот раз решать свою главную задачу — искать. То ли дом, то ли

тень от него, то ли особый ряд чего-то, обозначенного на рисунке. Они верили, что у них все получится. Что судьба, либо какая-то иная сила подскажут им, где надо остановиться, к чему приглядеться. Что будет некий толчок, направляющий перст, которому они доверятся.

Начать решили с самой главной улицы города — Советской.

Глава 5

Мой милый мальчик

Несмотря на усталость, Зоя Алексеевна отправилась осматривать красоты моей деревни, а я, приготовив ужин, взяла, наконец, в руки свой любимый журнал, последний номер. Открыла его, и — боже милостивый! Да как же получилось разместить в этом журнале крупным планом мой старый сарай, на месте которого мы с Зоей Алексеевной стояли три часа назад! Он словно подмигивал мне с черно-белой фотографии — вот, дескать, какие мы, старые сараи, нас уничтожают, а мы живем и радуемся. Подпись гласила, что это — один из старых дворов русского города с тысячелетней историей... А рядом с сараем был запечатлен двухэтажный деревянный дом, которого давно уже не существует. И если сарай мне по-доброму улыбался со снимка, то дом был мрачен, как и при своей жизни. Я быстро прочла текст — довольно поверхностное описание нашего двора, и задумалась — к чему бы это? Еще ни одно совпадение не проходило для меня просто так, без последствий.

Пришедшая с прогулки Зоя Алексеевна сразу уловила мое состояние. Я молча показала ей на открытый журнал.

— Да это же... просто невероятно! Все, как вы и описывали, Наташа. А какая четкая фотография... Печать хорошая. Даже замок на сарае виден. Какой-то необычный.

— С колесиками. Набираешь определенную комбинацию цифр и открываешь. Или запираешь.

— А тут у вас что-то висит на сарае. Колпак какой-то.

— Это сачок моего брата. Для бабочек. А сарай — заплатка на заплате. Я как-то раньше и не замечала. А вон ту железку — видите? — у нас даже украсть хотели. Она на двух болтах тут привешена, один разболтался. Так мы ее потом спрятали. У нас ведь школа рядом, и жильцы наших домов вздрагивали, когда там объявляли сбор металлолома.

— А чего ее прятать-то? Отдали бы.

— Так ведь родители дачу хотели купить за городом и берегли все, что там могло пригодиться.

— Купили?

— Да. Только на этой даче все уже было, запоры-заборы, старое ничего не пригодилось.

Не успели мы поужинать, как волшебные совпадения продолжились. Вероятно, они жили какой-то своей жизнью и не считались с нашими чувствами и временем. Звонок по мобильнику высветил на экране незнакомый номер. Я избегаю разговаривать с незнакомыми людьми. Тогда с этого номера мне пришла «эсэмэска», убеждающая взять трубку — отправитель послания назвался историком-краеведом, и я ответила. Выслушала его настойчивую просьбу о встрече и согласилась, логично подумав, что интересую его как писательница. Мы договорились встретиться на следующий день в областном музее.

Пока я разговаривала, Зоя Алексеевна рассматривала журнальные фотографии, поворачивая их и так, и этак.

— Что тут за штырь, не пойму, — сказала она.

Действительно, что-то торчало на фоне крыльца деревянного дома.

— Зоя Алексеевна, так это карусель, просто вся она не вошла в объектив.

— И куда ее потом дели?

— Куда дели? Ну, я не знаю. Разобрали, доски-то людям могли пригодиться. А железо все в металлолом пошло. Наверное. Что-то с этим было связано. Не помню сейчас. Потом, может, всплывет в памяти.

— А не пора ли нам, Наташенька...

— Спать?

— В Интернет! Наберите-ка там вашего историка. Слишком уж тревожные у нас с вами... артефакты. В вашей сумочке.

Оказалось, историк такой действительно существует. Была приложена и его фотография. И все же надо будет завтра при встрече поинтересоваться его документами. И если он хотя бы намекнет на... А на что, мы и сами не знали. Но решили, почувствовав тревогу, бежать к Комову и признаваться ему в сокрытии записки и ста долларов. Жизнь дороже раскрытия даже самых таинственных загадок.

Но признаваться ни в чем не пришлось. Историк ждал нас при входе в музей с удостоверением Союза журналистов. Правда, он воззрился на Зою Алексеевну с удивлением — мол, рассчитывал увлечь рассказом одну даму, а их оказалось две. Чувствовалось, что в музее он — свой человек, а потому для беседы нам была отведена небольшая комнатка. Я не бежала впереди паровоза — ждала, когда он скажет, зачем ему понадобилось наше общение.

— За свою долгую жизнь я убедился, что дамы любят удивляться. И всегда стараюсь их удивлять.

Реакции не последовало, и он продолжил:

— И вот сейчас, именно сейчас, Наталья, я уверен, что вы будете сражены... Вас пронзит пика прошлого... Вашего далекого детства...

Мы молчали. Я ждала, что последует за пикой. Вдруг — автомат Калашникова? Историк явно блуждает в глубинах своего подсознания... И потом, что значит — далекого детства? Я что, старуха? Мне восемьдесят лет?

И вдруг он странно повернулся на каблуке, словно балерун на сцене, выхватил, будто из воздуха, большой серый альбом — прямо как фокусник в цирке! — и положил его перед нами на стол. Возможно, он думал, что мы сразу кинемся его открывать, но мы терпеливо ждали продолжения спектакля.

— А теперь — внимание! — изрек историк. — Одним волшебным движением руки... вот так... мы открываем двери в прошлое! — и открыл, наконец, этот серый альбом...

Я была поражена — прямо на нас опять смотрел мой старый сарай с пристроенным к нему небольшим курятником. Мы недоуменно уставились на историка. Он явно ожидал другой реакции!

— И... что вы хотите этим сказать? — тихонько спросила я, отправляясь в разведку. Мы ведь не знали, что ему надо. Конечно, если бы не записка и зеленая бумажка в моей сумке, реакция была бы совершенно другой.

— Но... вы что, не узнаете? — обескуражено спросил историк.

— Что-то знакомое, — промямлила я.

— Да это же сарай в вашем дворе! Неужели забыли? И, по моим сведениям, он принадлежал вашей семье.

— Хм... Действительно, похож.

Обескураженный краевед обратился за помощью к Зое Алексеевне:

— Вы ведь помните, да? Вы тоже из этого... двора?

— Нет, нет, я приехала к Наталье в гости. Из Москвы. И совершенно ничего не знаю об этом городе.

— Печально.

— Ну, почему же...

— Я имею в виду — печально, что вы мне не сможете освежить память вашей... подруги.

— А зачем вам необходимо освежать ей память?

Зоя Алексеевна правильно задала этот вопрос. Кстати, можно было просто встать и уйти, а не сидеть здесь подопытными кроликами, но мне хотелось выяснить, что же этому типу надо. Потому что в его вопросах, во взглядах, которые он на нас бросал, чувствовалась какая-то нехорошая подопле-

ка. Нечто злобное. И мне хотелось знать, что тому причиной. Ну, не узнала я наш сарай, так ему-то какое дело? И тут он как-то весь напыжился и стал говорить о наших корнях, о том, как он по разным сусекам собирает такие вот снимки, чтобы, показав их людям, для которых дороги изображенные на фото места, записать их воспоминания. А потом он стал листать альбом, настойчиво продолжая показывать нам фотографии. Но почему? Зачем? И... двор у нас был очень большой, в нем находилось четыре дома, а на снимках — исключительно наш сарай и все, что вокруг него. Кстати, и карусель тоже. Еще не сломанная.

— Да, кажется, это действительно наш двор, — сдержанно произнесла я.

Зоя Алексеевна же, извинившись, ушла в прилегающий к комнате музейный зал рассматривать экспонаты. Якобы. Но дверь за собой не закрыла.

— Но это точно он! Я знаю! Я же и снимки эти выпросил у прежних жильцов!

— Как интересно...

— А сейчас я покажу вам одну картину... Масло. Может даже, вы ее узнаете.

И краевед развернул полотно, стоявшее на окне «спиной» к нам. Мне показалось, что это уже не смешно — на картине был изображен... ну, конечно же, опять наш старый сарай! И картину эту я помню. Жил в нашем доме художник Дубов, мы часто видели его во дворе с этюдником. Несомненно, это его работа.

— Вижу, вы узнали. Я слышал, что вы, в некотором роде, писательница, и мне бы очень хотелось, чтобы вы описали это место... То есть — ваш сарай... Ну, вот что в нем раньше хранили, например. Вы не удивляйтесь моему предложению — ведь сменились поколения, прежний быт давно ушел в прошлое, но сегодня с ним должны иметь возможность познакомиться. А если мы все перечеркнем и забудем...

— Я понимаю вашу логику. В целом. Но кое-что совершенно неясно. У нас во дворе была масса интересных вещей. Например, самодельная сцена. Мы ставили там спектакли. Очень красивые сараи из красного кирпича, разделенные внутри на отсеки. Снаружи это здание было украшено орнаментом. Очень красиво! А какой интересный резной стол стоял под березой — мужчины за ним играли в домино. А вы почему-то выбрали только наш сарай... Нам просто не досталось места в кирпичном здании, вот родители и пристроили к нему свой — абы из чего.

— Ну, знаете, старый быт — это совсем не обязательно красота. Уж какой был.

— И все же... вы не ответили на мой вопрос.

Тут на пороге выросла Зоя Алексеевна.

— Я сейчас посмотрела изумительные кованые изделия. Тут выставка работ Игнатия Горячева. Это ваш батюшка?

— Ну да.

Молодец Зоя Алексеевна! Я и внимания не обратила, хотя еще при входе в музей было объявление об этой выставке. Да и в Интернете, когда мы искали историка, выставка выскакивала прямо нам в руки.

Он немного замаялся, но тут же вновь воспрянул духом.

— Вот сейчас я и отвечу на ваш вопрос. Выставка-то ведь не из воздуха взялась. У батюшки мало что осталось, а он был не просто кузнец — художник! Такую кованую ограду мог сделать! И я много лет собирал все по крупицам. У кого — дверцу от печки, у кого — подставку под фонарь, у кого — подсвечник. И в вашем доме тоже были его работы. Вот я и хочу прояснить их судьбу.

Нет, что-то тут явно не то! Если тебе надо найти какую-то железяку, ты так и спроси — где, мол, она, не помните? Может, до сих пор что-то подпирает или в этом же дворе, или у кого-то на даче. И зачем городить весь этот огород с альбомами, фотографиями?

— И... получить от вас их описание, — продолжил он.

— Чье описание?

— Да творений моего батюшки. Вот этот снимок в альбомчике-то, видите? Ох, извините, что я так неясно изъясняюсь.

— Да вижу, вижу!

— А вот он же, сарайчик ваш, — крупным планом!

И он вновь, словно фокусник, вытащил откуда-то большой лист, на котором это фото было увеличено раз в двадцать! Мы с Зоей Алексеевной с любопытством взирали на эти превращения.

— И что? — не выдержала я.

— А вот вы на эту стенку-то вашего сарайчика посмотрите. Вот в серединке, видите, досочки-то что подпирает?

— Железяка. На двух болтах, — ответила я.

— Э-э-э... Это не простая железка. Отец сделал ее с орнаментом. Она сейчас здесь, в музее-то, знаете, как заиграла бы! Но — увы! Не смог я ее найти!

Правильно. Мы же с бабушкой ее закопали. Но что-то не помню я никакого орнамента.

— А... вы не знаете, куда она могла деться? — спросил он. При этом голос его явно дрожал. Да что же это такое! Из-за какой-то железки. И взгляд его стал довольно вкрадчивый...

— Не знаю, — твердо ответила я, не дав Зое Алексеевне раскрыть рта. Она-то ведь знала про наши с бабушкой захоронения.

— Но ведь сарай разламывали ваши родители.

Надо же! Видимо, специально интересовался.

— Да. Но они не хотели. Это был приказ городских властей.

— Знаю, знаю, я покопался в архивах. Но, вероятно, вы при этом присутствовали. Куда это все дели, не помните? Ну, доски там, эту железку. Она ведь тяжелая, ее далеко не унесешь.

— А тогда в школе металлолом собирали. Ребята, наверное, и утащили.

— А... каруселька-то? Каруселька-то куда делась?

После этого вопроса он как-то весь побледнел.

— Да не помню! Мы ее не любили. Мальчишки так ее раскручивали, что кто-нибудь обязательно падал.

Наш краевед как-то весь сгорбился и погас. Дрожащими руками стал переключать бумажки, затем вытащил из кармана нитроспрей — сердечное средство, боялся, видимо, задохнуться. Сердце мое дрогнуло. Я уже, было, собралась рассказать ему правду, как вдруг он стал извиняться за отнятое у нас время и, взглянув на часы, произнес:

— О, вы уже были в нашем новом ресторанчике? «Обеды у Григория»? Рекомендую. В народе называют просто — «Обеды у Гэ». Цены там днем, как в обычной столовой. А уж меню! А качество!

Мы с Зоей Алексеевной были сражены и заявили, что прямо сейчас туда и отправимся. И я еще крепче сжала свою сумку с запиской и сто долларововой бумажкой.

Естественно, у меня промелькнула мысль о связи между посылкой в сундуке, железкой, когда-то висящей на нашем сарае, этим краеведом и рестораном. Но железка совершенно выпадала из этой цепочки.

Уже выходя из музея и глядя на еле двигающегося, расстроенного от моего беспамятства историка, я решила все же его пожалеть и выдать хоть частичку правды.

— А знаете, я вспомнила, куда девалась большая железка от каруселей. Ну, тот штырь, что был в самой середине.

Он аж изменился в лице.

— И... куда? Да по стойте, не уходите! Это же... Карусель ведь отец мой устанавливал.

— Но не он же этот штырь ковал.

— Ну, все равно мне это дорого как память.

— Ну да. Так вот — всю металлическую часть увезли на кладбище!

— На какое кладбище?

— На Центральное. Соседа тогда хоронили. Видно, этот штырь мог там пригодиться, мужчины его раскачали и вытащили.

— А кого хоронили-то?

— Дядю Пашу Тихомирова.

Когда краевед начал нас благодарить, губы его мелко дрожали...

Ресторан нам понравился. Удобные столы, стулья, больше похожие на мягкие кресла. Сразу в глаза бросился большой щит в рамке с красиво начертанными стихами. Они были сногшибательно смелыми и оригинальными:

*Не поедешь ли, Григорий, в Париж?
— А чего я там забыл? Не поеду.
Ведь душа-то только здесь воспарит!
И прошу вас у меня отобедать!*

Улыбка не успела погаснуть, потому что меню было столь же оригинальным. Мы сели так, чтобы видеть двери музея и по возможности отправиться за краеведом, хотя сами пока не знали, зачем нам это нужно. Однако я решила вернуться к нему и, поручив Зое Алексеевне заказать обед, вновь побежала через дорогу. Не знаю, какая сила меня туда вела. Или какая муха меня укусила. Просто было интересно, что он там сейчас делает, этот загадочный мужчина, который непонятно что хотел узнать и неизвестно чего боялся. Словно ему, как пионеру, дали какое-то поручение, а он его не выполнил. Я уже, было, схватилась за ручку двери комнаты, где мы беседовали, но решила повременить, так как услышала, что историк разговаривает по телефону.

— До этого я вообще не дошел. А смысл? Не помнит. Пошли к Григорию.

Получается, что в разговоре со мной он должен был до чего-то дойти, но не дошел, потому что я плохо все помню. Он действительно не выполнил поручения. Ну, так надо дать ему возможность это сделать! И я тактично постучала в дверь.

— Да, да, входите.

Войдя, я сделала вид, что что-то ищу.

— Извините, Валентин Игнатьевич, я у вас тут ручку свою не оставляла? Дело в том, что она у меня особенная.

Он пробормотал по телефону, что к нему пришла писательница, то есть дал понять своему собеседнику, что я вернулась, выслушал напутствия и переключился на меня:

— Как хорошо, что вы вернулись! Ручку потеряли? Не видел, не видел. А что в ней такого особенного-то, вы сказали?

— Да еще не сказала. А вы хотите знать?

— О, я так многое хочу знать! Я ведь краевед. Вот именно сейчас у меня очень интересный период. Я изучаю быт людей прошлого века. И не только, знаете, чашки-ложки-поварежки. Я как-то не рискнул затронуть эту тему,

а вот сейчас все же хочу. Существует кладезь мыслей Вселенной... Сокровища Высшего разума... где хранится информация о каждом из нас. И неважно, жив человек или уже умер. Вы меня понимаете?

— Конечно. Более того, я в это верю.

— Прекрасно! А вы не допускаете, что этот, скажем, информационный центр может быть воротами в параллельный мир? Или миры?

— Допускаю.

— И давно?

— Давно.

— Тогда, вероятно, вам знакомо утверждение, что такая информационная база Вселенной может размещаться в некоем пространстве, ограниченном... черепом?

— Хм... Я вообще-то слышала про шаманов, у которых такое же мнение.

— Ну да! А вот вы в детстве ничем подобным не занимались? Не гадали, не пытались проникнуть в какие-то тайны, как эти шаманы?

— Да нет. Хотя череп-то у нас был. Железный. Очень страшный. И тяжелый.

Глаза у историка странно блеснули — думаю, от волнения. Он облизнул свои пересохшие губы и начал икать. Это мешало ему вытягивать из меня нужные сведения.

— Череп — ик! Был — ик! Наверное, его тоже... ик! Сработал мой бабюшка! А уж как мне дороги все его творения... ик! Особенно этот... ик! — череп.

— Да уж он, небось, проржавел весь, лежа в земле, там уж никакая информация не удержится.

— А почему... ик! — в земле?

— А потому что однажды нам стало с ним страшно, и мы его закопали!

— Где?!

Этот вопрос вырвался у него, как пламя из головы Змея Горыныча. И потому я без запинки сообщила ему первое, что пришло в голову:

— А недалеко от забора, за которым школа. Рядом с сараями, которые потом сгорели. И он, скорее всего, сгорел, на том месте одни головешки тлели. А сейчас это место уже не в нашем дворе. Я его и не найду. Там стройка, пятый этаж возводят. Всю землю вокруг искромсали.

Но, видимо, он не привык сдаваться. Либо тот, кто стоял за ним, мог вытрясти из него за этот череп всю душу. Он стал умолять меня поехать с ним в мой старый двор и хотя бы приблизительно показать ему место захоронения черепа. Я отнекивалась, объясняла, что у нас уже заказан

обед, но, в конце концов, сдалась — надо же мне знать, зачем ему все это нужно. В горячую любовь к папиным произведениям я не верила.

За обедом мы с Зоей Алексеевной успели тихонько обсудить судьбу черепа. И мою собственную, ибо появляться сейчас в своем бывшем дворе мне, вероятно, не следовало. Мало ли кто мог меня узнать! Утешало то, что мы будем по другую сторону забора, и меня сможет загоразивать Зоя Алексеевна.

— Наташенька, а вы знаете, где действительно находится этот череп?

— Думаю, да.

— Прекрасно! Потому что я много читала о таких вещах. Порталах. И они...

Историк вырос у нашего столика с сообщением о том, что машина подана. И мы отправились в разведку. ... Валентин Игнатьевич про это не знал. Он думал, что сейчас мы откроем перед ним врата рая. Именно так блестяли его глаза. Он задыхался от волнения и все время нервно улыбался.

Мы подъехали к месту пожара почти тридцатилетней давности со стороны стройки и стали соображать, где же стояли те самые сгоревшие сараи. Я хотела по возможности быть честной и показать именно то место, о котором говорила. А для этого встала спиной к собственному дому и двору и представила, где у нас тут раньше что было. Тут вдруг ухнула дверь «ночника», и оттуда кто-то выбежал с воплями и визгом. Я согнулась в три погибели, как бы исследуя землю, а сама боковым зрением пыталась определить, что же там происходит. Мне показалось, что у моего старого дома дерутся женщины!

— Боже, что это там? Они мешают мне сосредоточиться! — воскликнула я.

— Наташенька, вы не отвлекайтесь, а я схожу, узнаю, не требуется ли там помощь. Может, им надо вызвать полицию или «скорую».

И Зоя Алексеевна зашагала вдоль забора, ища лезейку — калитки-то здесь не было. Историк же не сводил с меня глаз.

— А посмотрите вон на то дерево. Это бузина? Я в этом плохо разбираюсь. Если бузина, то это нужный ориентир. Она росла возле помойки, как раз между каменными сараями и этими. И оттуда шагов тридцать было до нужного нам места.

Историк быстро сбегал к высокому дереву и доложил мне, что сомнений нет — это действительно бузина. Мы отсчитали с ним примерное количество шагов до сарая, а для вящей правдоподобности я «вспомнила», что это место было недалеко от школьного забора.

— Знаете, почему запомнила? Там как раз была площадка для прыжков в длину. Шли занятия, и мы с этим черепом ждали, пока урок кончится, и все уйдут. А забор, кажется, в школе не меняли, значит, это где-то вот здесь...

Район поисков был определен с точностью до четырех-пяти квадратных метров. Историк был доволен. А Зоя Алексеевна между тем исчезла в недрах старого дома. Я забеспокоилась, не случилось ли с ней чего-то плохого. Историк выразил желание пойти и все проверить и очень удивился, что я не хочу этого сделать вместе с ним. Он, видите ли, думал, что у меня сердце должно трепетать от одного вида родного дома... И что я должна использовать каждый подходящий момент для общения с ним. Но я объяснила, что даже издали смотреть на него — для меня сердечная травма, и мне просто необходимо себя поберечь. Он ушел и скоро вернулся вместе с упирающейся Зоей Алексеевной.

— Представляете, Наташенька, я никак не могла их успокоить! Они просто как две... волчицы! Молодая и пожилая.

— Без вас разберутся, — заявил нам краевед. — Машина ждет. Вас куда теперь?

Мы ответили, что отпускаем его вместе с машиной, а сами еще погуляем по городу. Он отбыл, а Зоя Алексеевна рассказала мне, что крик начался, когда в магазин вошла уволившаяся продавщица — забрать свои личные вещи. Директриса толкала ее из стороны в сторону, пытаюсь выяснить, какую бабу она пустила в тот вечер. Понятно. Это, очевидно, подействовал мой звонок.

— И когда я пришла на крик, они обе были уже в магазине. Пожилая меня тут же схватила и закричала: «Ее? Ее пустила»? Но на лице вашей Кати отразилось такое искреннее недоумение, что она меня отпустила. Надо направить туда полицию.

Я позвонила Комову и сказала об угрозе жизни бывшей продавщицы Кати. Он же, в свою очередь, сообщил мне новые сведения о вражде двух криминальных кланов, Лустера и Черного. Мне пришло в голову спросить, не является ли краевед Валентин Игнатьевич Горячев, сын кузнеца-художника, членом одной из этих группировок. Комов очень удивился моему вопросу, потому что батюшка историка и отец Черного выросли в одном дворе и сохранили дружбу до преклонного возраста. Владимир Иванович был уверен, что это передалось и их детям.

— Наташенька, когда я оказалась в вашем старом доме, то... Во-первых, я поняла, что он живой. От него исходит некая энергия. А во-вторых... Понимаете, на меня повеяло чем-то далеким. То есть я хочу сказать...

Если у этого дома есть какая-то тайна, из-за которой ломаются копыя, то это связано с его прошлым. Скажите, а ваша бабушка не рассказывала вам ничего особенного про него? Мне кажется, надо посмотреть именно с этой стороны. И у меня есть тому подтверждение. Чувства чувствами, а когда я туда вошла, стоял истошный крик, но сквозь него ясно прозвучала фраза: «Ты специально пробралась! Как шпионка! Твой брат тут все крушил да ломал!»

— Ох, Зоя Алексеевна, с этого, может, нам и надо было начинать. И бабушка, и все другие бабушки во всех комнатах этого дома твердили одно и то же — раньше, до революции, здесь жил один богатый человек, и, перед тем как бежать за границу, он спрятал все свои ценности. Дальше все зависело от фантазии. Одни утверждали, что клад замурован где-то в стене, другие — что закопан во дворе либо под домом. Была даже версия, что он спрятан на чердаке, в одной из огромных деревянных балок. Дескать, это она с виду только деревянная, а внутри — железо, а в железе... Так ведь все балки истыкали кто чем, одну даже заменить пришлось. Было собрание жильцов, всех стыдили. Ругали за предрассудки. Стенгазету даже в ЖЭКе выпустили, как жильцы клад ищут. Вот после этой стенгазеты к нам во двор и стали подозрительные люди похаживать. Бабушка-то мне и говорила — нет дыма без огня. Она была уверена, что клад существует.

— То есть, вполне возможно, что брат этой продавщицы Кати, которая вроде уволилась, но опять тут появилась под предлогом забрать свои вещи, работал в вашем доме, строил этот магазин. И теперь он под подозрением. Но... Магазин, как я поняла, появился тут не вчера.

— Ну да. Не меньше двух лет назад.

— Вот-вот. А строить его начали еще раньше. То есть — ломать ваш дом. А что там было, на месте этого магазина?

— Парадное. Главный вход в дом.

Господи, сколько игр мы провели в этом парадном! Широкая деревянная лестница была для нас входом в другую жизнь, потому что стены представляли из себя удивительные картины — красивые дамы и кавалеры верхом на прогулке. Их шляпы украшены перьями, одежда — драгоценностями. Правда, я плохо помню их лица. Мне все время хотелось сфотографировать эти картины, но у меня не было фотоаппарата, а когда он появился, жилконтора уже замазала стены известкой — для порядка, старая краска, мол, облупилась. Дам в перьях и мужчин в высоких жабо мне не было жалко, но я почему-то до сих пор вспоминаю мальчика, сидящего в углу. Его удивительное лицо. Он рассматривал шкатулку, лежащую у него на коле-

нях. А, собственно, почему в его руках оказалась эта шкатулка? Так решил художник? Но где тут логика? Раньше я никогда не задавала себе ни одного вопроса про этого мальчика. Ни единого. И почему это всплыло сейчас?

Я рассказала Зое Алексеевне про эту фреску во всех подробностях, и мы решили, когда вернемся домой, воссоздадим ее на бумаге.

И что у нас получилось? Летний день. Парк либо какая-то площадь с деревьями по бокам, по которой прогуливаются люди. Светит солнце. А в стороне, прямо на траве, сидит мальчик и смотрит в открытую шкатулку. Для чего он здесь нарисован? Этот образ как-то выпадает из общей картины... Всех освещает солнце, а мальчик — в тени, потому что от солнца его закрывает увитая плющом арка. И рядом — цветы, много цветов... О, боже!

— Зочка Алексеевна... Зочка Алексеевна... Клеенка... А справа должен быть мальчик. Под аркой. Но его нет. И шкатулка!

— Вот, выпейте-ка, Наташенька. Это простая валерьянка. Сейчас я и запить дам, жаль только, бутылочку маленькую взяла. Успокойтесь, ни о чем не думайте. — Она протянула мне таблетку, задумалась ненадолго и вдруг спросила: — А во что был одет этот ваш мальчик?

— В коричневую курточку. И штанишки чуть ниже колена, там они застегивались на пуговицы.

— И на чем он сидел?

— Прямо на траве. У этой арки. И смотрел в свою раскрытую шкатулку. Она лежала у него на ногах. Все вокруг веселились, на лошадях катались, а он уткнулся в нее и не обращал ни на что внимания. Он вообще был как бы ни при чем, выпадал из общей картины.

— Наташенька, а видно было, что он там рассматривал?

— Увы, крышка не давала этого увидеть. Видна была лишь часть стенки шкатулки. Очевидно, если там что-то было, то лежало глубоко внизу...

— Определенно что-то было, иначе чего бы он туда смотрел? Хотя... Понимаете, это может быть знак. Для потомков хозяина дома. Дескать, тут наследство, в этом самом месте, где шкатулка. В стене, которую при строительстве, вероятно, разрушили...

— Нет, ее не могли разрушить. Эту часть стены вообще не трогали. Ее лишь забелили известкой. Сейчас этой частью бывшего парадного владеет хозяйка нашей старой квартиры. Она его приватизировала, установила там душевую кабину, провела туда водопровод. Но мальчик на картине, вероятно, мог сохраниться...

— Мальчик давно вас ждет... Он плачет... И как это понимать? Я цитирую записку, Наташенька.

— Да, и это еще одно совпадение. Думаю, не надо на нем зацикливаться.

Конечно же, мы с Зоей Алексеевной стали думать, как проникнуть в дом со специальными инструментами и вскрыть в стене то место, которое охранял наш милый мальчик. Можно явиться туда хоть сейчас с молотком и ломом, но за нами пойдет целый хвост любопытных, которые тут же отыщутся, особенно после произошедших в доме событий. Да еще и меня узнают! Зоя Алексеевна мыслила более конструктивно и законопослушно — следует обратиться в отдел охраны памятников, назвавшись, скажем, искусствоведами, и взять разрешение на осмотр дома — якобы для написания книги о прошлом таких вот старых домов. Она перебрала в своей сумке штук двадцать визиток — при ее сыскной работе они всегда могли пригодиться. Выбрали одну — консультант-референт председателя Общества по вопросам культуры, искусства и архитектуры. Что это за Общество, никому не ведомо, но — звучит! Правда, в отделе охраны памятников могли в этом усомниться...

— Я пойду «играть спектакль», а вы, Наташенька — в магазин. Купите себе большую плотную сумку и уберите в нее вашу котомку, которая слишком привлекает внимание. А еще вам очень пойдет широкополая шляпа...

— И черные очки! Баба в очках, с ружьем и в автомобиле!

— Я тоже люблю этот детектив. Но надо полностью сменить имидж. Может, состарить себя? А что? Купите этакое длинное платье до пят. Туфельки свои — в сумку, а ноги — в тапочки, или в туфли без каблучков! Да вас ни одна собака не узнает! Хорошо бы еще, конечно, парик.

Я улыбнулась — вот как раз с париком проблем не будет. Через полквартила от моего старого дома — рыночек, где торгует мой дальний родственник, и один отдел у него полностью отдан парикам. Когда я это увидела, была поражена — неужели они нужны в таком большом количестве? Оказалось, да — больным, рано лысеющим, ну и, конечно, молодящимся. Да и театрам, и филармонии, и другим сценическим коллективам. Так что мы с Зоей Алексеевной отправились в разные стороны. Честно говоря, я не ожидала от нее такой прыти.

Все свое новое облачение я купила у родственника. А вот парик взяла напрокат. Пока я была в примерочной, он принес мне подходящую сумку. Так что с рынка я вышла уже глубокой старушкой, так внятно и не объяснив родственнику, зачем мне это надо.

— Зная твои наклонности, предполагаю, что ты отправишься в очередную авантюру, — усмехнулся он. — Когда будешь все это описывать в оче-

редной книге, не забудь упомянуть мой павильон на рынке. Это будет хорошей рекламой для моих покупателей.

Я пообещала. И шепотом попросила у него займы молоток и нож. Он принес мне еще вдобавок какой-то скребок и тесак, пошутив, что, если на меня будут нападать, то этим инструментом я могу снести врагу голову. Я надела седоватый парик, покидала инструменты, тщательно завернутые в какие-то тряпичные обертки, в новую сумку, а свои брюки, куртку и другую одежду оставила на рынке, под охраной родственника.

Мы созвонились с Зоей Алексеевной и договорились встретиться у городского фонтана, так как находились в равноудаленных от него местах. Я подошла туда позже и увидела, что Зоя Алексеевна также полностью преобразилась. Вместо скромной кофточки на ней была какая-то цветастая размахайка, приличествующая в художественных кругах, легкая кепка, которые только-только вошли в моду, и шелковый шарф цвета аквамарин, обмотанный вокруг шеи. Несколько раз она прошлась по мне взглядом, и только когда я сделала ей знак, пошла мне навстречу.

— Ну, бабушка Наталья, бумага добыта, теперь — вперед!

И мы, две старушечки, отправились к моему старому дому.

— Я — искусствовед, — сказала Зоя Алексеевна, — а вы — мой консультант. По вопросам устройства окон и полетов из них на метле, — добавила она.

— На кочерге. Надо бы увезти ее в деревню, там она мне пригодилась бы.

Мы вошли во двор, а, подойдя к подъезду, вдруг обнаружили, что дверь заперта! Я набрала нужный код — бесполезно. Вот тебе и на! И тут я услышала, как тихо скрипнула дверь черного хода «ночника» — значит, за нами наблюдали. И сразу же из магазина выскочила какая-то женщина и, недовольно глядя на нас, проговорила:

— В доме никто не живет, всех расселили.

Видимо, директриса. Поскольку я никогда с ней не встречалась, то взяла у Зои Алексеевны добытое разрешение на осмотр дома и показала его «любопытной Варваре». Заодно спросила, не знает ли она, как можно проникнуть внутрь, ибо времени у нас — в обрез. И добавила, что это — не единственный дом, который мы обязаны осмотреть и который войдет в книгу...

— Рекордов Гиннеса, что ли?

— Нет. В книгу наиболее любопытных исторических памятников.

— Ладно. Набирайте 68-68. А откуда вы старый код знали? Я видела, как вы пытались войти.

Да, надо держать ухо востро! Внимательная дамочка!

— А мы по стертым кнопочкам набирали. Раз их еле видно, значит, на них и нажимали, — выкрутилась я.

Мы вошли в дом и поднялись по лестнице. Когда-то, более ста лет назад, это был ход для прислуги. Мы сразу прошли в «мой» коридор. Высокие потолки, сохранившиеся росписи. В комнату жившей напротив нас соседки дверь была открыта. Там в последние годы находилась кухня, и кухонное окно было прикрыто так, что, уверена, каждое произнесенное нами слово могла слышать совсем не простая директриса. Но мы с Зоей Алексеевной, казалось, только и мечтали о таких вот «подмостках»!

— Ах, какая лепнина! Надо ее запечатлеть в нескольких ракурсах! Вот отсюда... И отсюда тоже...

— Интересно, фрески — это какой век? Это можно будет определить лишь в лаборатории. Надо соскоб сделать... Вот так, хватит. А теперь заглянем сюда. О, вот эта лепнина! Очевидно, здесь и был главный зал. Представляете? Оркестр, танцы. Снимайте, снимайте! И как только это все еще сохранилось...

Я молча показала Зое Алексеевне на сундук. Потом провела ее в другую комнату, где совсем недавно сидела на ящике и дрожала. И все это — под наши громкие восторги по поводу прежних мастеров, которые умели делать настоящие архитектурные шедевры.

— Высокие потолки. Высокое искусство. Это идентично, вы не находите?

Войдя, наконец, в парадное, мы продолжали гнуть эту тему. Дверь за собой не закрыли, чтобы и отсюда нас было слышно, а то эта мадам еще явится вслед за нами!

Я отошла в противоположную от бывшей картины сторону, прикидывая, где здесь были лошади, где арка, а где мальчик, который все последние часы так и стоял у меня перед глазами. Вернее, сидел. Намочив в раковине носовой платок, я приложила его к месту, где, по моим расчетам, должна была находиться нога лошади. А уже от нее следовало провести прямую линию к ногам мальчика.

— Здесь, как мне объяснили в управлении культуры, находилась широкая деревянная лестница, — продолжала свой искусствоведческий экскурс Зоя Алексеевна. — Вероятно, отсюда она и начиналась. Пожалуйста, сфотографируйте эту раму. Кстати, надо запечатлеть все окна. Их, как я поняла, не меняли. И потолок возьмите. Как-нибудь объемно.

— Да, да, — подхватила я. — Вот здесь... запечатлею.

Однако нога никак не проявлялась. Под слоем известки был другой слой какого-то желтоватого покрытия. Я вытащила из сумки засунутый мне

родственником скребок и осторожно принялась за работу. Зоя Алексеевна, не переставая говорить, стояла на стреме, откуда просматривался весь коридор.

— Тут, я думаю, соскоб делать бесполезно, — промолвила она. — Все фрески — под несколькими слоями штукатурки. А жаль. Хотя бы кусочек открыть!

Скребок снял уже один слой известки, второй — какой-то другой штукатурки, и я, наконец, добралась до копыта лошади. Провела нужную линию и дотронулась ладонью до скрытого в глубинах штукатурки мальчика. Мне показалось, что я его почувствовала. Что он обрадовался моему приходу.

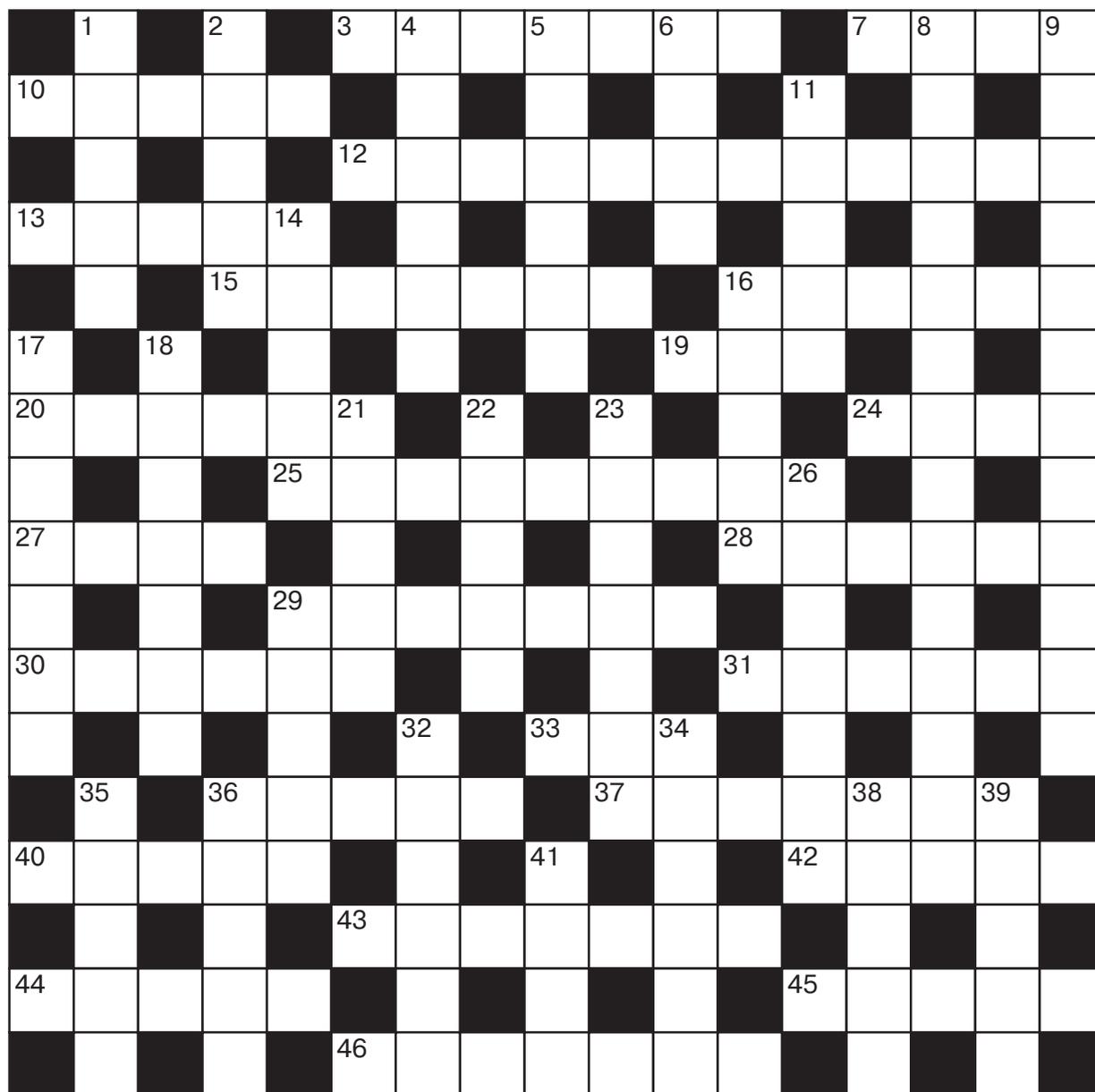
Естественно, теперь следовало поработать инструментами. Но по коридору уже плыла ушлая директриса. Мы поблагодарили ее за участие и выразили сожаление, что не все фрески и лепнина сохранились. А, уходя, заявили, что нам, по всей вероятности, придется зайти сюда еще не раз, чтобы сфотографировать сохранившиеся произведения искусства при солнечном свете, так как сегодня небо было затянуто тучами.

Идя пешком к вокзалу, мы ломали голову — как нам спокойно поработать в парадном? Так, чтобы никто ничего не заподозрил?

И придумали! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто работает «в три смены без выходных»? **7.** «Первая леди» карточной колоды. **10.** Направление движения в экономике. **12.** «... всем нравится, особенно если сопровождается скромностью». **13.** Какой драгоценный камень при 900 градусах Цельсия горит как простой кусок угля? **15.** Карточная комбинация теории вероятности и

закона подлости. **16.** Страх, потерявший самообладание. **19.** Музейное помещение. **20.** Где мужчинам и дамам не по пути? **24.** Кормушка в хлеву. **25.** Какая марка пива попала в название высшей лиги чешского футбола? **27.** Монокль филателиста. **28.** «Великий ... власти в том, чтобы никогда не желать большего, чем можешь совершить».

29. Какое рукоделие «всегда в за-
вязке»? **30.** Официант французской
национальности. **31.** Азиатская сто-
лица с единственным памятником
первому президенту России Бори-
су Ельцину. **33.** Картофельный опус
фастфуда. **36.** «Я поняла, что ста-
ла звездой, когда обменялась ру-
копожатием с Симоной Синьоре на
Каннском кинофестивале в 1985 го-
ду» (мировая актриса). **37.** Живая
«фабрика идей» в рекламном агент-
стве. **40.** Первый президент Рус-
ского физико-химического обще-
ства. **42.** Сани на оленьей тяге.
43. Шорты «имени аномального тре-
угольника». **44.** Развлекает японцев.
45. Увлечение хлопотами. **46.** Ко-
ролевство с крупнейшей авиабазой
США в Персидском заливе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чем птица от
воздуха отталкивается? **2.** «И зе-
лень мертвую ветвей и корни ядом
напоила». **4.** Пережиток древности.
5. Мальчишка, ставший героем кни-
ги «Вино из одуванчиков». **6.** Госу-
дарственный логотип. **8.** Наставник
начинающих водителей. **9.** Жанр ре-

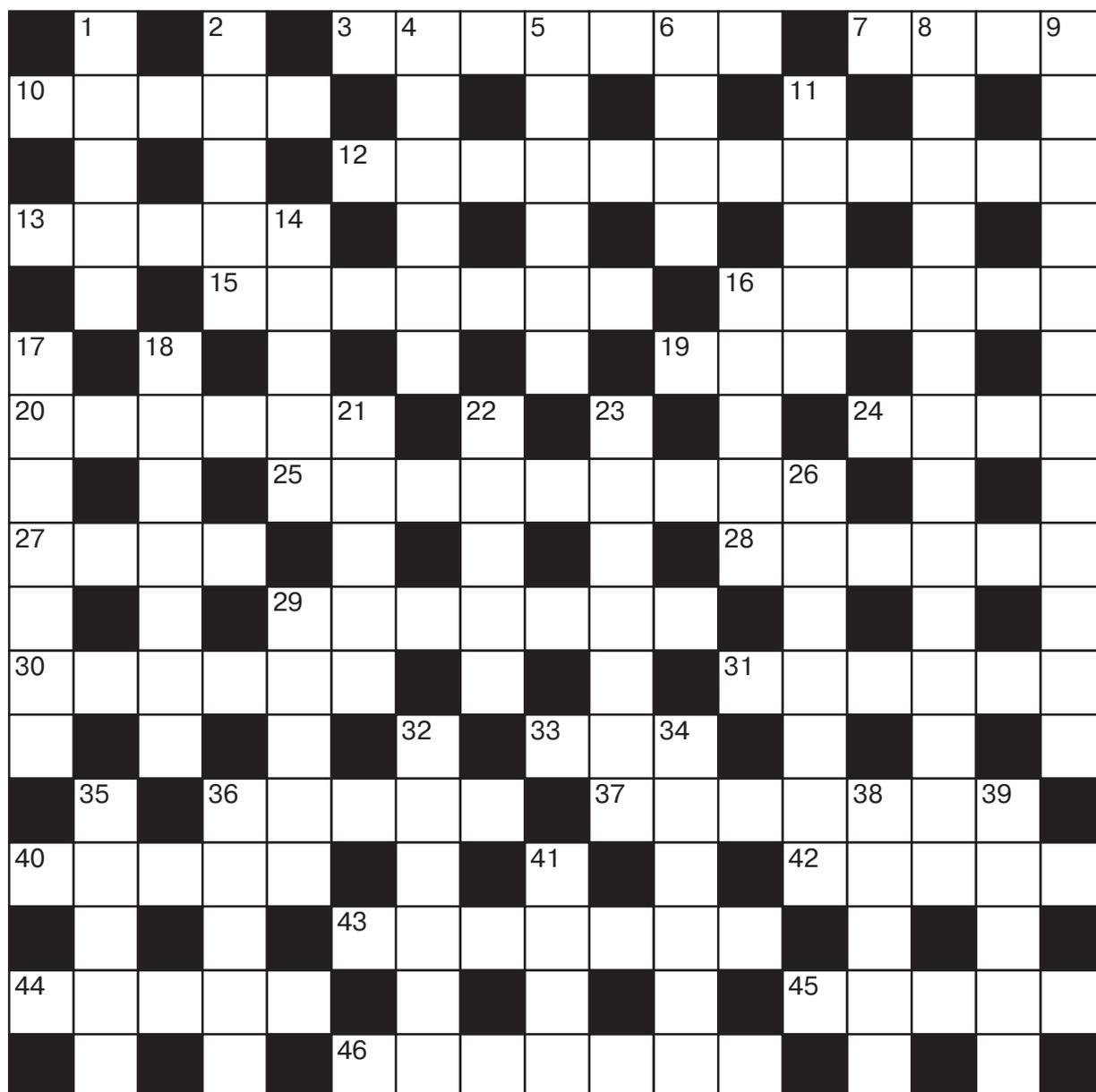
лигиозных откровений. **11.** К какому
конечному пункту постоянно уст-
ремлены желания перфекциониста?
14. Что спринтеров «в путь зовет»?
16. Солнечный ... космического ап-
парата. **17.** Что Василий Аксенов
считал наиболее точным переводом
слова «playboy»? **18.** Самый извест-
ный в мире итальянский аперитив.
21. «Пьедестал» для кипящего кот-
ла. **22.** Приготовления к дальней
дороге. **23.** Первый рейсканцлер
Германии. **26.** Кучер гоголевского
Чичикова. **29.** «Паршивый хищник,
тигр! Дороже ей хорошего человека»
(киногерой). **32.** Как на самом деле
назывался теплоход «Михаил Свет-
лов» из комедии «Бриллиантовая ру-
ка»? **34.** благородный металл, чье
повышенное содержание часто до-
казывает космическое происхожде-
ние вещества. **35.** Волшебный град
из оперы Николая Римского-Корса-
кова. **36.** Первый концерт оперной
дивы Марии ... прошел на крыше ку-
рятника. **38.** Голливудский секс-сим-
вол, мечтающий перебраться жить
в деревню. **39.** Основа «зеркально-
го сплава». **41.** Спасательный круг
на волнах жизни.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Банан. **7.** Вкус. **10.** Киприот. **12.** Рифмование. **13.** Планета.
14. Благородие. **15.** Авиация. **17.** Фрейндлих. **20.** «Рибок». **23.** Кварк. **24.** Коран.
25. Песок. **28.** Барон. **29.** Осень. **30.** Антрекот. **32.** Грузчик. **35.** Жмурки. **37.** Соло.
38. Авантитул. **41.** Банк. **42.** Каникулы. **43.** «Оскар». **44.** Иалы. **45.** Гуррагча.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Циклевщик. **2.** Арендатор. **3.** Ростбиф. **5.** Авиалайнер. **6.** Армагеддон.
8. Канада. **9.** Скелет. **11.** Дворник. **16.** Ярь. **18.** Хвост. **19.** Грант. **21.** Бортжурнал.
22. Каменка. **25.** Патронташ. **26.** Союзник. **27.** Хаджибей. **28.** Бог. **31.** Типун. **33.** Лозунг.
34. Кобыла. **36.** Иваси. **39.** Табу. **40.** Лигр.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Какого критика из «Мастера и Маргариты» Михаил Булгаков писал с Андрея Платонова? **7.** «Словесный талисман» из каббалы. **10.** С каким корейским островом связана легенда о расступающемся море? **12.** Кто создал знаковую скульптуру «Рука пустыни»? **13.** Марсианский вулкан, срывающийся

самой высокой горой в Солнечной системе. **15.** Издатель, чья адресная книга «Вся Москва» всегда лежала на рабочем столе Антона Чехова. **16.** Значение по умолчанию в компьютерных программах. **19.** Очко в крикете. **20.** Тропический плод, чье масло дерматологи используют для борьбы с воспалениями.

24. Пойнтер, чья гибель заставила Николая Некрасова отказаться от охоты. **25.** Английский виски, лично одобренный королем Георгом IV. **27.** Немец, что придумал шкалу твердости минералов. **28.** На какой плите американские индейцы прежде маис в муку превращали? **29.** Кто курировал ракетную программу Третьего рейха? **30.** Какой краской окрашена синяя нить цицита? **31.** Обувь из оленьих шкур у саамов. **33.** Северный суп с клецками. **36.** Кто первым получил жидкий водород? **37.** Великий лирик Древней Греции, упомянутый Эдгаром По в рассказе «Береника». **40.** Сказитель в японском кукольном театре. **42.** Кто знаменит своими скульптурами из тумана? **43.** Мирское имя великого Джордано Бруно. **44.** Племя, отколовшееся от бодричей. **45.** Каким женским именем мать часто в раннем детстве называла Эрнеста Хемингуэя? **46.** Степень сжатия цифрового изображения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гончая для охоты на зайцев. **2.** Кто из английских шахматных гроссмейстеров по-

лучил от коллег прозвище «Человек-паук»? **4.** «Крестный отец» сноубординга. **5.** Единственный, кто получил две Нобелевских премии по физике. **6.** Танец «времен года» у древних греков. **8.** Роль подесты во времена Данте. **9.** Перуанская лилия. **11.** Венчик для японской чайной церемонии. **14.** Высочайшая точка крупнейшего филиппинского острова Лусон. **16.** Английское графство с деревней No Place, что означает «место, которого нет». **17.** Техника, использованная Леонардо да Винчи при создании «Джоконды». **18.** Файл с бинауральными ритмами. **21.** Отец царя Креза. **22.** Красавицы при дворе микадо. **23.** Какой коммерсант стал первым президентом МОК? **26.** Мужская фигура в роли опоры. **29.** Тропический орех, при разделке которого многие чистильщики получают ожоги. **32.** Итальянский «сэндвич». **34.** Волынка у молдаван. **35.** Прозрачная рисовая лапша. **36.** Духовный мир человека в иранской мифологии. **38.** Мексиканские чипсы. **39.** Конфеты на основе целликовых ягод и фруктов. **41.** Ночной намаз.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Майар. **7.** Якоб. **10.** Померий. **12.** Артаксеркс. **13.** Филидор. **14.** Аппендицит. **15.** Кинкхаб. **17.** Ганифитиш. **20.** Радиб. **23.** Кийма. **24.** Нидер. **25.** Лебон. **28.** Гарин. **29.** Пшинэ. **30.** Полиглот. **32.** Мульсум. **35.** Террор. **37.** Бурр. **38.** Фаустрехт. **41.** Кота. **42.** Джеракин. **43.** Серин. **44.** Чанг. **45.** Авионика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Доминикан. **2.** Гемииоксид. **3.** Фитофаг. **5.** Агриппинер. **6.** Анателикон. **8.** Корица. **9.** Бисетр. **11.** Всадник. **16.** Бай. **18.** Шикша. **19.** Эмуна. **21.** Дихлорэтан. **22.** Бергхоф. **25.** Латунский. **26.** Бильярд. **27.** Спотыкач. **28.** Гом. **31.** Дубхе. **33.** Жуокси. **34.** Тринка. **36.** Ранер. **39.** Ежов. **40.** Трео.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

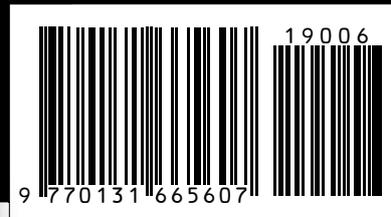
Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

